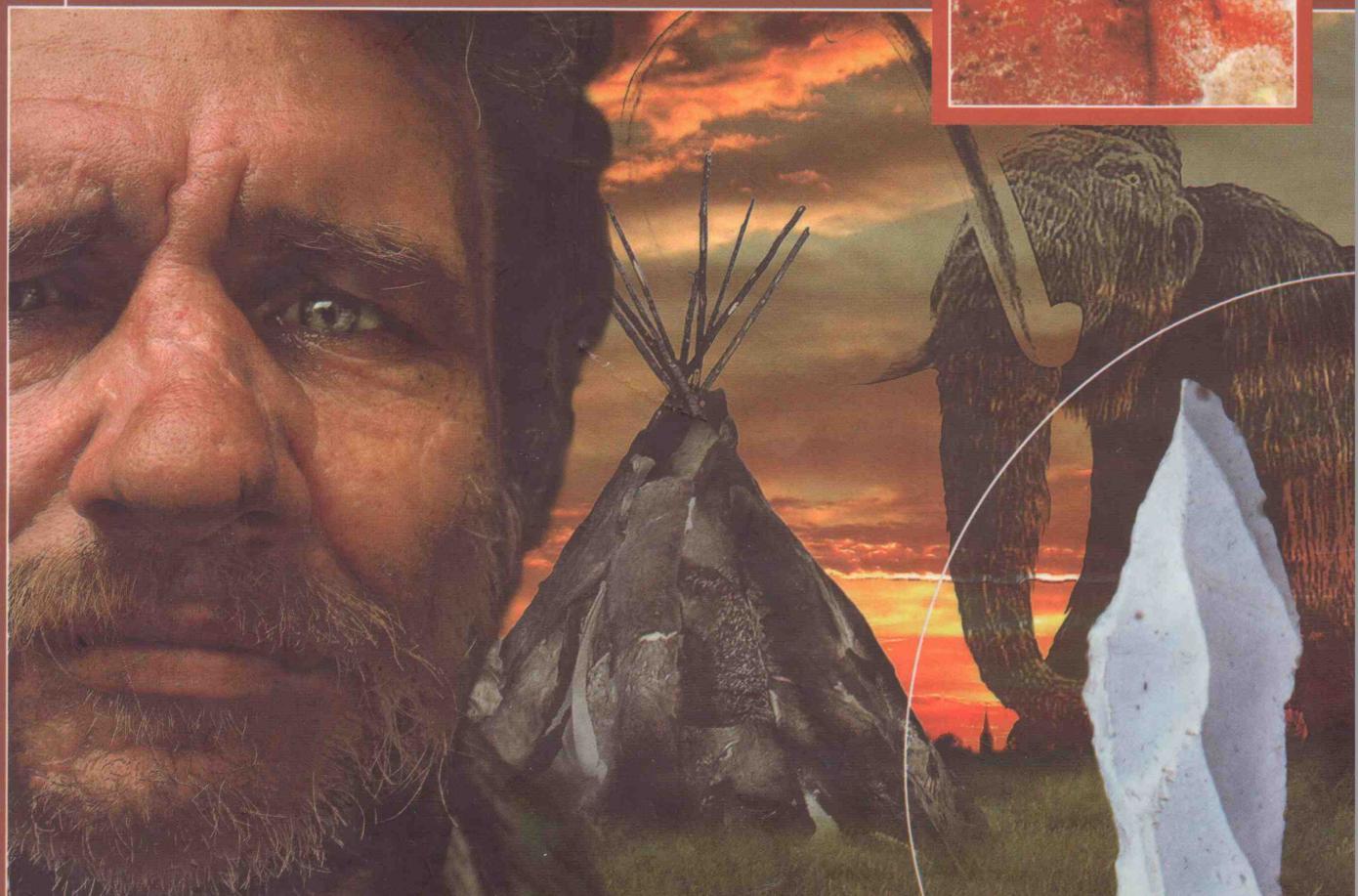

2003-2004 №1
STRATUM+
КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ АРХЕОЛОГИЯ

В ЭПОХУ МАМОНТОВ

- Н.А. Кетрару – у истоков палеолитоведения в Молдове
- Мамонт в среднем палеолите Восточной Европы
- Изображения мамонтов в европейском искусстве
- Человек и мамонт в Северной Америке
- Жилища из костей мамонтов
- Поздний палеолит Причерноморья
- Эпиграветтская мастерская в Крыму
- Мезолит бассейна Оки
- Проблемы грота Кикик-Коба
- Ландшафты каменного века
- Методологические инновации
- Как отличить хорошую теоретическую работу

THE AGE OF MAMMOTHS

- N.A. Chetaru: the Beginning of Palaeolithic Studies in Moldova**
- Mammoth in the Middle Palaeolithic of East Europe**
- Depictions of Mammoth in European Art**
- Man and Mammoth in North America**
- Bones of Mammoth Used for Construction of Dwellings**
- Late Palaeolithic of Northern Black Sea Area**
- Epigravettian Workshop in Crimea**
- Mesolithic in Oka Basin**
- Problems of Kiik-Koba Grotto**
- Stone Age Landscapes**
- Methodological Innovations**
- How to Distinguish a Good Archaeological Research**

**MD 2024. Республика Молдова, Кишинев, ул.Зимбрулуй 10 а,
Высшая антропологическая школа, журнал STRATUM plus. Тел. (3732) 438-342;
E-mail: stratum2004@mail.ru**

Решением Президиума Национального Совета по Аккредитации и Аттестации
Республики Молдова от 14 октября 2004 г. журнал «STRATUM plus» признан профильным
в области исторических наук.

Главный редактор

— канд. ист. наук Марк Е. Ткачук

Редактор-координатор

— канд. ист. наук Роман А. Рабинович

Ответственный секретарь

— доктор истории Леонид А. Мосионжник

Основатель журнала

— Алексей С. Тулбуре

РЕДКОЛЛЕГИЯ

М.Бабеш

— доктор истории (Институт Археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния)

С.В. Белецкий

— докт.ист.наук, профессор (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)

И.А.Борзияк

— канд.ист.наук (Международный Свободный Университет Молдовы (ULIM), Кишинев, Молдова)

В.И.Боршевич

— профессор (Молдавское отделение Международной Академии Информатизации при ООН, Кишинёв, Молдова)

И.В.Бруяко

— докт.ист.наук (Одесский археологический музей, Одесса, Украина)

Л.Б.Вишняцкий

— канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)

А.П.Городенко

— доктор истории (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)

Е.Ю.Гиря

— канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)

В.А.Дергачев

— докт.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Институт археологии и этнографии АН, Кишинев, Молдова)

А.О.Добролюбский

— докт.ист.наук (Южноукраинский педагогический университет, Одесса, Украина)

В.Ю.Зуев

— канд.ист.наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)

В.П.Кирилко

— канд.ист.наук (Институт Археологии НАНУ, Симферополь, Украина)

А.А. Ковалев

— чл.-корреспондент Германского Археологического Института, руководитель Центрально-Азиатской международной археологической экспедиции (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

С.И.Коваленко

— канд.ист.наук (Национальный Музей истории Молдовы, Кишинев, Молдова)

И.В.Манзура

— канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)

К.К.Марченко

— докт.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)

В.Л.Мыц

— канд.ист.наук (Институт Археологии НАНУ, Симферополь, Украина)

Е.Николае

— доктор истории (Институт Археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния)

Н.Д.Руссов

— докт.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)

В.Н.Станко

— докт.ист.наук, профессор (Николаевский государственный университет, Николаев, Украина)

Н.П.Тельнов

— канд.ист.наук (Институт археологии и этнографии АН, Кишинев, Молдова)

О.В.Шаров

— канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)

П.В.Шувалов

— канд.ист.наук (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

О.А.Щеглова

— канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)

М.Б.Шукин

— докт.ист.наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)

Stratum plus — международный журнал по археологии и культурной антропологии. Издается университетом «Высшая Антропологическая Школа» в Кишиневе, Республика Молдова.

Журнал выходит шесть раз в год на русском языке в виде тематических номеров, каждый из которых посвящается либо отдельной эпохе, либо отдельной достаточно актуальной научной проблеме.

Все материалы рецензируются.

Редактор номера — Леонид Б. Вишняцкий
Заместитель редактора — Сергей И. Коваленко

Редколлегия номера:

**М.В. Аникович
Н.К. Анисуткин
Г.В. Григорьева
А.Н. Левинский
Н.А. Рэйляну**

Санкт-Петербург • Кишинёв • Одесса • Бухарест

Все права защищены!

© Высшая Антропологическая Школа
© Обложка: Д.А. Топал
© Оригинал-макет: Г.В. Засыпкина, Л.А. Мосионжник, А.В. Фелькер

**70-летию
Николая Антоновича Кетрару
посвящается**

70-летию Николая Антоновича Кетрару посвящается

СОДЕРЖАНИЕ

AD GLORIAM

Н.А. Рэйляну (<i>Кишинёв, Молдова</i>). Н.А. Кетрару: Начало большого пути.....	9
С.И. Коваленко (<i>Кишинёв, Молдова</i>). Первый «каменщик» Молдовы	11
Н.К. Аниюткин, Г.В. Григорьева (<i>С.-Петербург, Россия</i>). Н.А. Кетрару и палеолит Молдовы	14
Список опубликованных работ Н.А. Кетрару	18

ЧЕЛОВЕК – МАМОНТ – КУЛЬТУРА

З.А. Абрамова (<i>С.-Петербург, Россия</i>). Каталог изображений мамонта в европейском палеолитическом искусстве малых форм	23
З.А. Абрамова (<i>С.-Петербург, Россия</i>). Каталог изображений мамонта в палеолитическом настенном искусстве Европы	68
Н.К. Аниюткин (<i>С.-Петербург, Россия</i>). Мамонт в среднем палеолите Восточной Европы (к вопросу о мустерьских жилых структурах и использовании костей мамонта)	114
С.А. Васильев (<i>С.-Петербург, Россия</i>). Человек и мамонт в палеолите Северной Америки	130
И.Е. Кузьмина (<i>С.-Петербург, Россия</i>). Позднеантропогеновая териофауна юго-запада и центра Русской равнины	141
В.В. Попов (<i>Воронеж, Россия</i>). Кости мамонта в конструкции жилища аносовско- мезинского типа на стоянке Костёнки 11 (Аносовка 2)	157

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

В.Н. Степанчук (<i>Киев, Украина</i>). Стоянка Мира в Среднем Поднепровье: к вопросу о гомогенности палеолитических слоев	187
А.В. Главенчук (<i>Одесса, Украина</i>). Исследование производственного участка на позднепалеолитическом поселении Анетовке 2	206
А.П. Весельский (<i>Симферополь, Украина</i>). Бодрак – новый памятник верхнего палеолита в Юго-Западном Крыму	228
С.П. Смольянинова (<i>Одесса, Украина</i>). О некоторых группах изделий с вторичной обработкой ряда мезолитических стоянок Северо-Западного Причерноморья	248
С.О. Ремизов (<i>Волгоград, Россия</i>). Новая стоянка каменного века на территории Волгоградской области.....	267

ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА ЕВРОПЫ

Ю.Э. Демиденко (<i>Киев, Украина</i>). Проблемы эпохальной и индустриальной атрибуции комплексов находок типа нижнего слоя грота Киик-Коба в Крыму	271
С.И. Коваленко (<i>Кишинёв, Молдова</i>). К вопросу о днестровском эпиориньяке	301
Н.П. Оленковский (<i>Херсон, Украина</i>). Нижнеднепровская эпиграветтская культура ..	307
И.В. Сапожников (<i>Одесса, Украина</i>). Стоянка Чобручи и периодизация заключительного этапа позднего палеолита причерноморских степей	334

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

А.Н. Сорокин (Москва, Россия). Мезолитические стоянки низовьев р. Мокши	359
Введение	359
Глава 1. Источники	361
Пургасово 3	361
Пургасово 4 – 9	392
Барашево 1	393
Барашево 2	404
Глава 2. Мезолит Оки	404
Бутовская культура	406
Памятники типа Красново 1	410
Рессетинская культура	413
Иеневская культура	418
Пургасовская культура	435
Заключение	439

ЭКО-СОЦИАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

Е.В. Смынтына (Одесса, Украина). Ландшафт в археологии и первобытной истории: основные подходы к концептуализации	444
С.И. Медяник (Сан-Паулу, Бразилия – Кишинёв, Молдова), И.В. Сапожников (Одесса, Украина). Природная среда обитания древнего человека на юго-западе Восточной Европы в позднем палеолите (по данным палинологии стоянки Большая Аккаржа и опорных разрезов)	454
Г.В. Григорьева (С.-Петербург, Россия). Планиграфия бус-нашивок верхнепалеолитического поселения Юдиново (раскопки 1988–1990, 1995–1997, 2000–2001 гг.)	467

ТЕОРЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Л.С. Клейн (С.-Петербург, Россия). Как отличить хорошую теоретическую работу по археологии от плохой?	482
М.В. Аникович (С.-Петербург, Россия). Некоторые методологические проблемы первобытной археологии и основные обобщающие понятия: «археологическая эпоха», «археологическая культура», «технокомплекс», «историко-культурная область»	487

РЕЦЕНЗИИ

Ю.Э. Демиденко, Д.Ю. Нужный (Киев, Украина). Проблемы верхнего палеолита Северного Причерноморья и книга И.В. Сапожникова «Большая Аккаржа. Хозяйство и культура позднего палеолита Степной Украины»	507
---	------------

* * *

В.Я. Шумкин (С.-Петербург, Россия). Опять смерть лучших выбирает... Памяти Владимира Ивановича Тимофеева (14.06.1947 – 08.08.2004)	524
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	527
УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!	529

CONTENTS

AD GLORIAM

N.A. Răileanu (<i>Kishinev, Moldova</i>). N.A. Chetaru: The Beginnings.....	9
S.I. Covalenco (<i>Kishinev, Moldova</i>). The Leading Stone Age Researcher of Moldova	11
N.K. Anisyutkin, G.V. Grigorieva (<i>St. Petersburg, Russia</i>). N.A. Chetaru and the Palaeolithic of Moldova	14
List of Published Works by N.A. Chetaru	18

MAN – MAMMOTH – CULTURE

Z.A. Abramova (<i>St. Petersburg, Russia</i>). A Catalogue of Depictions of Mammoth in European Palaeolithic Miniature Art.....	23
Z.A. Abramova (<i>St. Petersburg, Russia</i>). A Catalogue of Depictions of Mammoth in European Palaeolithic Wall Art	68
N.K. Anisyutkin (<i>St. Petersburg, Russia</i>). Mammoth in the Middle Paleolithic of East Europe (on the problem of Mousterian living structures and the use of mammoth bones)	114
S.A. Vasiliev (<i>St. Petersburg, Russia</i>). Man and Mammoth in the Paleolithic of North America	130
I.E. Kuzmina (<i>St. Petersburg, Russia</i>). Late Anthropogenic Fauna of South-Western and Central Russian Plain	141
V.V. Popov (<i>Voronezh, Russia</i>). Bones of Mammoth in Construction of Dwellings of Anosovka-Mezin Type on the Station Kostenki 11 (Anosovka 2)	157

RESEARCH AND PUBLICATIONS

V. N. Stepanchuk (<i>Kiev, Ukraine</i>). The site of Mira in the Middle Dnieper area: On the question of homogeneity of Paleolithic layers	187
A.V. Glavchuk (<i>Odessa, Ukraine</i>). Study of a Manufacture Area on the Late Palaeolithic Settlement of Anetovka II	206
A.P. Veselsky (<i>Simferopol, Ukraine</i>). Bodrak: A New Upper Paleolithic Site in South-Western Crimea	228
S.P. Smolyanova (<i>Odessa, Ukraine</i>). Some Groups of Retouched Stone Tools from Mesolithic Sites on the Northwest Coast of the Black Sea	248
S.O. Remizov (<i>Volgograd, Russia</i>). A New Stone Age Station in Volgograd Oblast'	267

PROBLEMS OF THE PALAEOLITHIC AND MESOLITHIC OF EUROPE

Yu.E. Demidenko (<i>Kiev, Ukraine</i>). Problems of Epochal and Industrial Attribution for Kiik-Koba Rock-Shelter, Lower Layer Type Complexes in the Crimea	271
S.I. Covalenco (<i>Kishinev, Moldova</i>). A Contribution to the Problem of the Dniester Epi-Aurignacien	301
N.P. Olenkovskiy (<i>Kherson, Ukraine</i>). Nizhnedniprovska (Lower Dnieper) Epigravettian Culture	307
I.V. Sapozhnikov (<i>Odessa, Ukraine</i>). The Ciobruci Station and Periodization of the Final Stage of the Late Palaeolithic in the Black Sea Steppes	334

MONOGRAPH IN THE JOURNAL

A.N. Sorokin (*Moscow, Russia*). The Mesolithic Stations on the Lower Moksha River 359

ECO-SOCIAL RECONSTRUCTIONS

E.V. Smyntyna (<i>Odessa, Ukraine</i>). Landscape in Archaeology and Primitive History: Main Approaches to Conceptualisation	444
S.I. Medyanik (<i>São Paulo, Brazil – Kishinev, Moldova</i>), I.V. Sapozhnikov (<i>Odessa, Ukraine</i>). Natural Habitat of the Early Man in South-West of the Eastern Europe in Late Palaeolithic (based on palynological data and sections from the station Bolshaya Akkarzha)	454
G.V. Grigorieva (<i>St. Petersburg, Russia</i>). Planigraphy of Sew-on-Beads on the Upper Palaeolithic Settlement of Yudinovo (excavations of 1988 – 1990, 1995 – 1997 and 2000 – 2001)	467

ARCHAEOLOGICAL THEOREMS

L.S. Klejn (<i>St. Petersburg, Russia</i>). How to Distinguish a Good Theoretical Archaeological Work of a Bad One?	482
M.V. Anikovich (<i>St. Petersburg, Russia</i>). Some Methodological Problems of Primitive Archaeology and Basic Generalizing Concepts: «Archaeological Stage», «Archaeological Culture», «Technical Complex», «Cultural-Historical Region»	487

REVIEWS

Yu.E. Demidenko, D.Yy. Nuzhnyi (<i>Kiev, Ukraine</i>). Upper Palaeolithic Problems in the North Black Sea Region and I.V. Sapozhnikov's Book “Bolshaya Akkarzha. Upper Palaeolithic Economy and Culture of the Ukrainian Steppe”	507
--	-----

* * *

V.Ya. Shumkin (<i>St. Petersburg, Russia</i>). The Death Again Has Chosen the Best One... To the Memory of Vladimir Ivanovich Timofeev (14.06.1947 – 08.08.2004)	524
--	-----

LIST OF ABBREVIATIONS	527
-----------------------------	-----

CALL FOR PAPERS	529
-----------------------	-----

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

A.H. Сорокин

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ НИЗОВЬЕВ Р. МОКШИ

*Светлой памяти Бориса Андреевича
Фоломеева посвящается*

A.N. Sorokin. The Mesolithic Stations on the Lower Moksha river.

At least 50 sites with Mesolithic finds are known at present in the basin of the Lower Moksha river, but valuable informative material was obtained only from Purgasovo 3 and Barashevo 1. The main task of this work is a monographic description of the collections.

Over 3000 artefacts were collected in Purgasovo 3, tool constitute 34% of the association. The peculiarity of Purgasovo 3 is strikingly strong, this fact permits to single out this site together with similar ones as an original Purgasovo archaeological culture, included into the circle of post-Swider cultures.

Collection from Barashevo 1 comprises 6820 artefacts, tools make for 7.5% of the assemblage. Lack of post-Swider arrowheads is a specific feature of this collection, which distinguishes it from typical Mesolithic sites of the Volga-Oka region. Comparison of Barashevo 1 with the sites of Kultino 1, Staraya Pustyn', Ugolnovo 1 and Velet' minskaya 9 displays their similarity, on the one hand, and their difference from the stations of Butovo, Ienevo, Resseta, and Purgasovo cultures, on the other hand. These observations produce the ground to consolidate the sites mentioned above into Kultino archaeological culture. Its genesis, probably, was related to the Mesolithic of the Kama-Vyatka rivers' interfluve.

The site of Barashevo 1 enables a homogeneous association, while Purgasovo 3 displays syncretic features, though the origin of the syncretism is not clear so far. Having analyzed Mesolithic sources, the author claims that syncretism occurs more frequently not as a result of interaction of ancient population's groups, but is caused by the activity of natural factors, and first of all, soil processes. Phenomenon of naturation in this sense represents a threat, since it produces normally a source, practically indistinguishable in outward appearance from that emerging in the course of different ethnic groups' interaction. The material from Mesolithic sites located on the Moksha river is an obvious testimony of numerous and still unresolved problems in the Mesolithic studies.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение каменного века низовьев Мокши¹ началось еще в 1930 г., когда рязанский краевед Н.В. Говоров обнаружил несколько стоянок в окрестностях г. Кадом Рязанской области. В 1962 г. были опубликованы мезолитические орудия с Воскресенской Горы на р. Цна в Тамбовской области (Попова 1962). В 1977 г. в окрестностях с. Заулки Кадомского р-на Рязанской области в урочище «Петрушкин бугор» на Мокше были найдены орудия мезолитического облика (Зеленеев, Шитов 1978). В 1970-1980 годы наиболее активно изучались Верхнее и Среднее Примокшанье, расположенные на территории Республики Мордовия, причем исследованию подвергались по преимуществу стоянки эпохи неолита и энеолита (Халиков 1969; Третьяков 1990). Обследование Нижнего Примокшанья носило эпизодический характер. В сводных ра-

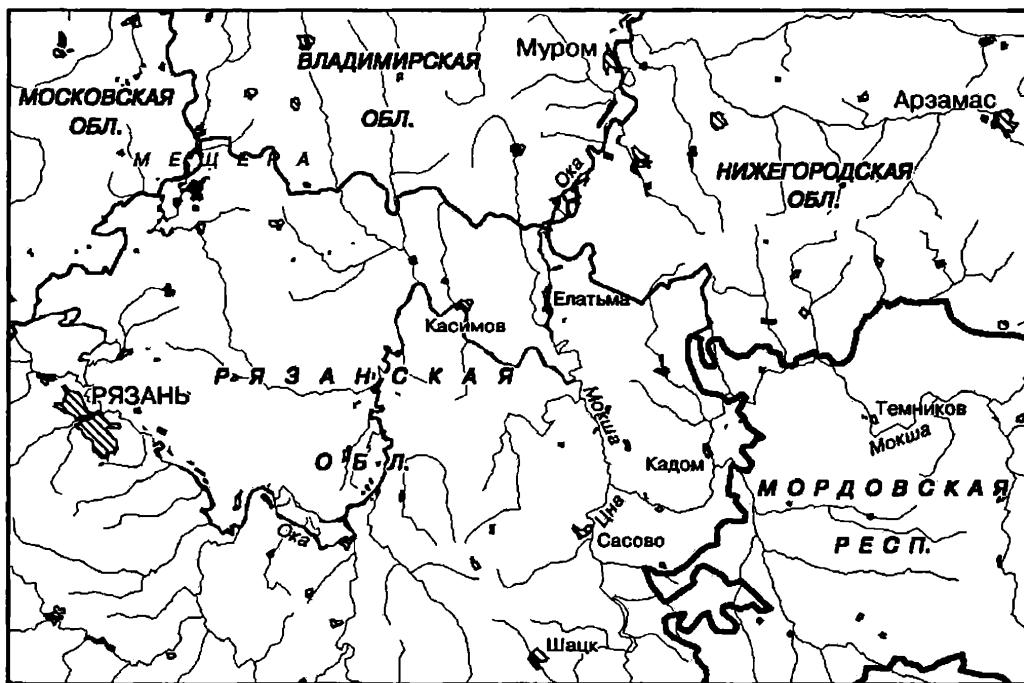
ботах, посвященных эпохе камня Примокшанья (Халиков 1969; Шитов 1976; Третьяков 1987; Третьяков 1990; Выборнов, Третьяков 1988), мезолитические материалы упоминаются лишь вскользь и выделяются, преимущественно, типологически (Имерские стоянки, Баево, Тарвас-Молот, Старокочеевская 1 и 2, Виндрейская, Шаверки 5 и Березовская 1 стоянки). Сколько-нибудь полноценного впечатления по ним получить не удается.

В 1983 г. во время разведок по Своду памятников Рязанской области Б.А. Фоломеевым² в окрестностях д. Пургасово Кадомского р-на были открыты три памятника: два городища на территории самой деревни и стоянка эпохи мезолита к югу от нее. Стоянка была названа Пургасово 3. Пургасово 3 стало первым из известных практически «чистым» мезолити-

¹ В географическом отношении под Нижней Мокшой подразумевается отрезок в пределах Рязанского течения реки.

² Б.А. Фоломеев. Отчет о работе Окско-Донской экспедиции ГИМ в 1983 г. Р - 1. № 9663, а, б.

Рис. 1. Карта памятников (1, 2 – Баращево 1, 2; 3 – Пургасово 3; 4-9 – Пургасово 4-9.

ческим памятником на Нижней Мокше. В 1985 г. в ходе обследования проектируемого мелиоративного объекта, проведенного Оксской экспедицией под руководством автора, неподалеку от стоянки были найдены еще три пункта каменных изделий (Пургасово 4-6), а на стоянке Пургасово 3, в связи с ее аварийным состоянием, проведены рекогносировочные раскопки и собран подъемный материал³. В 1986 г. В.П. Челяповым была открыта стоянка Баращево 1, сборы на которой проводил в 1987 и 1989 гг. автор. В 1986 г. при обследовании зоны мелиоративного объекта в окрестностях села Конобеево-Лесное на р. Цна им же было открыто около 20 мезолитических стоянок, а в 1989 г. – местонахождение Баращево 2. В 1990 г. при обследовании зоны строительства внутрихозяйственной автодороги Енкаево – Пургасово к западу и северо-западу от д. Пургасово было найдено еще три пункта (Пургасово 7-9), материал которых может быть отнесен к мезолиту. К сожалению, ни один из этих памятников раскопать так и не удалось. Повторный осмотр памятников, проведенный в 1992 г., показал, что все они (кроме Пургасово 9, уничтоженного песчаным карьером в ходе строительства автодороги), хорошо задерновались и подъемный материал на них практически отсутствует. Печальная участь постигла и стоянку Баращево 1, которая тоже была уничтожена песчаным карьером в ходе строительства автодороги.

В 1990-е годы на территории Мордовии были исследованы стоянки Зарека и Клюквенное, а в Пензенской области – Пензенские стоянки (Ставицкий 1999). Лишь первая из них не имеет «примазки» поздних материалов, но и в ней было собрано лишь 318 кремневых предметов (Ставицкий 1999: 24). Несмотря на то, что в настоящее время мезолитические изделия с территории Нижнего Примокшанья происходят уже не менее чем с 50 пунктов, полноценные материалы были получены лишь на двух памятниках – Пургасово 3 и Баращево 1. Главной задачей данной работы служит публикация материалов этих стоянок.

Орографически Нижнее Примокшанье относится к зоне Окско-Мокшинской низины – зандровой равнины, входящей в главный зандровый пояс Восточной Европы (Физико-географическое районирование... 1963; Абатуров 1968). Это обстоятельство обусловило проявление и здесь тех же закономерностей в формировании и характере археологических источников, а также их культурном облике, которые были установлены для всей территории Европейских зандровых низменностей (Сорокин 2000а; Сорокин 2000б). Стоянки Нижнего Примокшанья относятся к традиционным видам археологических источников, а это значит, что почти единственным доступным для анализа является каменный инвентарь. Его описанию посвящена следующая глава.

³ А.Н. Сорокин Отчет об исследованиях в Рязанской области в 1985 г. Р – 1. № 11155.

ГЛАВА 1. ИСТОЧНИКИ

Пургасово 3

Пургасово 3 расположено в 0,8 км к югу от западного конца одноименной деревни в междуречье рек Мокша и Ермишь, в 0,5 км к северу от устья последней, на песчаном останце первой надпойменной террасы р. Мокша, высота которого над уровнем высокой поймы менее 1 м. Высота памятника над уровнем воды в р. Мокша при меженном урезе воды около 8 м. Останец вытянут с северо-востока на юго-запад, его длина составляет 120 м, а ширина – 60 м. К югу и юго-западу от памятника имеются старичные понижения. Большая часть памятника в 1985 г. была лишена растительного покрова и носила признаки вспашки. В северо-восточной части останец активно развеивался. В юго-западной части имеется сильно оплывшая силосная яма. Каменные изделия были встречены практически по всей площади, но наибольшее их число было сосредоточено в пределах котловин выдувания и на склоновых участках, где нарушения слоя максимальны. Помимо сборов подъемного материала было заложено три шурфа и раскоп общей площадью в 60 м².

Раскоп располагался в юго-западной части останца и с востока вплотную примыкал к силосной яме. Он имел прямоугольную форму и был ориентирован длинной стороной по оси север-юг. Первоначально площадь раскопа почти не затрагивала углубления силосной ямы, однако в ходе работ, когда в раскопе были обнаружены древние пятна, было решено исследовать их максимально полно, для чего с запада были прирезаны еще две линии квадратов (2 × 10 м), при этом было вскрыто не менее трети старой силосной ямы и исследованы остатки потревоженных ею птиц, связанных с горизонтом погребенной почвы мезолитического времени. В результате габариты раскопа составили 6 × 10 м.

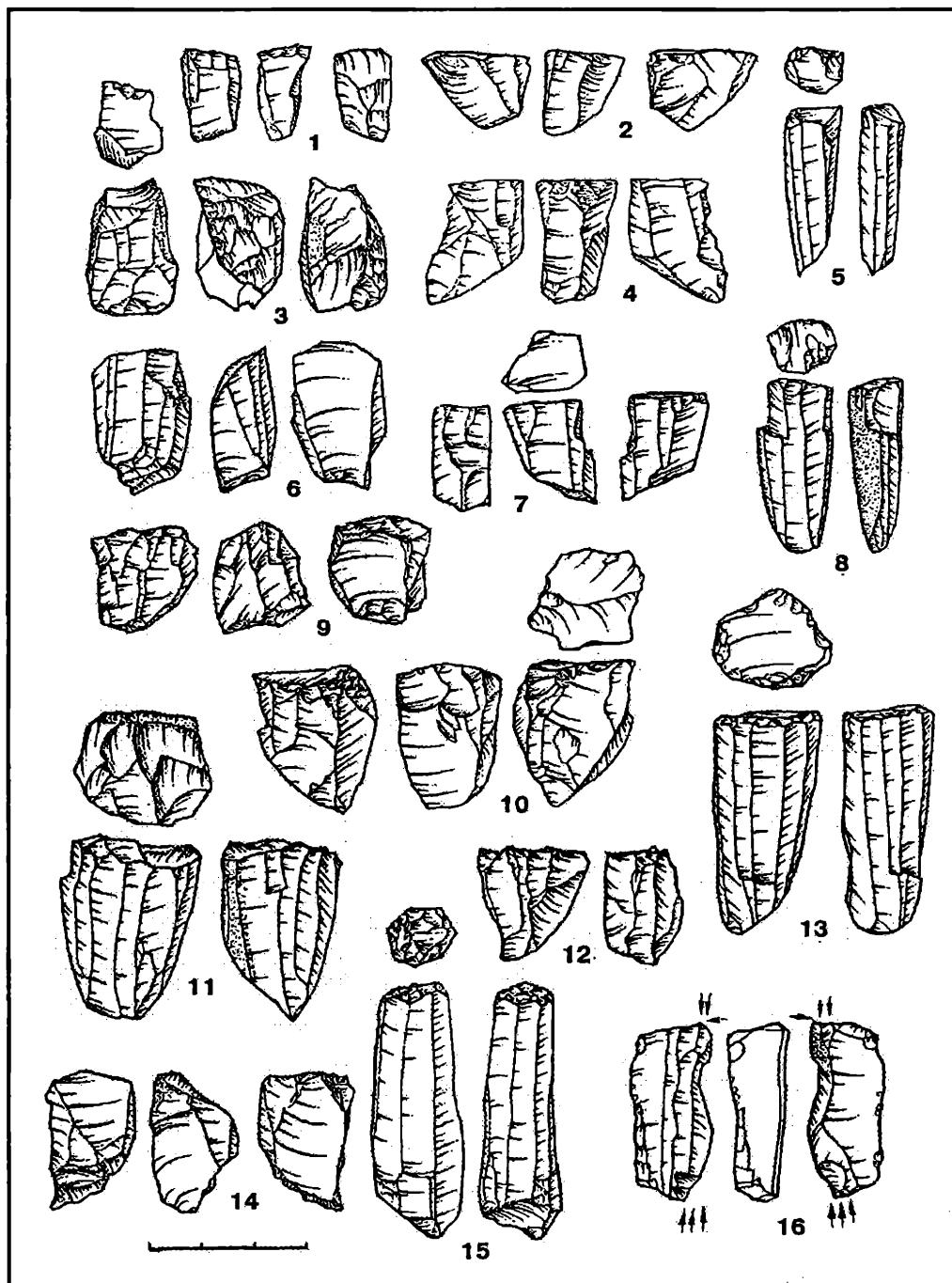
Методика раскопок. Как показывает опыт раскопок мезолитических памятников Центральной России, культурный слой большинства из них не имеет своей собственной окраски. Найдки залегают, как правило, в рыхлых дюнных или террасовых отложениях, цветность которых определяется естественными причинами – в первую очередь, почвенными процессами. Сказанное в полной мере относится и к торфяниковым стоянкам, с той лишь разницей, что на них наиболее существенную роль оказывают процессы заболачивания, регрессии и трансгрессии воды, а также аэрации. Культурные слои «дюн-

ных» памятников, то есть таких, которые залегают в рыхлых песчаных отложениях, традиционно определяются как «горизонт залегания находок». Мощность таких горизонтов часто весьма значительна и достигает порой 1 м. Для повышения уровня надежности такого рода археологических источников автором, на основе обобщения опыта отечественных и зарубежных исследователей, главным образом в области палеолита, в 1982 г. была предложена методика исследования мезолитических памятников с неокрашенным культурным слоем. Суть ее заключается в фиксации всех без исключения находок, птиц и сооружений по трем координатам: двум в плане и по глубинам. Привязка находок, а также других элементов слоя по трем координатам позволяет установить пространственное распределение артефактов, получить достоверную картину «наполнителя культурного слоя», понять структуру самого слоя и установить основные причины его разрушения. Методика «трехмерной фиксации», в отличие от общепринятой методики фиксации по условным горизонтам любой мощности, более объективна, так как позволяет избежать существенного недостатка последней – произвольной группировки материала исследователем. Методика фиксации по условным горизонтам осознано или неосознанно приводит к искажению объективно существующей картины распределения материала, искажает естественно сложившееся распределение культурных остатков и, следовательно, ведет к уменьшению информативности и без того скучного источника. Поэтому обычно картина, при которой материал, добытый во время раскопок, не более информативен, чем собранный в виде подъемного материала, так как по нему невозможно убедиться в «чистоте» или смешанности полученных на памятнике находок, установить их хронологическую соподчиненность и принадлежность к тому или иному комплексу (Сорокин 1987д; 1989а).

Размер квадратов раскопа 1 × 1 м. Все они дополнительно подразделяются на четыре сектора размером 50 × 50 см, которые принято обозначать начальными буквами русского алфавита А, Б, В, Г. Дислокация секторов соответствует картографической. Во время раскопок все артефакты фиксируются на планах раскопа, выполненных в масштабе 1: 10.⁴ Находки зано-

⁴ В случае необходимости для большей детализации масштаб плана может быть увеличен.

Рис. 2. Пургасово 3. Каменные изделия.

сятся на чертежи условными знаками, рядом с ними на плане проставляется глубина залегания. Одновременно на всех предметах делается карандашная запись, состоящая из данных о номере раскопа, квадрата, сектора квадрата и глубины залегания находки. Все это позволяет идентифицировать положение любого предмета. Масштаб условного знака на чертеже выбирается с таким расчетом, чтобы его величина «не забивала» изображение, особенно при последующей камеральной обработке планов, когда составляются графы распределения артефактов.

Затем в ходе камеральной обработки составляются полигоны распределения материала. Первоначально в качестве инструмента ис-

пользовались листы миллиметровки, на которые в продольной и поперечной проекции выносились все находки. Масштаб профилей распределения также, как и планов раскопа, составляет 1: 10. Отсутствие пересчета данных позволяет избежать значительного числа ошибок. Количество профилей определяется размерами раскопа по длине и ширине. В процессе анализа профилей распределения находок мы получаем объективную картину залегания находок на памятнике, фактически структуру слоя, то есть сохраняем информацию, которая теряется при исследовании памятника по условным горизонтам. «Естественное залегание» артефактов позволяет получить надежный в источниковедческом отношении источник, способный дать ответ на

вопрос о местоположении любого предмета в пространстве, о его взаимосвязи с другими предметами и принадлежности к тому или иному комплексу. Благодаря этому удается синтезировать разрозненные полевые наблюдения, а в ряде случаев – выявить стертую почвенными процессами археологическую стратиграфию слоев, то есть многослойность памятника. При необходимости определения места любой находки на плане поселения (раскопа) все сводится к чисто технической процедуре прочтения записанной на находке информации и нахождения соответствующего ей значка на плане и профилях распределения. Такой источник не только может быть подвергнут критике, чем достигается его надежность в качестве исторического источника, но и может быть установлена его смешанность или «чистота». В настоящее время процедура пространственного моделирования существенно упрощена путем использования компьютера. Применение компьютера позволяет не столько сократить время на ввод данных, сколько получить существенные преимущества в процессе их обработки, так как делает число вероятных моделей практически неограниченным. Кроме того, при компьютерном моделировании может быть избран любой шаг изображения, что позволяет оперировать не только всей совокупностью данных или отдельными проекциями, но и получать выборки с

любым заданным числом данных (Борисенко, Бубнов, Смирнов 1996).

Из-за отсутствия визуально значимых реперов на поверхности памятника и вблизи него за нулевой репер был условно принят отметка точки пересечения границ квадратов 1 и 2 на южной стенке раскопа. Поверхность раскопа имела значительные перепады по высоте, достигающие, как в квадрате 5, где слой был полностью уничтожен силосной ямой, до 155 см. Напротив, в квадратах 1, 2, 11-13 слой оказался перекрыт выкидом из ямы и отметки поверхности здесь были максимальными.

При графической фиксации выделено два условных горизонта. На первый из них были нанесены находки из потревоженных развеиванием и пахотой частей слоя, примерно до глубины –100 см от репера, на втором – фиксировались находки, залегающие ниже названной глубины и выше уровня материка. Естественно, первый условный горизонт никаких пятен или бытовых деталей не содержал. Найдки в нем распределялись сравнительно равномерно, не образуя заметных скоплений. На втором условном горизонте была замечена довольно четкая локализация находок в плане в виде обособленных скоплений. Все они оказались приуроченными к горизонту погребенной почвы и расположенных ниже ее ям и пятен. Эти ямы и пятна обладали собственной цветностью, которая по-

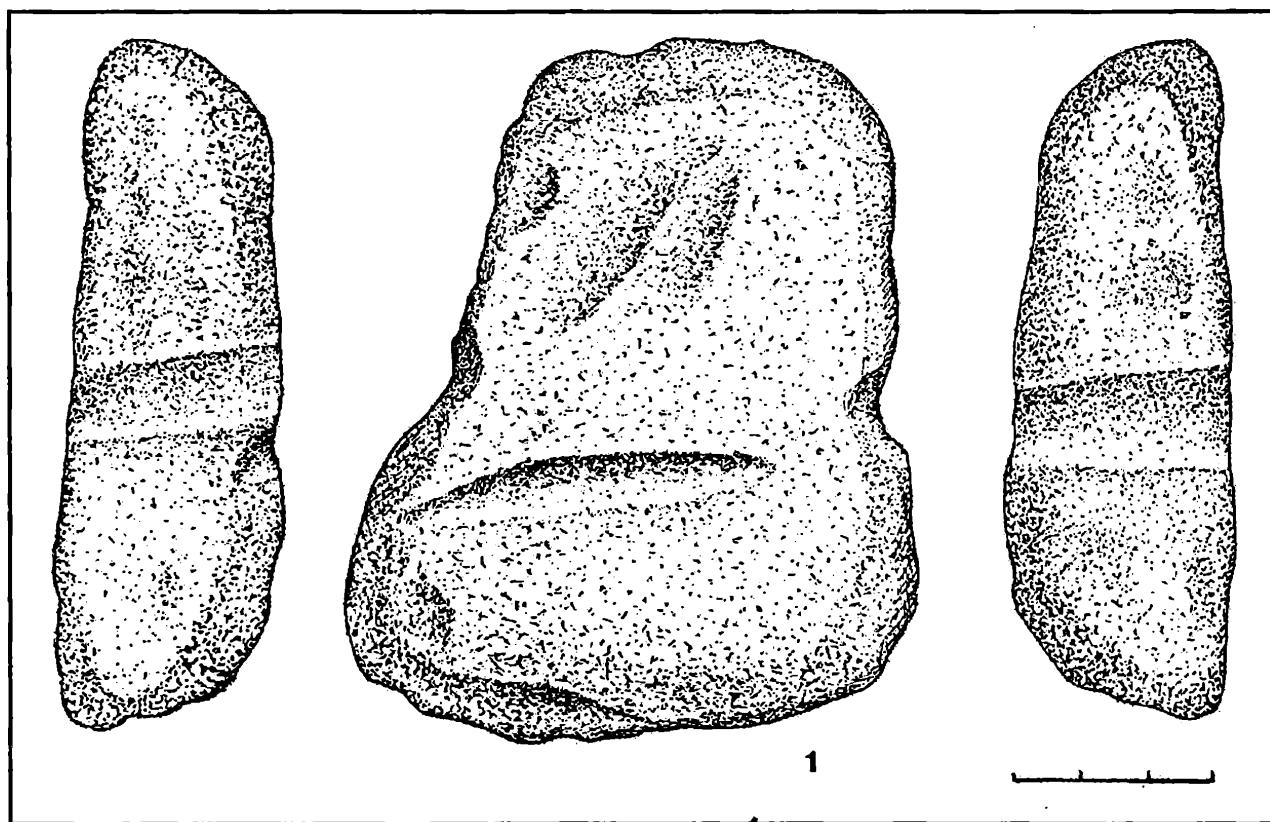
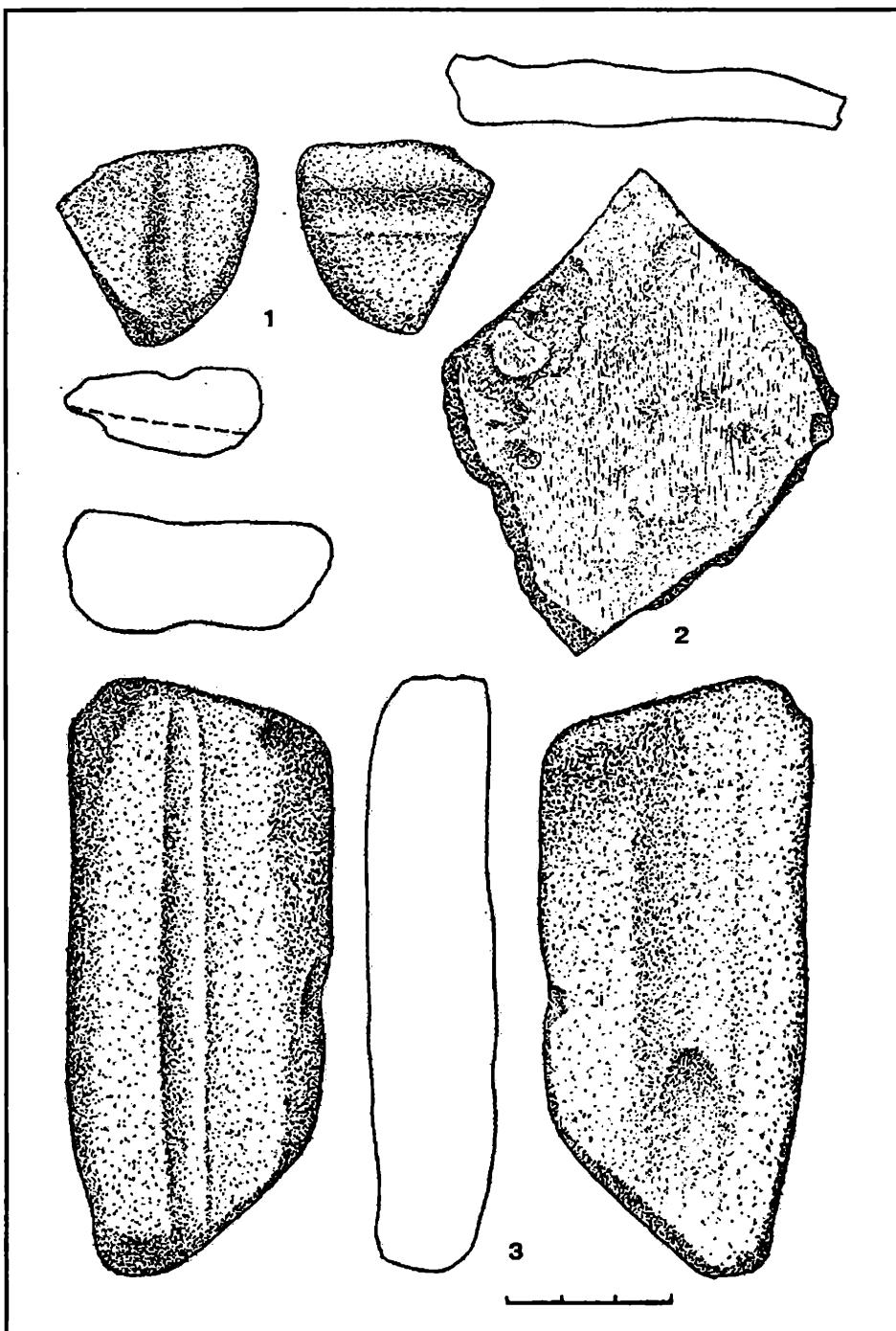

Рис. 3. Пургасово 3. Каменные изделия.

Рис. 4. Пургасово 3. Каменные изделия.

зволяла различить их на фоне материкового окружения. Как удалось выяснить в процессе раскопок, ямы и пятна были искусственного и естественного происхождения, последние были оставлены корневой системой деревьев.

Наибольшее число каменных изделий было обнаружено в квадратах 2, 3, 8-10, 13-17 и 23-26. В квадратах 17, 8 и 18 в непосредственной близости друг от друга были зафиксированы два микроскопления каменных предметов. В первом из них было собрано 117 артефактов, в том числе нуклеус, ребристый скол, четыре скола подправки ударных площадок нуклеусов, семь пластин, 18 отщепов, шлифовальная плитка, 25 резцов, скребок, три сверла, три наконечника,

острие со сходящимися ретушированными краями, микропластинка с притупленным ретушью краем, семь пластин со следами сработанности 19 отщепов с ретушью, 11 резцовых сколов, два обломка орудий и скол подправки лезвия скребущего орудия. Второе микроскопление из квадратов 8 и 18 включало 321 изделие. Состав его сходен с описанным, но отличен количественно. В него входят: два нуклеуса, семь ребристых сколов, четыре скола подправки ударных площадок, два отбойника, три шлифовальных плитки, 10 пластин, 154 отщепа, 54 резца, два скребка, сверло, 11 комбинированных орудий, наконечник, пять вкладышей из фрагментированных пластин, 10 пластин со следами

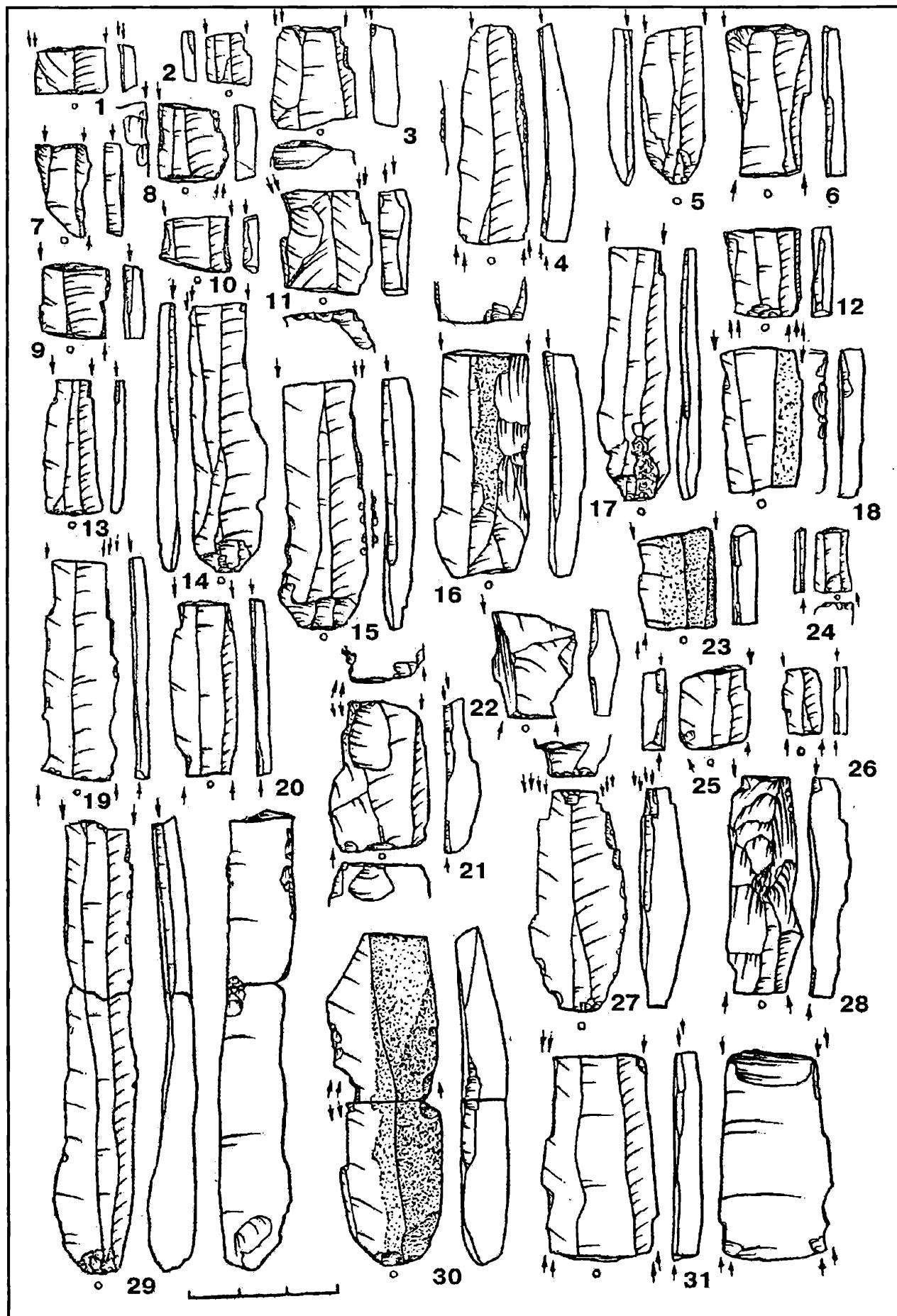

Рис. 5. Пургасово 3. Каменные изделия.

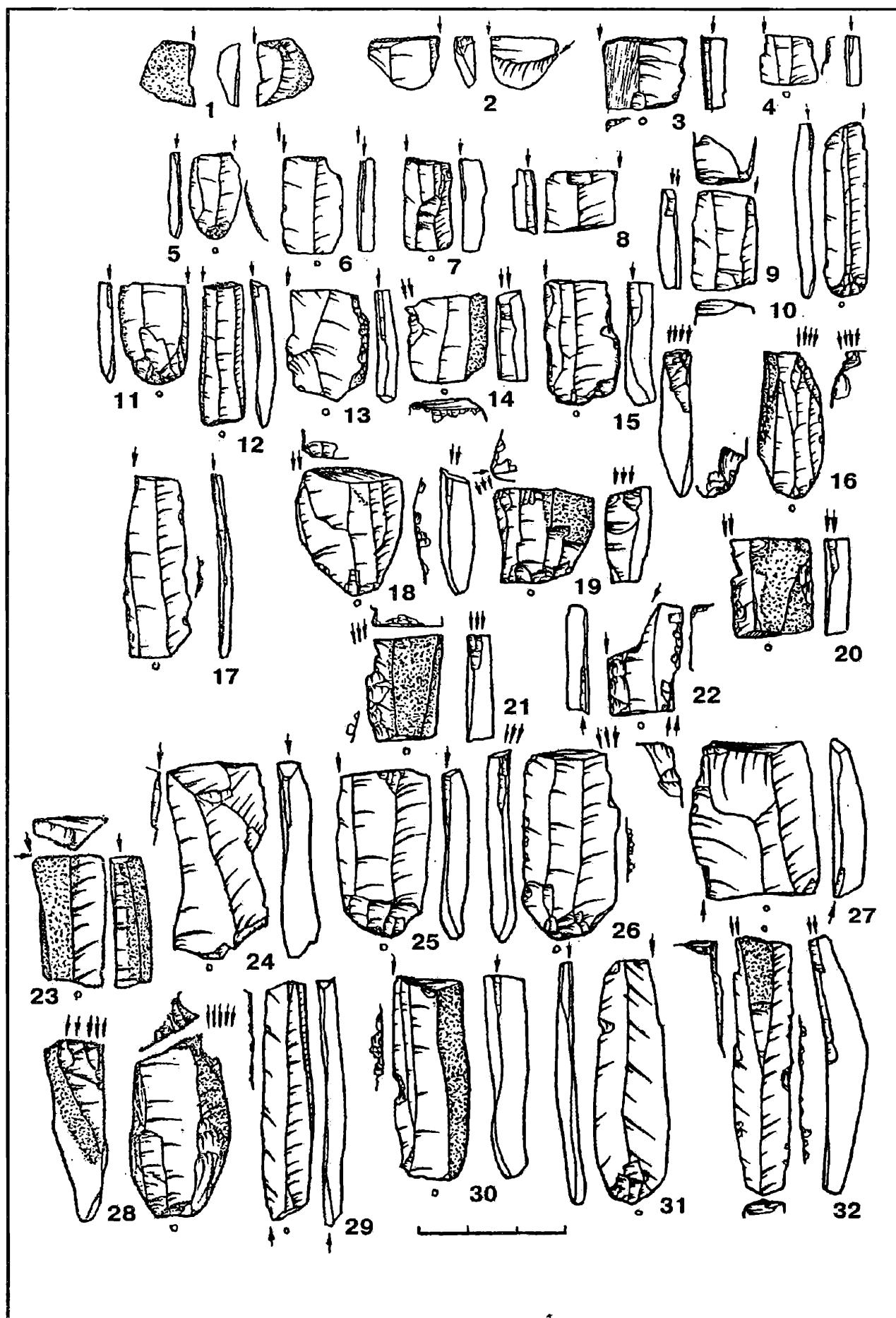

Рис. 6. Пургасово 3. Каменные изделия.

сработанности, 30 отщепов с ретушью и 19 резцовых сколов. Если учесть, что среднее число находок на квадратный метр равно 45, то концентрация находок в микроскоплениях превышала норму в 3-4 раза.

Третье микроскопление было зачищено в основании крупной ямы, расположенной в квадратах 39, 40, 48-50, 59, 60, при этом наибольшая концентрация находок приходилась на квадрат 50. Здесь был собран 121 каменный предмет, в том числе два нуклеуса, четыре скола подправки ударных площадок, 11 ребристых сколов, отбойник, 16 пластин, 38 отщепов, 16 резцов, три скребка, два грузила, одно из которых со сверлиной, а другое – с боковыми пропилами, два обломка орудий, три пластины со следами сработанности, восемь отщепов с ретушью, два

скола подправки лезвий орудий и 13 резцовых сколов.

Восточная часть раскопа на уровне второго горизонта в целом была менее насыщена находками чем западная. Кроме того, именно в западной части раскопа локализуется пятно сильно ожелезненной погребенной почвы или гумуса размером $6,5 \times 3,5$ м, имевшее неправильные очертания. Под этим пятном в квадратах 3, 4, 13-15, 23-26 и 36 были выявлены две сравнительно крупных ямы неправильных очертаний с неровным дном. И пятно погребенной почвы или гумуса и обе ямы были сильно разрушены поздней силосной ямы и полностью проследить их не удалось. Не ясно и назначение ям. Нельзя исключать, что обширное гумусное пятно является остатками жилища. В то

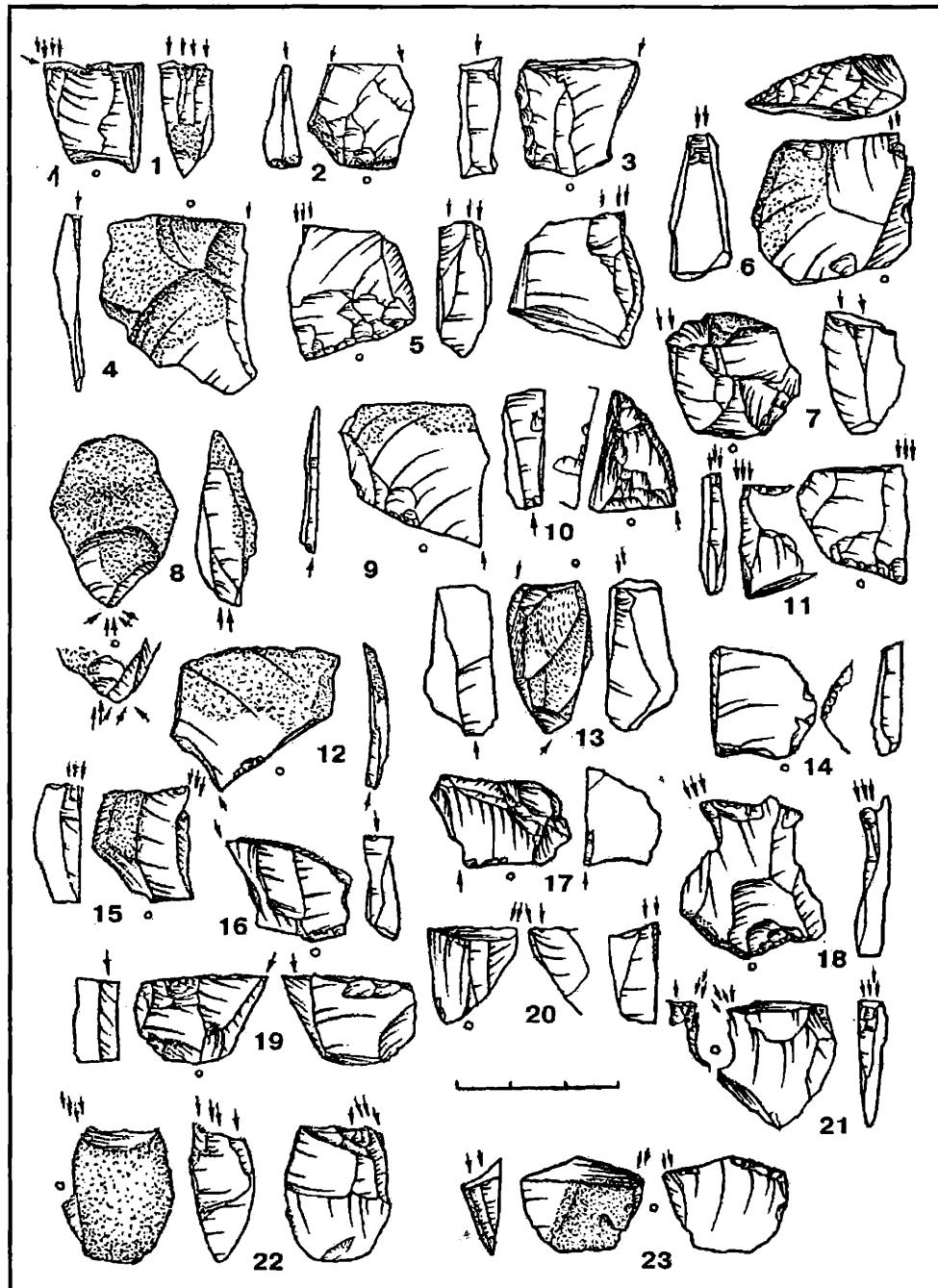

Рис. 7. Пургасово 3.
Каменные изделия.

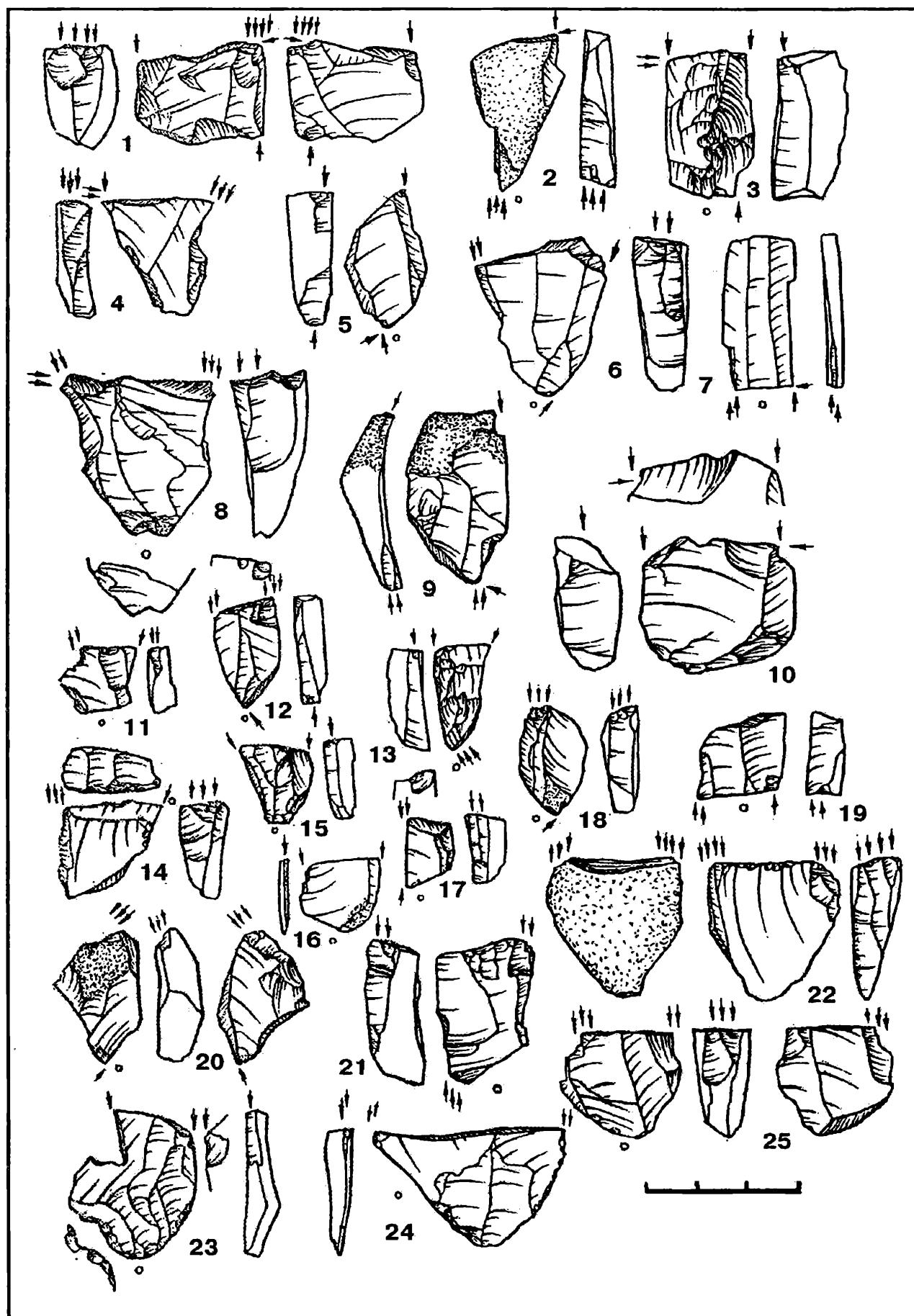

Рис. 8. Пургасово 3. Каменные изделия.

же время прочие ямы, как уже отмечалось, могли быть как искусственного, так и естественного (корневая система деревьев) происхождения.

Если все описанные выше скопления, пятна и ямы мезолитического возраста, то пятно на стыке квадратов 41-51, прослеженное на глубине -125-127 см и начинавшееся непосредственно под пахотным слоем, относится ко времени раннего железного века. Об этом говорят четыре очень мелких неорнаментированных фрагмента керамики с примесью шамота в тесте, собранных сверху него. Внешне оно представляло собой интенсивно окрашенное в черный цвет зольно-углистое пятно, что позволяет

интерпретировать его в качестве кострища. Обращает также внимание отсутствие в нем каменных изделий и присутствие древесного тлена, что также указывает на его сравнительно поздний возраст.

Кроме того, в заполнении ямы в квадрате 15 на глубине -129-133 см найдена небольшая глиняная конкреция продолговатой формы. Предмет частично фрагментирован, каких-либо включений на сломе не видно. Естественный или искусственный характер конкреции не установлен.

Стратиграфия всех участков раскопа сходная. Описание приводится по южной стенке раскопа:

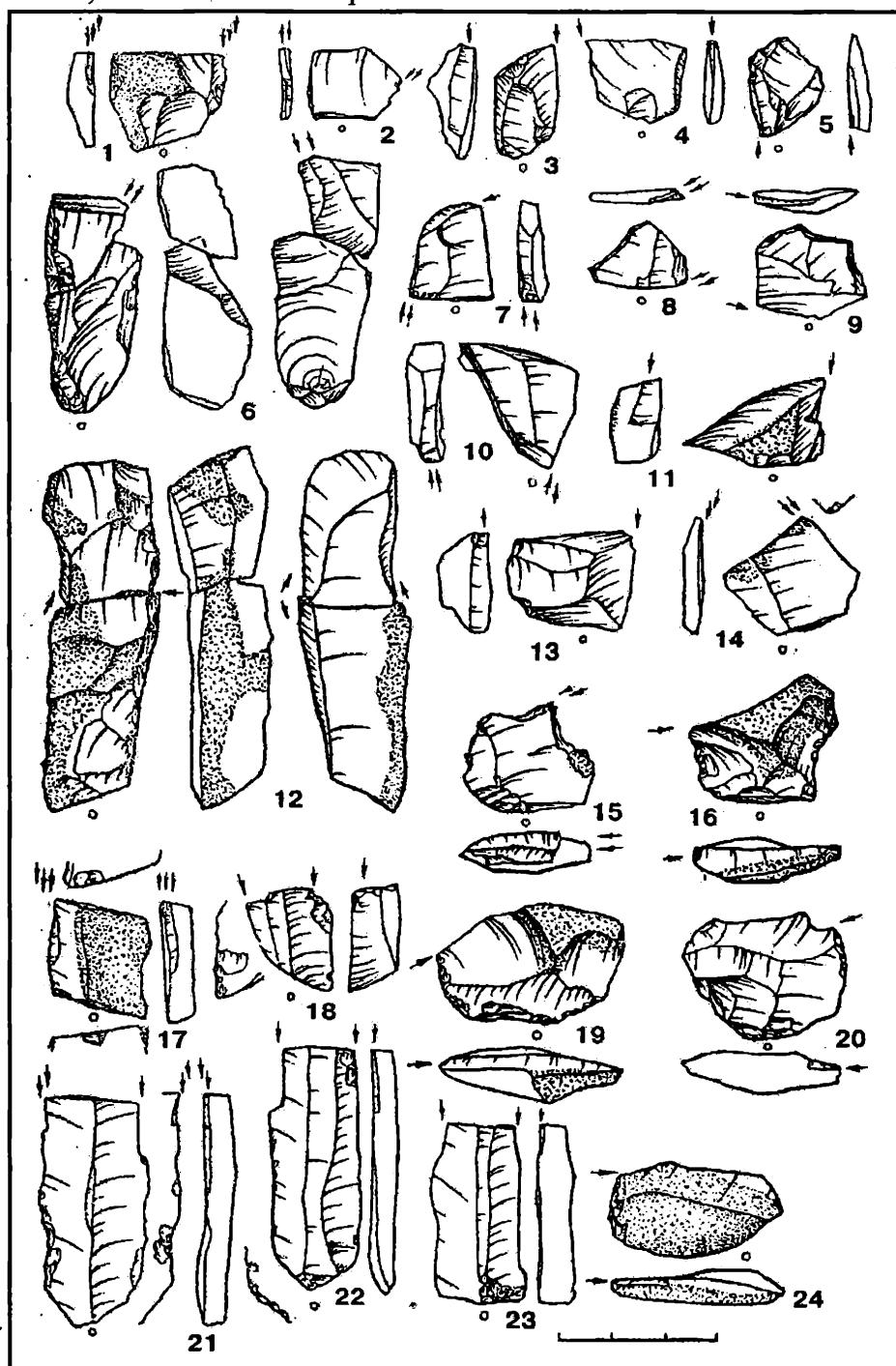

Рис. 9. Пургасово 3. Каменные изделия.

1) сверху залегает гумусированный светло-серый песок, поврежденный распашкой, его мощность 12-25 см;

2) под ним на всем протяжении лежит слой светло-желтого песка толщиной 7-30 см;

3) ниже залегает горизонт погребенной почвы (?) – белесовато-серого песка мощностью 12-25 см, переработанного почвенными процессами и сильно ожелезненного;

4) глубже, на всей площади раскопа залегает белый оподзоленный песок;

5) в отдельных местах из-под серого песка в белый песок проникают ямы, заполненные буро-коричневым песком, иногда с включением суглинка. По всей вероятности, их происхождение связано с корневой системой деревьев.

6) В квадратах 10 и 20 пахотный слойкрыт желто-серым пятнистым песком – выки-

дом из силосной ямы.

Находки встречаются по всей вскрытой толще рыхлых отложений за исключением белого оподзоленного песка, который служит материком. Судя по глубинам залегания, основная их масса происходит из горизонта погребенной почвы и нижней трети перекрывающего ее светло-желтого песка. Профили распределения находок по глубинам подтверждают единство всего каменного инвентаря памятника. Распределение материала по условиям происхождения приведено в таблице 1.

Учитывая, что материал из шурfov крайне малочислен, а каменный инвентарь из раскопа и подъемный материал типологически един и сделан из одного сырья, ниже будет приведено его суммарное описание вне зависимости от условий его происхождения.

Таблица 1. Пургасово 3. Распределение инвентаря.

	П.м.	p-1	ш-1	ш-2	ш-3	ш-4	ш-5
нуклеусы	4	31	0	1	1	0	0
сколы подп. нук.	9	47	0	2	0	2	0
сколы подп. осн.	0	5	0	0	0	0	0
сколы ребристые	16	112	0	2	1	0	0
отщепы	162	994	1	17	7	34	2
пластины	62	270	0	4	2	5	1
отбойники	2	15	0	0	0	0	0
абразивы	1	14	0	0	0	0	0
резцы	41	325	2	10	5	6	0
скребки	10	43	0	1	0	1	0
скобели	4	13	0	0	0	0	0
перфораторы	1	17	0	1	0	0	0
орудия комбин.	8	32	0	3	0	0	0
орудия рубящ.	3	3	0	0	0	0	0
ножи	7	19	0	0	0	0	0
острия симметр.	0	7	0	0	0	0	0
острия косые	0	13	0	0	0	0	0
острие трапец.	0	1	0	0	0	0	0
микролиты с прит. краем	1	8	0	0	0	1	0
транке	2	10	0	0	0	0	0
микролиты с выемкой	1	8	0	0	0	0	0
наконечники с выемкой	1	5	0	0	0	0	0
наконечники тип Б	0	3	0	0	0	0	0
наконечники постсвид.	2	8	0	0	1	0	0
грузило	0	3	0	0	0	0	0
вкладыши	7	28	0	0	2	2	0
пластины с рет.	21	135	0	0	0	1	0
отщепы с рет.	34	229	0	4	2	2	0
отщепы со шлиф	0	9	0	0	2	2	0
скол лезвия	2	23	1	0	0	2	0
скол резцовый	16	155	1	5	0	4	0
обл. орудия	7	80	0	0	0	1	0
керамика	0	10	0	0	0	0	0
предм. глин.	0	1	0	0	0	0	0
охра	0	1	0	0	0	0	0
Всего	424	2665	6	50	22	61	3

Инвентарь стоянки Пургасово 3

Коллекция, собранная на памятнике, включает 3231 каменный предмет и 10 фрагментов керамики раннего железного века. Состав каменного инвентаря следующий: нуклевидных впредметов – 234 или 7,2% от общего числа, сколов-заготовок – 1561 или 48,3%, орудий «для производства орудий» – 17 (0,5%), орудий – 1095 (33,9%), отходов вторичного производства, исключая чешуйки, – 311 или 9,6%.

Цикл первичной обработки представлен ядрищами, технологическими сколами, сколами-заготовками и отбойниками. В коллекции есть пять заготовок нуклеусов для одноплощадочных ядрищ размером $60 \times 55 \times 25$ мм, $24 \times 38 \times 16$ мм. Ударные площадки четырех из них остались неретушированными и сохраняют желвачную корку, площадка пятой заготовки частично подправлена сколами. Нуклеусы сравнительно многочисленны, их 32 (1,1% комплекса, 15,9% в группе нуклевидных – рис. 2: 1-15). Размеры остаточных ядрищ мелкие ($25 \times 37 \times 21$, $20 \times 44 \times 16$, $11 \times 17 \times 9$ мм и т.д.), что в ряде случаев связано не только с высокой степенью утилизации сырья, но и с первоначальными некрупными габаритами самой кремневой гальки, которая использовалась в производственном процессе. Как и заготовки, сработанные нуклеусы также представлены преимущественно одноплощадочными ядрищами, часть из них имеет правильную коническую форму и сохраняет негативы снятия микропластин на рабочих поверхностях, при этом четыре из них могут быть отнесены к карандашевидным экземплярам. Остальные конические ядрища перешли в стадию хаотичного расщепления или переоформлены в многофасеточные резцы. Нуклеусов призматических очертаний всего пять и только один из них двуплощадочный от микропластин. Остальные одноплощадочные, причем три переоформлены в резцы. Представлены также экземпляры одноплощадочных ядрищ с торцевым снятием. Некоторые ядрища, судя по частичной заполированности поверхности, сглаженности ребер, замягости и завальцованных краев ударных площадок, вторично использовались в качестве пестов или терочников. Судя по всему, все три основных формы нуклеусов не представляли собой морфологически изолированных форм, а являлись лишь разными моментами (стадиями) утилизации сырья, когда торцевой принцип снятия был лишь начальным этапом расщепления, а замкнутая круговая рабочая поверхность – его конечной стадией, после чего ядрище могли либо продолжать раскалывать

уже бессистемно, либо переоформить в резец. Отметим и другой момент, характерный для Пургасово 3 и ряда других мезолитических стоянок (например, Борисово 1, Красное 8 «Пенешки», Черная 1 и т.д.) – нерасчлененность техники первичного расщепления и резцовой техники первичной обработки. Подобное явление наблюдается и на ряде верхнепалеолитических памятников, например, в Каменной Балке 2 (Палеолит... 1982: 203); Костенках 2 (там же: 215), Костенках 3 (там же: 215), Костенках 19 (там же: 215-216) и др.

Сколов подправки ударных площадок нуклеусов 60 (1,9% в комплексе, 25,9% в группе), среди них сколов переоформления 29 и сколов ретуширования 31. Различия между ними достаточно условны и определяются величиной фрагмента прежней ударной площадки. Максимальный размер сбитой площадки в поперечнике составляет 38 мм, минимальный – 12 мм. Судя по всему, переоформление площадок происходило постоянно по мере срабатывания нуклеусов, однако подправка площадки не являлась самоцелью, так как некоторые из них сохраняют следы меловой или желвачной корки. Вероятно, в каждом конкретном случае это определялось лишь производственной необходимостью.

Сколов с элементами оснований нуклеусов всего пять (0,2% и 2,2%), причем в двух случаях их происхождение связано с браком, когда в ходе расщепления в результате случайности произошло отделение нижней части ядрища. Остальные три скола преднамеренные, они получены торцевым ударом в рабочую поверхность основания нуклеуса, перпендикулярно его длинной оси. Этот прием использован с целью оформления новой ударной площадки. На мезолитических стоянках Волго-Окского бассейна подобный технологический прием встречается довольно редко, например, в Петрушино, Соболево 5 и Красное 8 «Пенешки».

Ребристых сколов 130 (4,0% в комплексе, 56,0% в группе), они представлены пластинами с односторонней (34) и двусторонней (12) огранкой и отщепами с односторонней (61) и с двусторонней (23) огранкой. Сравнение данных указывает на то, что для комплекса более характерен односторонний способ оформления ребра нуклеуса. Длина ребристых пластин колеблется от 12 до 78 мм, отщепов – от 12 до 45 мм. Сравнительно высокий процент нуклевидной группы позволяет уверенно говорить о наличии первичной обработки на исследованной площади памятника.

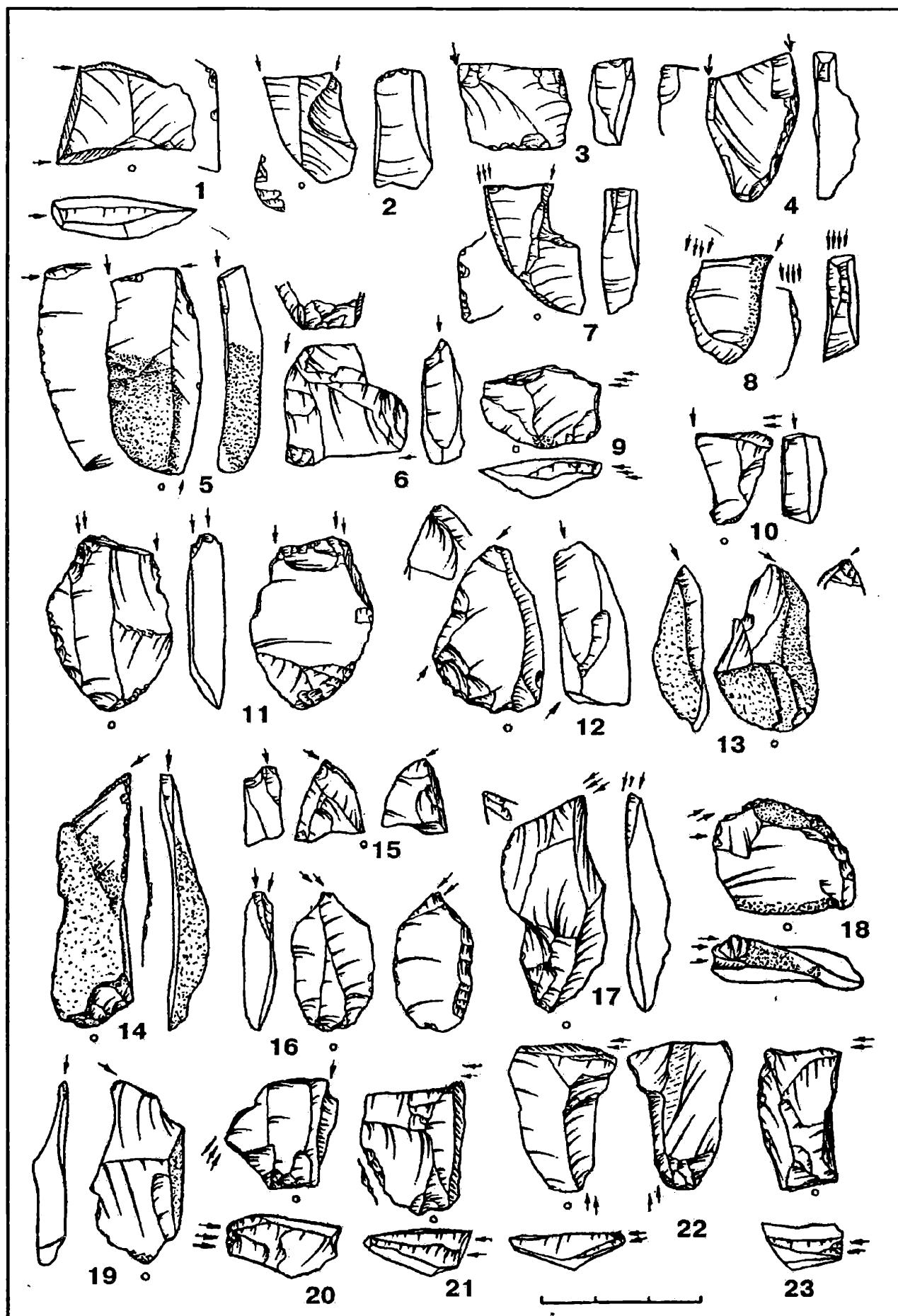

Рис. 10. Пургасово 3. Каменные изделия.

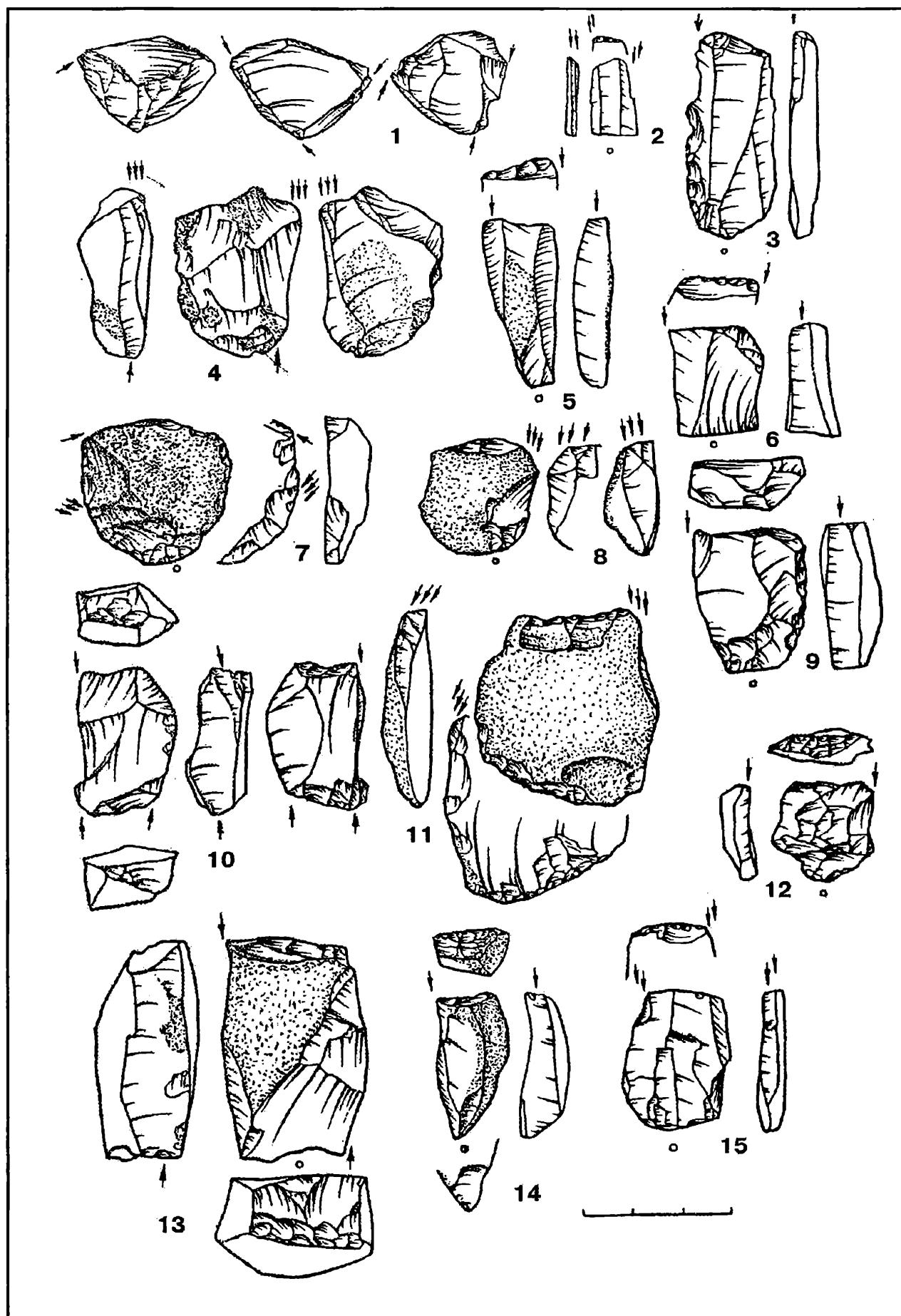

Рис. 11. Пургасово 3. Каменные изделия.

Сколы-заготовки традиционно подразделяются по пропорциям на пластины и отщепы. Количество первых примерно в четыре раза меньше, чем вторых (344 или 10,6% в комплексе и 22% в группе против 1217 или 37,7% и 78%). Несмотря на преобладание отщепов в комплексе, пластины чаще использовались в качестве заготовок для орудий.

В группу «орудий для производства орудий» входят отбойники-ретушеры, песты и абразивы, а также их фрагменты. Всего в коллекцию входят 17 отбойников-ретушеров (0,5% в комплексе и 53,1% в группе). Представлены гальки со следами забитости (10), осколок кремневой плитки со следами заполированности на гранях, четыре осколка, в том числе один со следами шлифовки, и два отщепа со следами звездчатой забитости. Среди отбойников имеются одноконечные (2), двуконечные (7) и бессистемные экземпляры, на последних – следы забитости имеются по всей поверхности, кроме боковых плоскостей.

Абразивы (рис. 4: 1-3) составляют в коллекции весьма выразительную серию, всего их найдено 15 (0,5% в комплексе, 46,9% в группе). Все они изготовлены из крупнозернистого песчаника. Следы шлифовки имеет, как правило, одна из поверхностей. Различаются две разновидности абразивов – с желобками и без них, первых найдено шесть, вторых – девять. Желобки могут быть одинарные (12) или двойные (3), причем на двух они параллельные, а на третьем – под углом друг к другу. Абразивы могли использоваться для заточки или шлифовки костяных орудий. Нельзя также исключать их использования при заточке лезвий рубящих орудий, о чем свидетельствуют имеющиеся в коллекции шесть отщепов с пришлифованной поверхностью. Сравнительная многочисленность абразивов и присутствие среди них т.н. «выпрямителей древков стрел» позволяет относить их к числу специфических черт памятника. Тем не менее, следует указать, что находки абразивов и отщепов со следами шлифовки известны и на других Волго-Окских мезолитических стоянках, таких как Борисово 1, Черная 1, Жабки 3, Велетьминское 9, Красное 1 «Вася» и некоторых других. Более того, в VIII слое Замостья 5 в 1997 г. найдена половинка полностью шлифованного топора, имеющего, к тому же, отверстие. Этот слой датирован по C^{14} в интервале 8400-9300 л.н. Stratиграфическое положение сверленого топора совершенно очевидно, а его возраст подтверждает орнамент, нанесенный на боковые грани предмета. Он представляет собой сочетание зигзагообразных линий с ромбами. Такой орнамент, судя по имеющимся ана-

логиям в Замостье 2 и 5, не «выходит» из мезолита.

Самую многочисленную категорию орудий в Пургасово 3 составляют резцы, их 389 (12,0% в комплексе и 35,5% среди орудий. Рис. 2, 16; 5, 1-31; 6, 1-32; 7, 1-23; 8, 1-25; 9, 1-24; 10, 1-17 19-23; 11, 1, 2, 4-15; 12, 1-17; 13, 2, 14, 15; 18, 14-17; 22, 11-24). В качестве заготовок для них использовались преимущественно отщепы (202), доля пластин тоже довольно высока, но несколько меньше (151), прочие заготовки (36), среди которых представлены 16 резцовых и 15 ребристых сколов, два псевдомикрорезца, нуклеус, нуклевидный кусок и термический осколок, использовались эпизодически и, видимо, случайно. Представлены все три основных типа резцов при доминировании экземпляров с естественной (неподработанной) площадкой скола, которых найдено 308. В качестве заготовок для них использованы 136 отщепов, 141 пластина, 14 ребристых сколов, 14 резцовых сколов, два псевдомикрорезца и нуклевидный кусок. Как видно, пластин и отщепов в комплексе примерно поровну, а прочие типы заготовок существенной роли не играют. Присутствуют как продольные, так и поперечные экземпляры. Для 178 одинарных продольных резцов в качестве заготовок использованы 77 пластин, 80 отщепов, 10 резцовых снятий, девять ребристых сколов и два псевдомикрорезца. По ширине резцовой кромки различаются экземпляры с узкими (до 2 мм), которых всего 102, и с широкими (свыше 2 мм) лезвиями, их 76. Первые еще называют «проникающими», так как ими можно делать в оправе глубокий, проникающий паз. Резцы с широкими кромками, или поверхностные, служили для производства широкого неглубокого желобка и чаще предназначались не для вкладышей, а для «надпиливания» и последующего слома или расчленения заготовки. Помимо выразительной серии изделий с широкими кромками, особенностью коллекции служат еще два момента, первый – присутствие чешуйчатой подтески на некоторых из граней, наносившейся, как правило, на брюшке изделий и служившей, вероятно, для утоньшения заготовки или ликвидации заусенцев, и второй – наличие плоских резцовых сколов. В этих случаях резцовая кромка нанесена не вдоль, а под углом к продольной оси заготовки и резцовым сколом снимается плоская длинная фасетка, дающая широкий, уточняющий заготовку, негатив. Таких плоских сколов с описываемой группе более 50. Учитывая, что почти все резцы с неподработанной площадкой скола изготовлены из относительно массивных заготовок и имеют следы неоднократных подправок резцовых кромок, то есть являются

многофасеточными, можно говорить о нуклеидности как о характерной черте резцов этого типа. Кроме того, часть резцов на боковых гранях заготовок имеет участки мелкой краевой ретуши, что свидетельствует об их дополнительном использовании помимо основной функции.

Многочисленны двойные продольные резцы с неподработанными площадками скола (88). Они выполнены из 46 пластин, 35 отщепов, четырех ребристых сколов, двух резцовых сколов и сработанного нуклеуса. Среди них незначительно преобладают орудия с узкими кромками (89 против 87), но встречается и сочетание

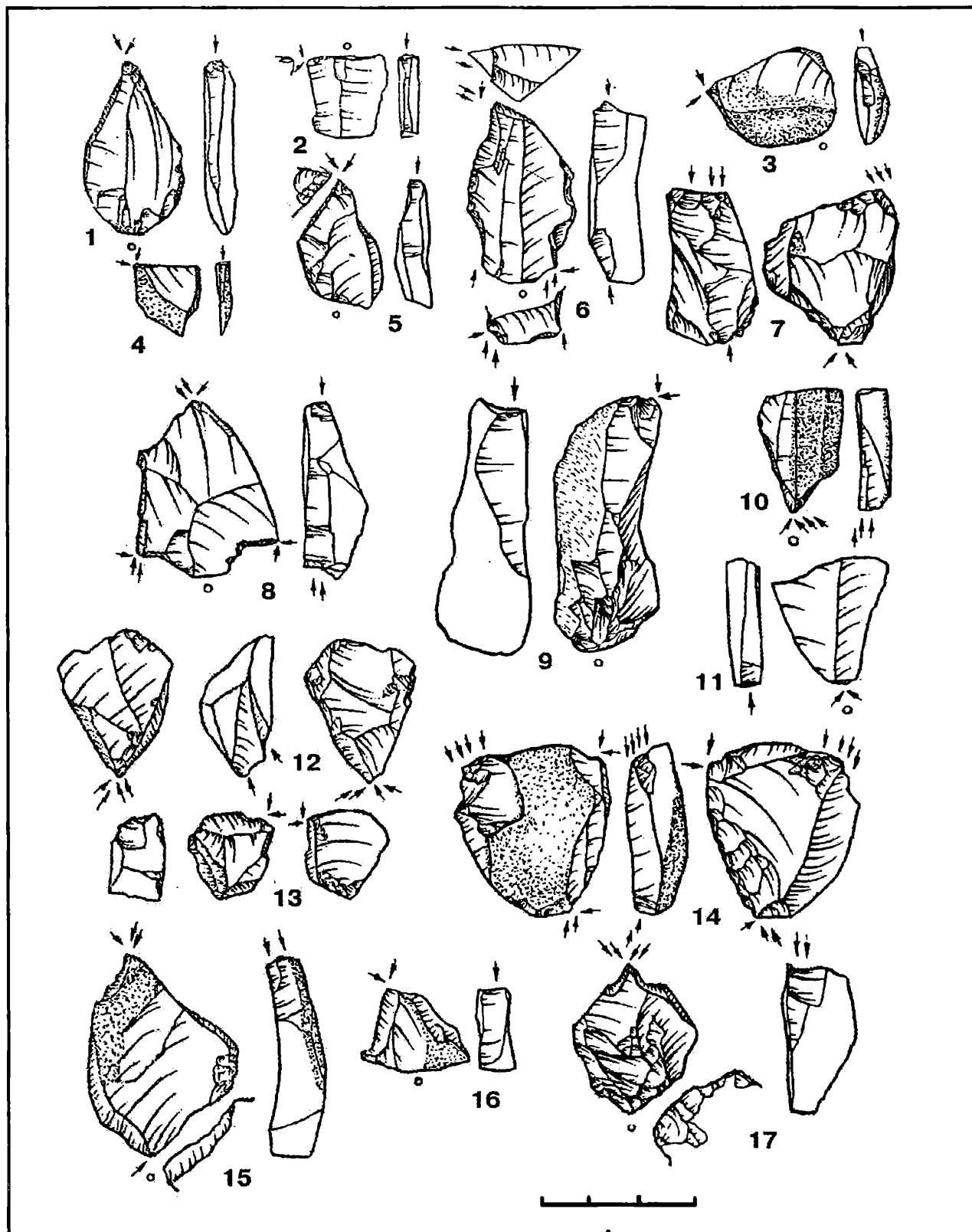

Рис. 12. Пургасово 3. Каменные изделия.

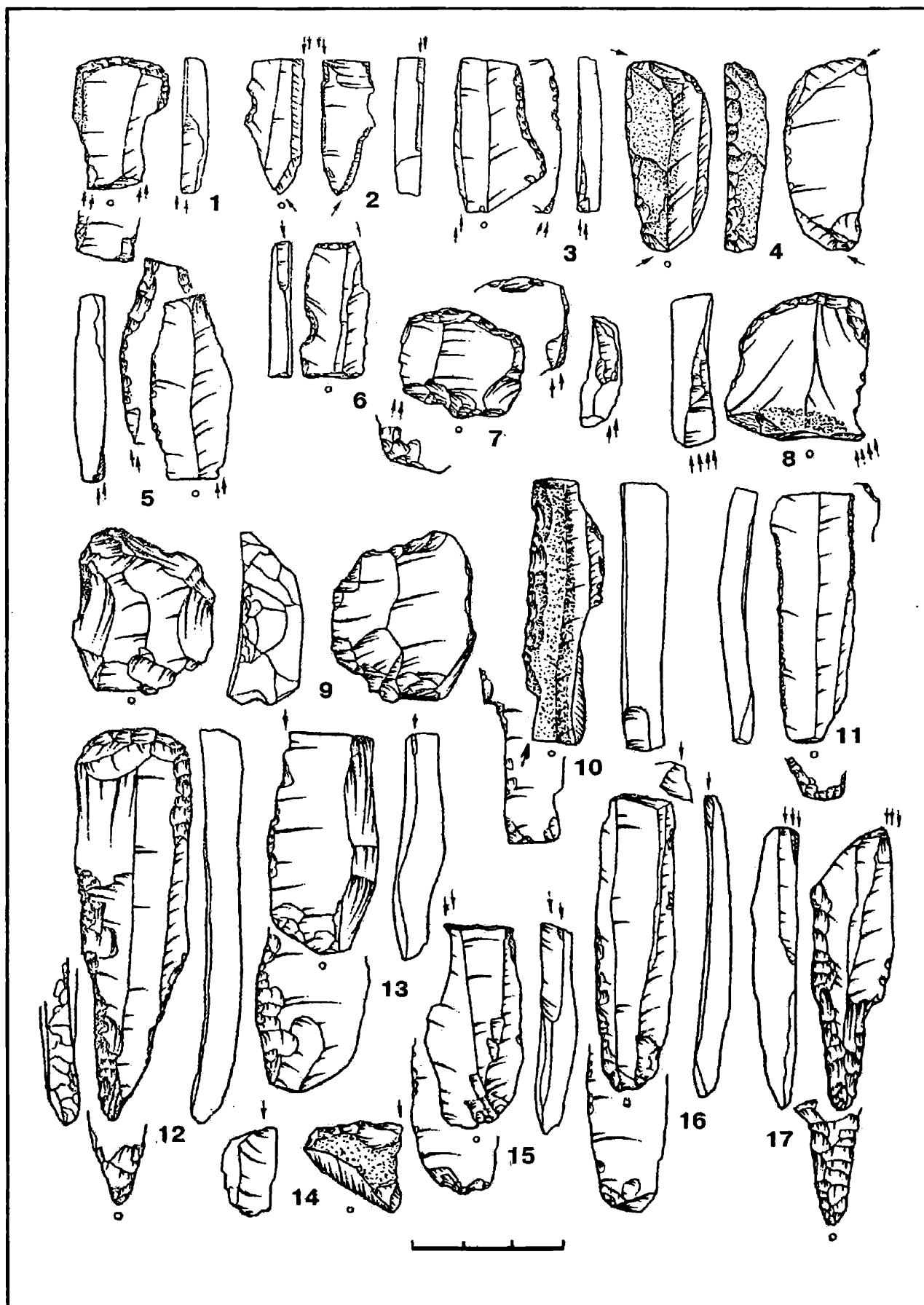
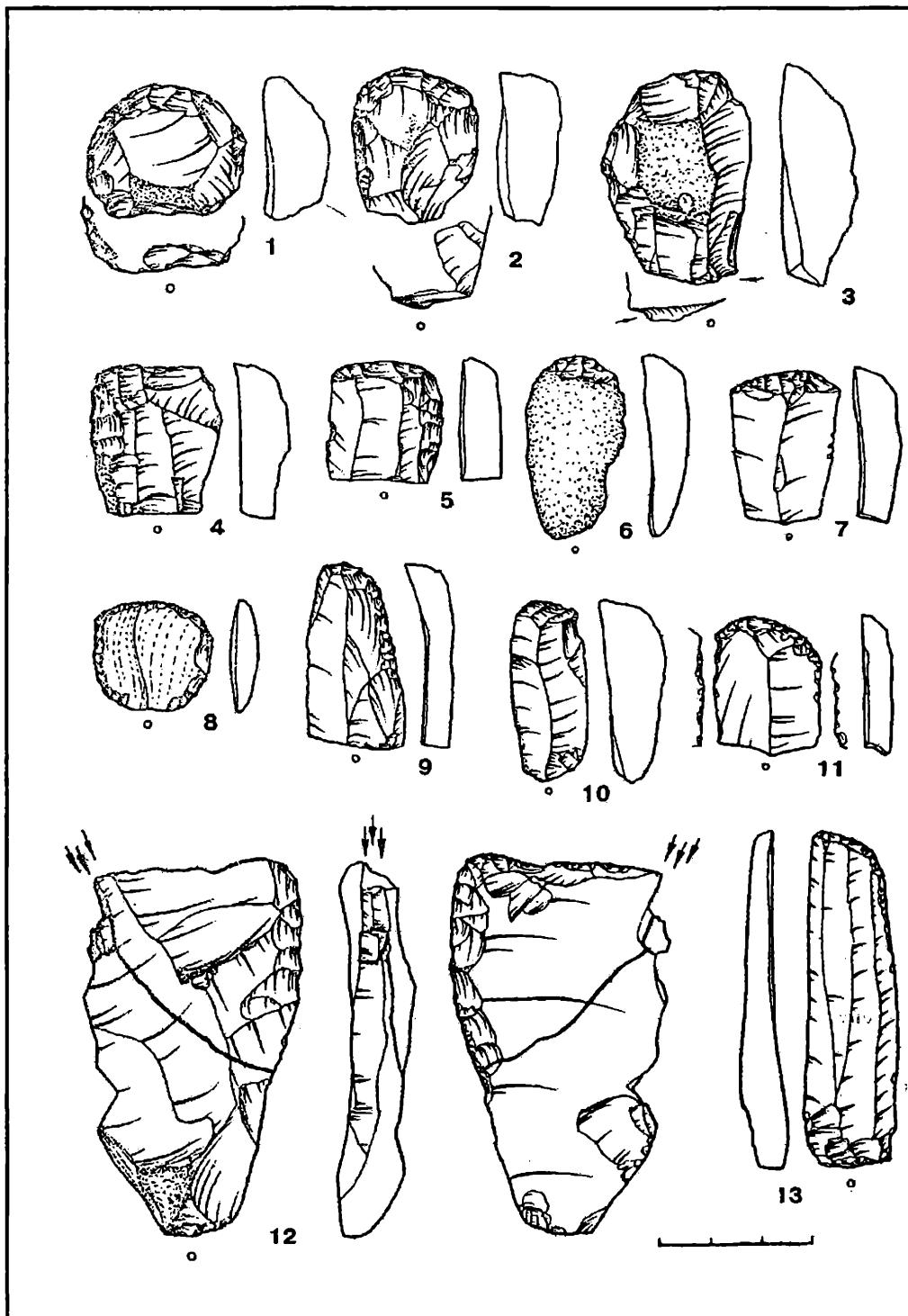

Рис. 13. Пургасово 3. Каменные изделия.

Рис. 14. Пургасово З. Каменные изделия.

узкой и широкой кромок на одной заготовке. Двойные резцы с широкими кромками, также как и одинарные резцы этого типа, часто имеют плоские резцовые сколы. Чешуйчатая подтеска граней резцовых кромок присутствует на восьми экземплярах, а мелкая нерегулярная ретушь утилизации различима на 13 изделиях. Кромки могут быть нанесены как на одну, так и на две площадки, и занимать либо один, либо оба края заготовки.

Резцов с тремя неподработанными площадками скола – 15, 13 из них изготовлены из плас-

тин и по одному из ребристой пластины и отщепа. Широких резцовых кромок при этом семь, включая три плоских скола. Чешуйчатая подтеска резцовых площадок имеется на трех пластинах.

Четыре кромки имеются лишь у двух резцов с неподработанными площадками скола, заготовками для которых служили пластины.

На 20 резцах этого типа сколы ориентированы поперек длинной оси заготовки. 15 поперечных резцов сделаны на отщепах, три на пластинах и два – на ребристых сколах. Преобла-

дают изделия с широкими кромками, многофасеточные (12), некоторые с плоскими сколами. Площадка одного из поперечных резцов имеет чешуйчатую подтеску, край другого дополнительно притушен полукруглой среднефасеточной ретушью на брюшке.

В коллекцию также входят пять экземпляров, на которых сочетаются продольно и поперечно ориентированные кромки. Все они изготовлены из отщепов.

Двугранные резцы немногочисленны, всего их 25. По числу резцовых кромок 18 одинарных, четыре двойных и три тройных. В качестве заготовок для них служили отщепы (21) и реже пластины (4). Лишь два одинарных резца имеют узкие кромки, все остальные широкие, причем доминируют уплощенные многофасеточные экземпляры.

Ретушных резцов столько же, сколько и двугранных, на пластинах выполнено всего три, из них 19 выполнено из отщепов, заготовками для оставшихся служат сработанный нуклеус, резцовый скол и термический осколок. Одинарных продольных из них 15, двойных пять, оставшиеся пять – поперечные, причем два напоминают микрорезцы. Узкие кромки встречены лишь на трех экземплярах.

Помимо них имеется 31 комбинированный резец. В качестве заготовок для них служили 26 отщепов, три пластины, резцовый и ребристый сколы. Численно преобладают модификации двугранных резцов с неподработанными площадками (18), узкие кромки которых присутствуют лишь у трех орудий, а кромки остальных – широкие, многофасеточные. Комбинации ретушных площадок с неподработанными встречаются у 10, и лишь у одного кромка узкая. На одном из этих изделий три широких кромки, а еще у одного из четырех. Наконец, имеются двойной резец на сломе пластины, комбинированный с ретушным поперечным лезвием и два (на пластине и отщепе) ретушных поперечных резца, комбинированных с такими же неподработанными площадками. Плоские сколы на брюшке одного из них напоминают плоскую подтеску ножей костенковского типа.

Таким образом, характерными чертами резцов служат: преимущественное оформление площадок сломом при наличии ретушных, двугранных и комбинированных изделий, массивность заготовок, наличие значительного числа многофасеточных и широких кромок, многочисленность орудий с плоскими сколами, а также чешуйчатой подтески, уточняющей заготовку. Следует отметить и присутствие поперечных резцов. По сравнению с другими Волго-Оксскими мезолитическими коллекциями наиболее

специфичным приемом в Пургасово 3 служит чешуйчатая подтеска.

Скребков найдено 55 (17,0% в комплексе и 5,0% среди орудий – рис. 13: 9; 14: 1, 2, 4-11, 13; 15: 1-15, 17-19), резцово-скребковый показатель равен 7,0, т.е. довольно высокий. В качестве заготовок для них использованы 26 отщепов, 23 пластины, три ребристых скола, включая отщеп и две пластины, скол подправки ударной площадки нуклеуса, резцовый скол и термический осколок. Помимо преимущественного использования отщепов в качестве заготовок для скребков важной чертой является укороченность пропорций заготовок. Ведущей формой служат концевые изделия, всего их 28. Заготовками для них являлись 16 пластин, восемь отщепов, две ребристых пластины, резцовый скол и скол переоформления площадки нуклеуса. Контур лезвия дугообразный или, реже, склоненный. Для всех характерна обработка крутой краевой ретушью, однако на двух она пологая, а еще у одного – зубчатая. На боковых краях почти всех концевых скребков различимы следы изношенности в виде выщербин или мелкой нерегулярной ретуши, причем у одного из изделий даже образовалась на брюшке небольшая выемка, что может свидетельствовать о его дополнительном использовании в качестве скобеля. Это же изделие на бугорковой части по брюшку дополнительно притушено полукруглой ретушью с торца, вероятно, для того, чтобы не поранить руку во время работы.

Скошенных скребков восемь, от концевых они отличаются тем, что ретушь, помимо лезвия, занимает и часть края, отчего изделие имеет отчетливые асимметричные очертания. В качестве заготовок использованы пять пластин и три отщепа. Ретушь на лезвиях такая же, как и у концевых скребков, крутая краевая, однако при этом присутствует одно изделие, обработанное пологой среднефасеточной ретушью.

Еще 10 скребков относятся к концевым-боковым, когда ретушированный край имеет четко выраженный перегиб, но разнофасеточная ретушь, не прерываясь, переходит с конца заготовки на ее край. В виде заготовок использованы две пластины и семь отщепов. Последний, изготовленный из осколка, имеет дублированное боковое лезвие и относится к концевым-двойным боковым.

Помимо описанных типов имеются два округлых скребка, два концевых-боковых скребка с перемежающимися лезвиями, концевой и боковой «обратные» скребки, боковой и двойной боковой скребки. Лезвие одного из округлых скребков, вероятно, для оживления кромки, частично подправлено на брюшке плоской

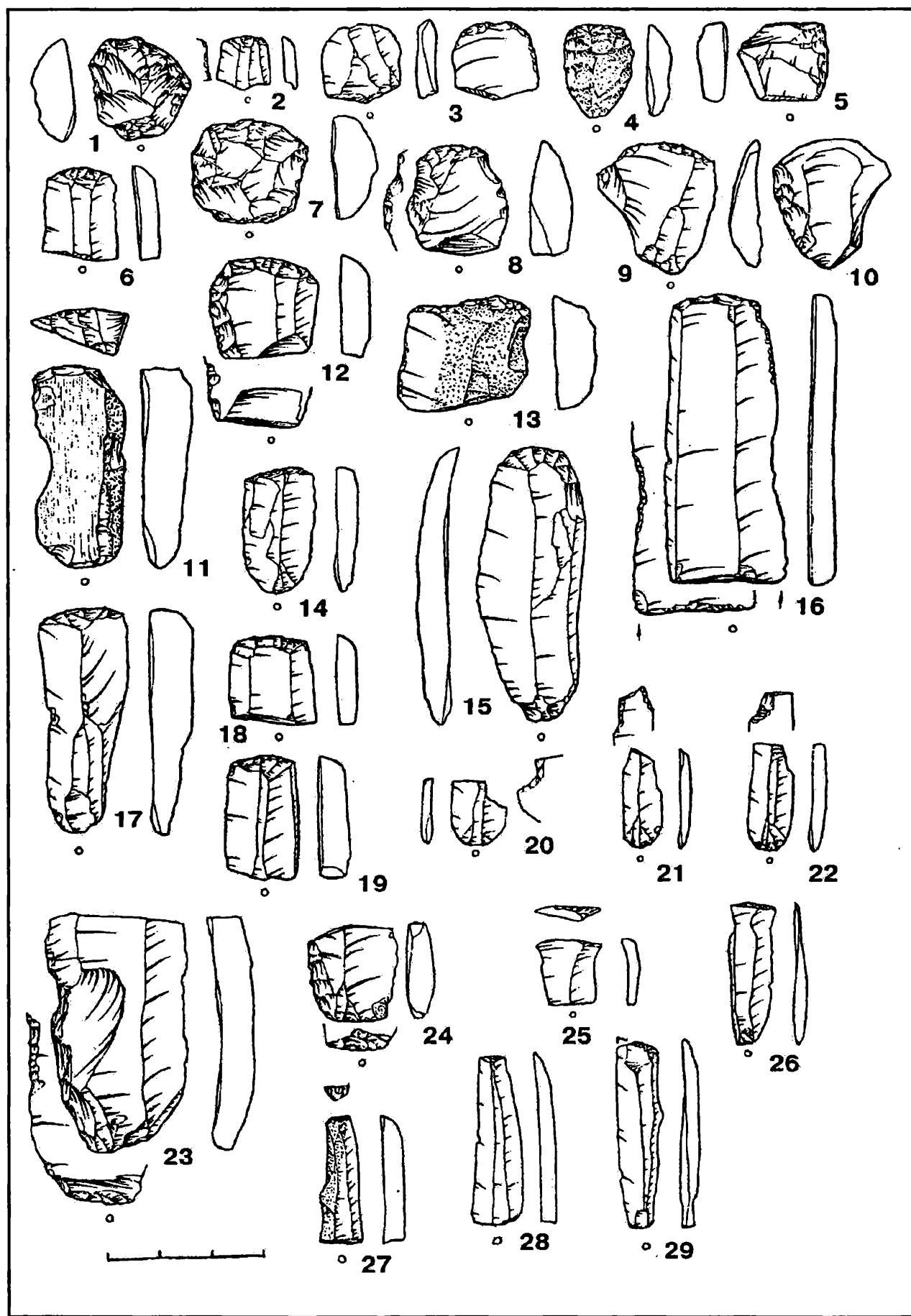
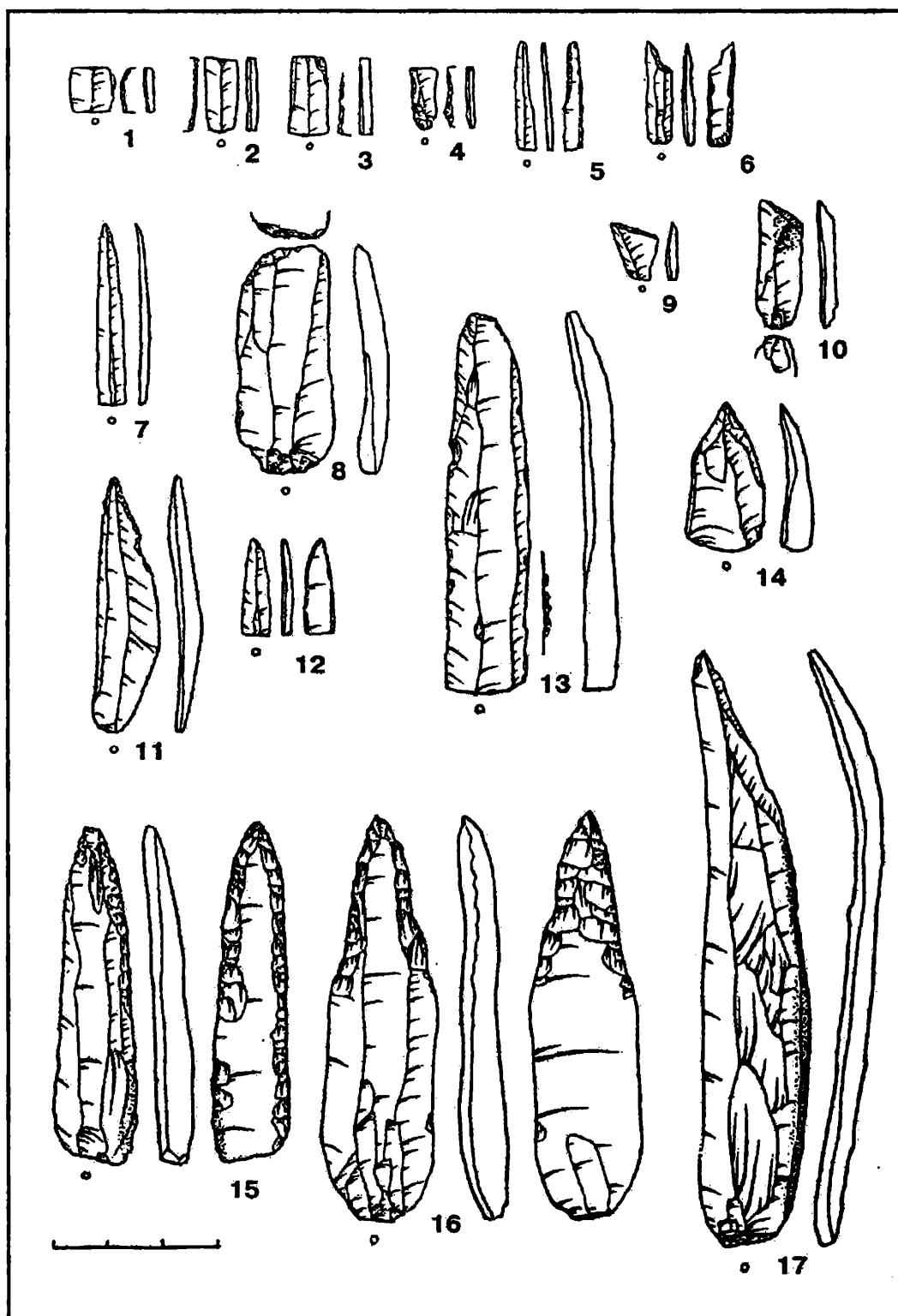

Рис. 15. Пургасово 3. Каменные изделия.

Рис. 16. Пургасово 3. Каменные изделия.

ретушью. Все они изготовлены из отщепов. Наконец, имеется еще угловой скребок из ребристого отщепа. Таким образом, несмотря на преобладание концевых форм, скребкам присуще известное разнообразие типов.

Скобелей 17 (0,5% в комплексе и 1,6% среди орудий – рис. 15: 23; 19: 5, 7, 8-11), изготовлены из восьми пластин, семи отщепов и двух ребристых сколов. На большинстве орудий выемки одинарные, и лишь в двух случаях они двойные. Характерны мелкие узкие дуго-

образные выемки, наносившиеся крутой ретушью на спинке (15) или, реже, брюшке (2), но имеются и две широких.

Перфораторы представлены 19 предметами (0,6% в комплексе и 1,8% среди орудий), из них 10 выполнено на пластинах, пять на отщепах, еще три на ребристых пластинках, при том, что заготовкой для последнего послужил бифас (рис. 17: 1-10). Два орудия дублированных, остальные – одинарные. Бифас и два изделия из отщепов имеют массивные концыши-

риной 18 – 22 мм, что позволяет интерпретировать их в качестве разверток. Такие развертки могли, вероятно, использоваться для изготовления каменных грузил, присутствующих в коллекции. Прочие перфораторы могут быть интерпретированы как сверла. Рабочие участки перфораторов или не выделены, или намечены слабым перегибом краев, при этом концы могут быть симметричными (13) или слабо асимметричными (6). Все сверла на концах обработаны крутой затупляющей краевой ретушью со среднего размера фасетками. Практически для всех характерна сильная сработанность, выражаясь в скругленности и заполированности краев. Три сверла, изготовленные из отщепов, имеют очень маленький шилообразный конец, полученный ретушированием края на спинке

(2) или противолежащим способом. Прочие изделия обработаны также по-разному: ретушь может наноситься только на брюшке (2), спинке (4), противолежащим способом (6) или сочетанием разных типов ретуши на одной заготовке, например, крутой ретуши на спинке и плоской на брюшке (2), двусторонним ретушированием (1), а в единичном случае, помимо ретуши, на рабочем конце нанесен еще резцовый скол. Если сверла не обладают какой-либо спецификой, то массивные развертки на мезолитических стоянках – явление довольно редкое, они представлены на некоторых иеневских стоянках Тростенского озера, в Красной 8 «Пенешки» и Нижнем Веретье.

Комбинированных орудий сравнительно много – 43 (1,3% в комплексе и 3,9% среди

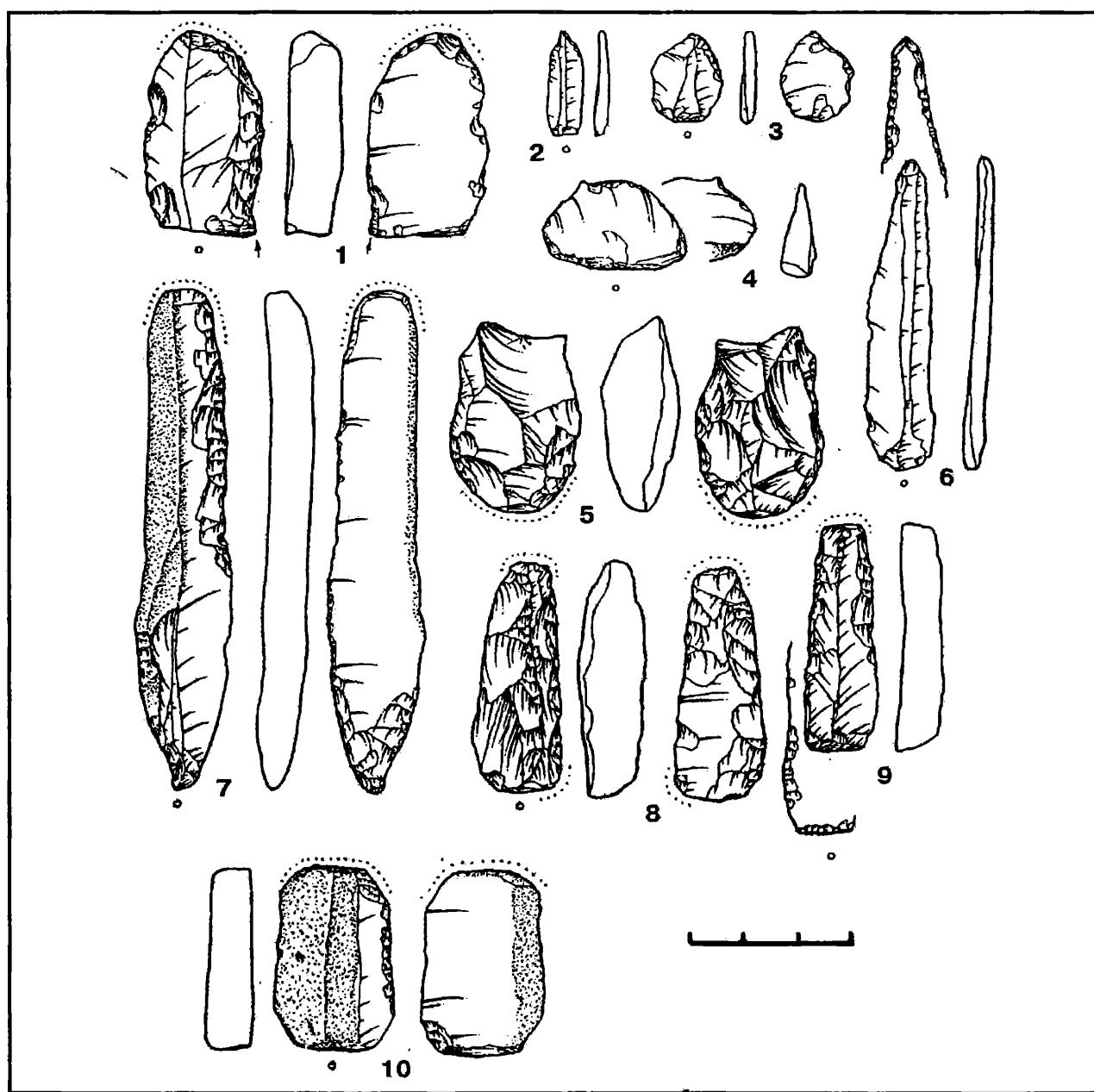

Рис. 17. Пургасово 3. Каменные изделия.

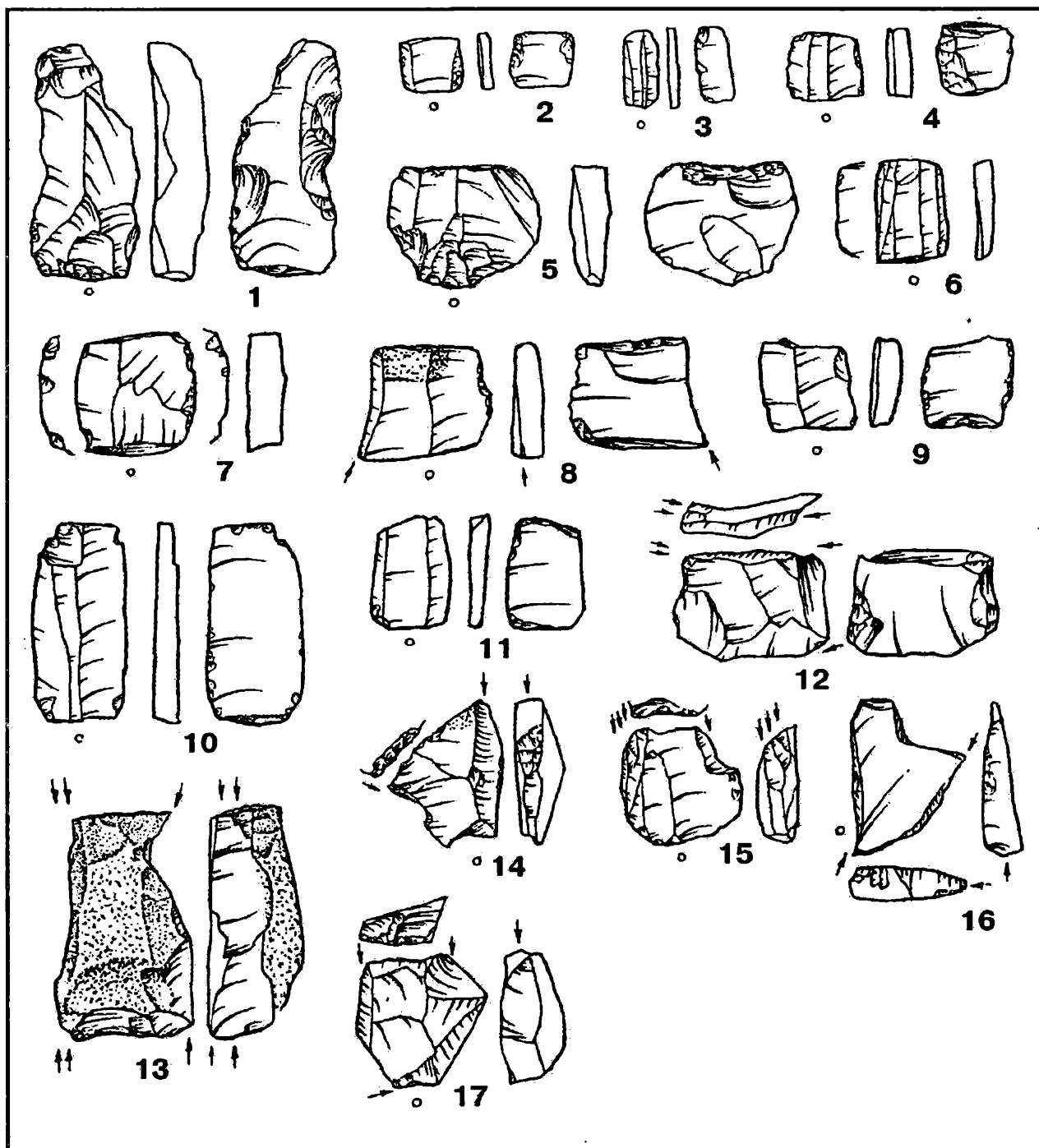

Рис. 18. Пургасово 3. Каменные изделия.

орудий – рис. 10; 18; 11, 3; 13: 1, 3-8, 10-13, 16, 17; 14: 3, 12; 15: 16; 22: 12). В качестве заготовок для них использованы 34 пластины, 7 отщепов, сработанный нуклеус и ребристая пластина. Преобладают модификации резцов с другими типами изделий (37), наиболее часто резец бывает нанесен на ретушированную пластину. Характер ретуши весьма разнообразен, что свидетельствует об их разном функциональном использовании. На шести предметах ретушь мелкая краевая, не деформирующая край заготовки, на двух она плоская, нанесена на брюшке, еще на четырех пологая и нанесена на спин-

ке. Остальные изделия обработаны крутой среднефасеточной ретушью на спинке и носят следы утилизации по другому краю. Вторую по численности группу комбинированных орудий составляют резцы-скребки, их восемь. Пять изготовлены из отщепов, еще три – из пластин. Все резцы на сломе заготовки, из них шесть одинарных и два двойных. Среди скребков присутствуют пять концевых, два боковых и двойной «обратный» скребок. Резцов-скобелей шесть. Они изготовлены из четырех пластин, отщепа и сработанного нуклеуса. Пять из резцов на сломе заготовки, шестой – ретушный.

Выемки всех скобелей мелкие, дугообразные, причем четыре узких и две широких. В пяти случаях ретушь нанесена на спинку, в шестом – на брюшко.

Комбинаций перфораторов с другими орудиями семь, пять выполнено на пластинах и по одному на отщепе и ребристой пластине. Представлено три резца, в их числе два на сломе и двугранный, два концевых скребка, скobelъ и ретушированная ребристая пластина. Рабочие концы перфораторов слабо скошены, в двух случаях жальца не выделены, еще у одного выем-

ка нанесена лишь по одному из краев, все прочие относятся к варианту плечиковых, хотя выемки едва намечены перегибом ретушированного края. Единичными формами представлены концевой скребок – скobelъ с мелкой дугообразной выемкой из пластины, ретушный резец – нож на пластине, обработанный по обоим краям двусторонней пологой ретушью. Это орудие напоминает нож костенковского типа.

Все рубящие орудия небольших размеров (рис. 20: 1, 3, 4), представлены тремя целыми изделиями и тремя обломками (0,2% в комп-

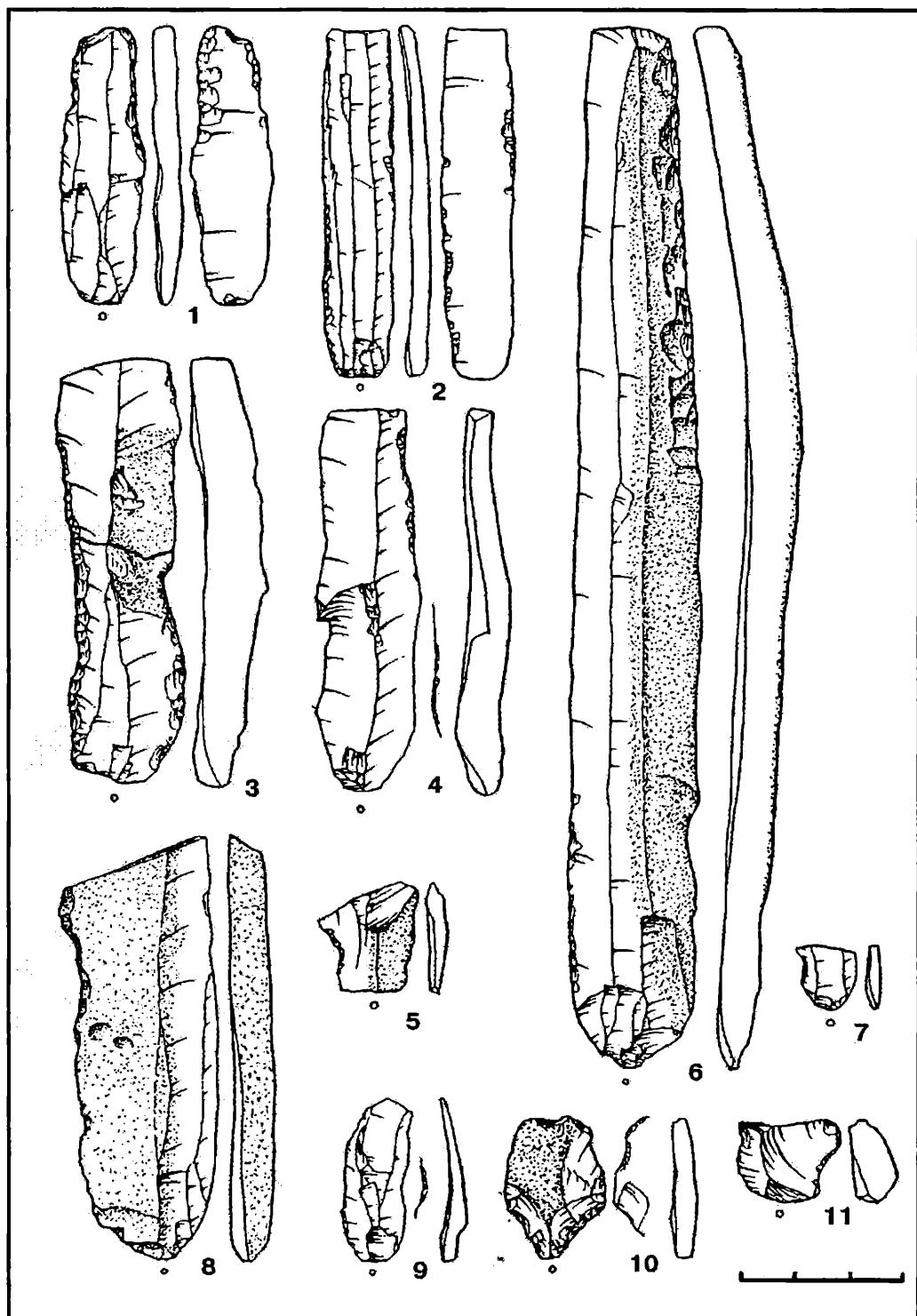
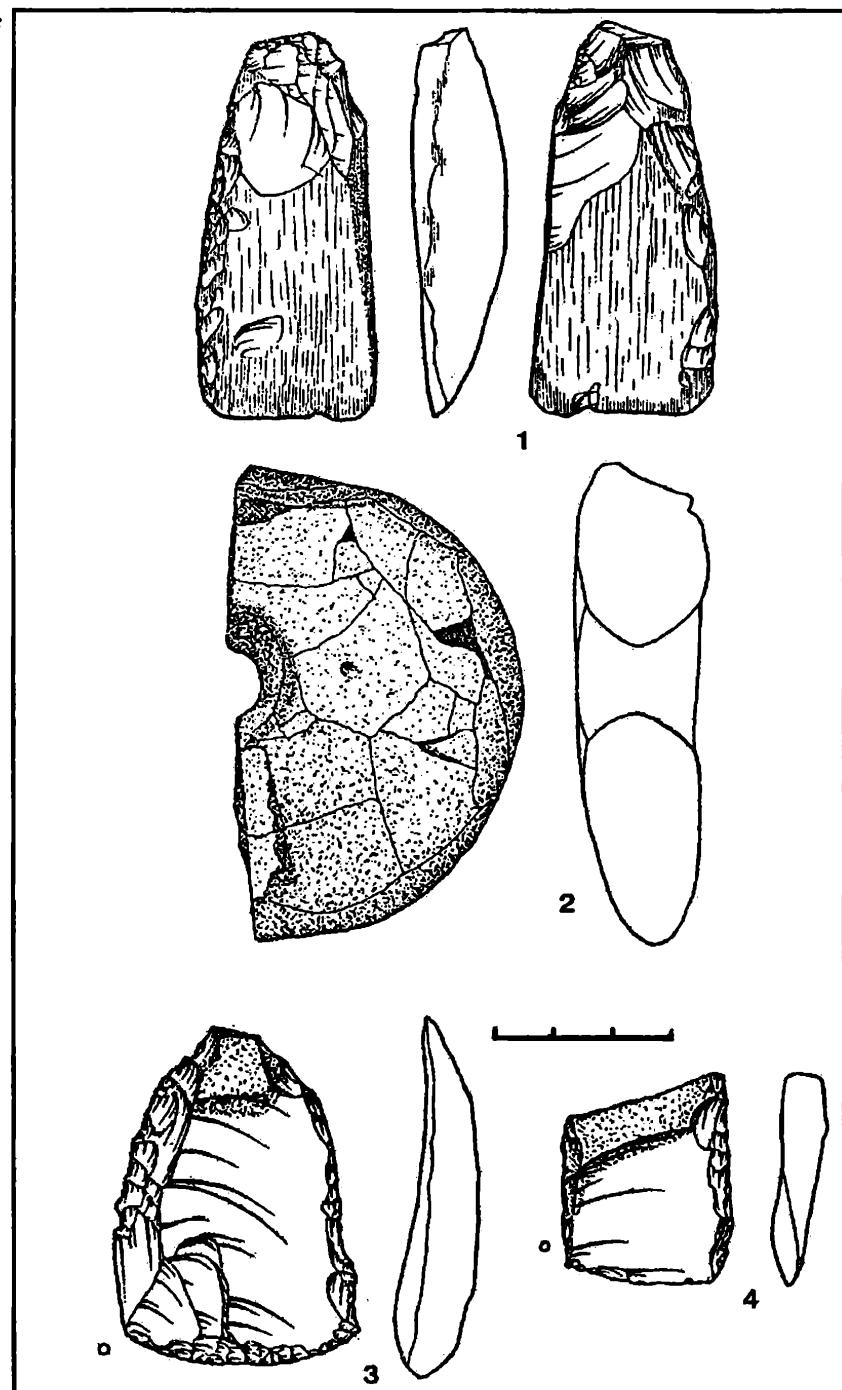

Рис. 19. Пургасово 3. Каменные изделия.

Рис. 20. Пургасово 3. Каменные изделия.

лексе и 0,5% среди орудий). В качестве заготовок для них использованы четыре отщепа и две гальки, сланцевая и кремневая. Кремневое тесло подтрапециевидной формы обработано сколом по одному из краев на спинке и двусторонними сколами по обуху. Кроме того, оно тщательно заполировано, причем на лезвии со стороны спинки имеется небольшой желобок. По характеру дислокации желобка данное тесло отличается от неолитических, на которых желобок наносился со стороны брюшка. Сланцевое тесло также хорошо зашлифовано почти по всей поверхности, но лезвие его обломано еще в древности. Изделие вторично использовано в качестве отбойника или ретушера. Третье тесло,

выполненное из кремневого отщепа, обработано на спинке по лезвию пологой ретушью, а на краях – крутой и полукруглой. Обломки представлены фрагментом лезвийной части, обработанным крутой ретушью на спинке и по торцам, а также двумя фрагментами обушковых частей, ретушированных аналогично.

Пластины с регулярной ретушью представлены 26 изделиями (0,8% в комплексе и 2,4% среди орудий – рис. 19: 1-4). Большая их часть фрагментирована (18). Преобладают изделия с одним ретушированным краем. Ретушь, как правило, нанесена на спинке (15) или, реже, на брюшке (6), но присутствуют и два экземпляра, обработанные противолежащим способом.

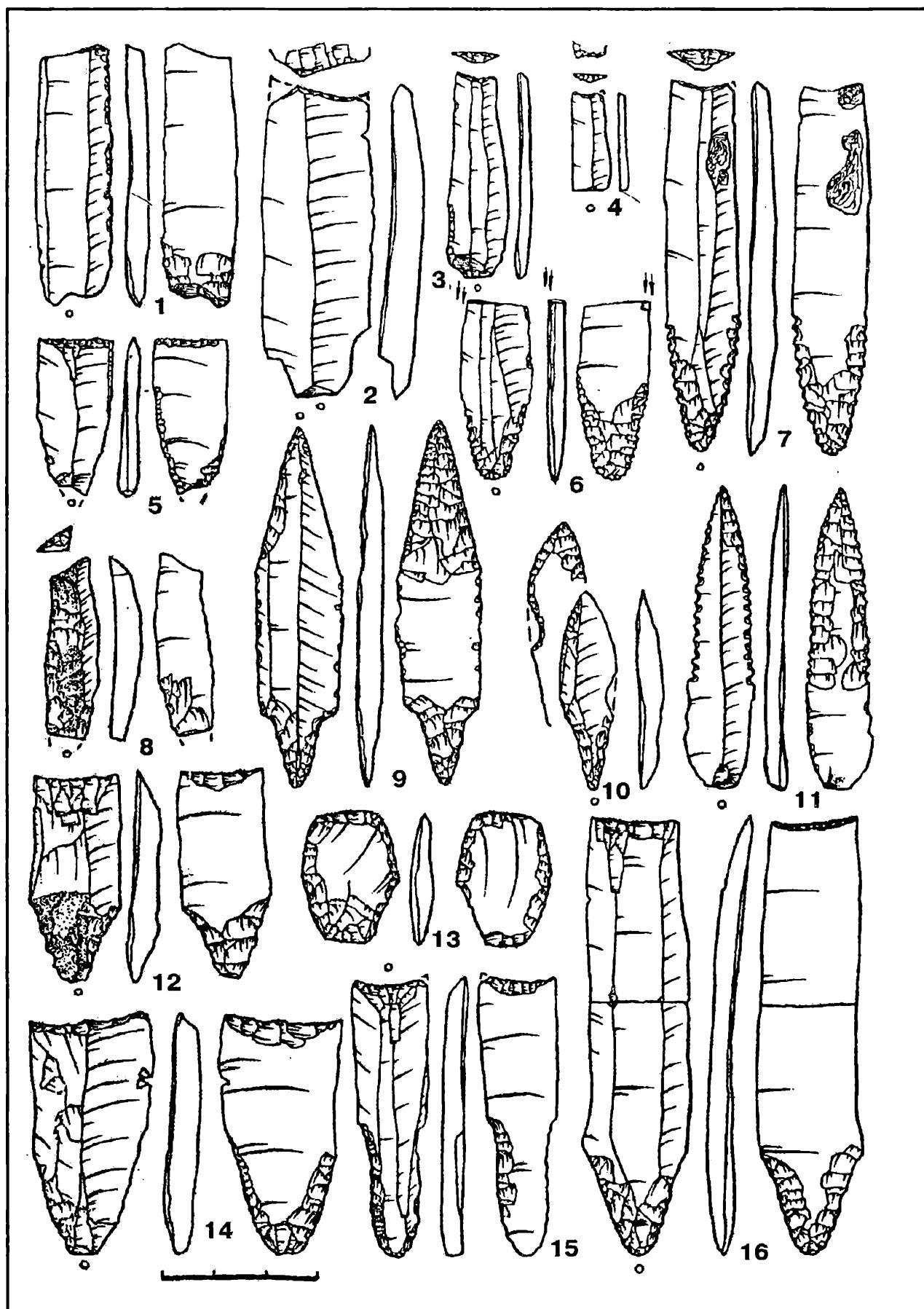

Рис. 21. Пургасово 3. Каменные изделия.

Представлена пологая и полукруглая ретушь с фасетками среднего или мелкого размера. Еще на двух пластинах ретушь перемежающаяся. На последней из пластин полукруглой ретушью пригуплены оба края на спинке и дополнитель но плоской ретушью обработан брюшко также по обоим краям заготовки. В этой категории орудий наиболее выразителен нож из крупной пластины длиной 196 мм, при ширине 16-24 мм. На спинке изделия по одной из граней сохранились следы меловой корки. Этот край обработан полукруглой среднефасеточной ретушью на протяжении 80 мм, другой край остался без обработки (рис. 19: 6). Интересно, что нож во время раскопок обнаружен почти в вертикальном положении, что скорее всего связано с эффектом морозного вслушивания.

Вкладышей из фрагментированных пластин 39 (1,2% в комплексе, 3,6% среди орудий – рис. 16: 1-3; 18: 1-4, 6-11). Число их невелико, особенно при сопоставлении с бутовскими коллекциями, что говорит о слабом развитии вкладышевой техники. Все они имеют заломы на углах и следы сработанности по краю. Чаще всего обработке плоской нерегулярной ретушью подвергалось брюшко. Одно из орудий обработано крупной плоской ретушью на брюшке подобно кукрексским вкладышам. Еще у трех изделий подработаны торцы заготовок, причем в двух случаях – полукруглой среднефасеточной ретушью, а в третьем – плоской.

Небольшую, но своеобразную группу составляют грузила (рис. 3: 1; 20: 2), всего их найдено три (0,1% в комплексе, 0,3% среди орудий). Два предмета, представленные крупными обломками, выполнены из уплощенно-округлых галек и имеют круглые сверлины. Оба отверстия выполнены в технике двухстороннего сверления. Третье грузило изготовлено из песчаниковой плитки подтрапециевидных очертаний. На его торцах сделаны пропилы, еще одна канавка, чуть более широкая, нанесена на одну из плоскостей. Вероятно, все углубления служили для лучшей фиксации груза на снасти. Следует отметить, что одно из грузил со сверлиной было найдено вместе с грузилом с пропилами на дне ямы в квадрате 50, что говорит о существовании обеих этих форм. До раскопок Пургасово 3 в Волго-Оксском бассейне не было встречено мезолитических грузил со сверлинами. Это понятно, ибо в качестве груза для сетей можно использовать любую подходящую для этого гальку. Грузила со сверлинами довольно обычны на стоянке Веретье 1, однако в данном случае вряд ли можно говорить о прямом заимствовании.

Особого внимания заслуживает охотничье

вооружение, собранное на памятнике, к которому относятся наконечники, острия и микролиты. Группа наконечников, которые в совокупности составляют 20 предметов (0,6% в комплексе и 1,8% среди орудий), представлена тремя типами. Первый, традиционный для Волго-Оксского мезолита, тип – это наконечники стрел с постсвидерским характером обработки, иволистной или черешковой формы. Всего их найдено 11, все изготовлены из пластин, причем в трех случаях они неправильной огранки. Семь наконечников черешковых, еще три – иволистных, и последний экземпляр представлен обломком пера, обработанного полукруглой краевой противолежащей ретушью на боевом конце, и его принадлежность к иволистным или черешковым формам из-за фрагментарности достоверно не устанавливается. Целых постсвидерских наконечников всего два, остальные – с теми или иными следами повреждения. Имеется довольно крупный черешковый наконечник (длиной 70 и шириной 17 мм), боевая часть которого располагается на бугорковом конце заготовки (рис. 21: 9). Он обработан плоской свидерской ретушью на брюшке по черешку и на пере, кроме того, на спинке, начиная от самого конца и до середины боковых краев, он дополнительно обработан пологой уплощающей краевой ретушью. Дислокация боевого конца и ретуши, а также размеры отличают данное изделие от традиционных постсвидерских наконечников бутовской культуры, однако этот факт в силу его единичности вряд ли стоит абсолютизировать. Второй черешковый наконечник обработан по брюшку на конце пера плоской среднефасеточной ретушью и дополнительно мелкой пологой по левому краю, кроме того, он обработан на спинке полукруглой ретушью на черешке и боевой части. Правый край наконечника поврежден, вероятно, при вспашке, из-за чего на нем образовалась дугообразная выемка (рис. 21: 10). Третий наконечник обработан полукруглой противолежащей ретушью как на пере, так и на черешке, и дополнительно плоской с брюшком на конце пера. Черешок частично утрачен. На обоих краях имеются негативы резцовых снятий (рис. 22: 13). Четвертый наконечник, перо которого утрачено, обработан на черешке плоской свидерской ретушью по брюшку и полукруглой средне-фасеточной на спинке. Он вторично использован как резец с неподработанной площадкой скола (рис. 22: 6). Кроме того, в коллекции имеются еще три обломка черешков, различающихся по степени и характеру обработки. Один из них обработан кругой краевой ретушью на спинке и нерегулярной плоской на брюшке (рис. 22: 1), другой слabo

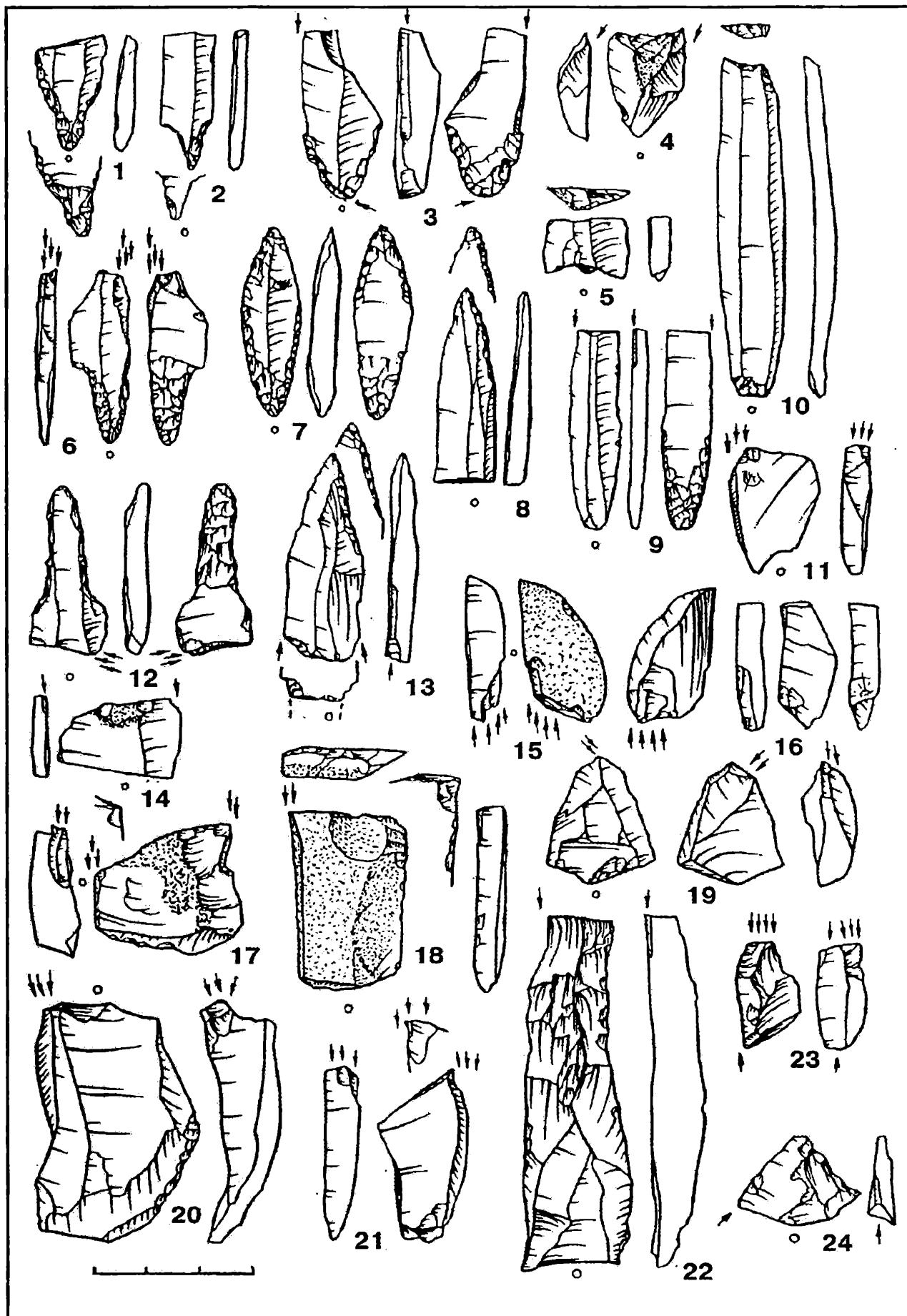

Рис. 22. Пургасово 3. Каменные изделия.

асимметричный ретуширован полукруглой противолежащей ретушью и дополнительно плоской со стороны брюшка (рис. 22: 2), третий обработан подобно первому на спинке и частично полукруглой по одному из краев на брюшке. Судя по следам сработанности, все три этих черешка вторично использовались в качестве перфораторов, при этом два первых – как сверла, а последний – как проколка.

Целый иволистный наконечник выполнен из неправильной пластинки длиной 36 и шириной 11 мм. Наконечник, с целью выравнивания контура заготовки, ретуширован по краям с обеих сторон: по брюшку нанесена плоская ретушь на насаде и полукруглая краевая на пера, а спинка обработана полукруглой по черешку и боковым краям и частично по левому краю около пера пологой ретушью (рис. 22: 7). В обработке двух других иволистных наконечников, представленных обломками насадов, использована либо только пологая постсвидерская ретушь на брюшке, либо пологая ретушь на брюшке в сочетании с полукруглой на спинке. Оба обломка иволистных наконечников вторично использованы в качестве резцов (рис. 22: 3, 9).

При раскопках стоянки Пургасово 3 было впервые найдено два не встречавшихся ранее в Волго-Окском бассейне типа наконечников. Как и постсвидерские наконечники, они изготовлены из пластин, но в отличие от них, они лишены колюще-пера. Свообразие этих форм подчеркивается наличием на боевом конце выемки, которая позволяет рассматривать изделия подобного рода как оригинальные поперечно-лезвийные наконечники. По эпонимному памятнику, где они встречены, эти изделия названы наконечниками пургасовского типа. По разновидности формы выделено два типа пургасовских наконечников. Первый из них был обозначен литерой А, он представлен шестью предметами, второй – был обозначен литературой Б, он представлен тремя экземплярами. Наиболее выразительный экземпляр типа А имеет крупные размеры, его длина 88 мм, а ширина 18–20 мм (рис. 21: 16). Боевая часть в виде неглубокой выемки получена двусторонней обработкой, по спинке – плоской ретушью и полукруглой на брюшке. Размер фасеток средний. В обработке черешка также использована двусторонняя среднефасеточная ретушь, плоская на спинке и полукруглая на брюшке, при этом образовались две неглубоких выемки, подчеркивающих переход края заготовки в насад. Еще в древности этот наконечник был сломан надвое, одна его часть была найдена на дне ямы в квадрате 14 Б на глубине 157 см, другая попала в верх-

нюю часть культурного слоя и была обнаружена в квадрате 48 Б на глубине 79 см.

Второй поперечно-лезвийный наконечник значительно меньше по размерам. В длину он имеет всего 56 мм, а в ширину 15 мм (рис. 21: 15). Выемка на его боевом конце получена двусторонней пологой ретушью, при этом на краях заготовки четко обозначены шиповидные выступы, один из которых частично обломан. Четко выделенный черешок длиной 28 мм обработан полукруглой и крутой среднефасеточной ретушью, нанесенной на спинку заготовки. На брюшке у него несколькими фасетками крутой ретуши дополнительно подправлена часть правого края, однако нельзя исключать и механического повреждения этого изделия в позднее время, так как он был найден в пахотной части слоя. Боевой конец этого наконечника, в отличие от первого, нанесен на бугорковую часть заготовки. Однако четкая форма черешка не оставляет сомнения в принадлежности этого изделия.

Третий наконечник типа А имеет укороченные пропорции, его длина составляет 47 мм при ширине 24 мм (рис. 21: 14). Перо, как и на других экземплярах, получено двусторонним ретушированием, но характер обработки иной: на брюшке нанесена пологая ретушь, которая на спинке усечена полукруглой среднефасеточной ретушью. Четко подчеркнуты шипы. Частично фрагментированный черешок получен схождением краев, ретушированных пологой ретушью на брюшке по обеим краям и пологой ретушью на спинке лишь по левому краю. Этот наконечник наиболее близок по обработке к «изделиям с подтеской» (по терминологии М.Д. Гвоздовер) костенковско-авдеевской культуры.

В обработке пера четвертого наконечника (размером 40 × 18 мм) использована плоская, как бы состругивающая ретушь с длинными узкими фасетками на спинке и пологая среднефасеточная – на брюшке. Подчеркнуты шиповидные выступы краев. Черешок обработан двусторонней краевой пологой среднефасеточной ретушью (рис. 21: 12).

Последний, пятый, частично фрагментированный, поперечно-лезвийный наконечник описываемого типа имеет размеры 30 × 15,5 мм. У него прямо срезанное перо, обработанное по обеим сторонам мелкой полукруглой ретушью, и невыделенный суживающийся насад, оформленный на брюшке крутой средней краевой ретушью (рис. 21, 5). Ориентация насадов этих четырех наконечников традиционная, то есть со стороны бугорковой части. Свообразие типу придает выемка на боевой части изделий, в оформлении которой, как на Авдеевской верх-

непалеолитической стоянке, используется и плоская подтеска. Описанные наконечники типа А по характеру своей обработки, но не формы, напоминают как постсовидерские наконечники, так и наконечники Авдеевской стоянки, хотя от последних их отделяет, судя по всему, значительный хронологический разрыв.

Этот же тип А пургасовских наконечников напоминает своеобразное изделие из отщепа, имеющее усеченно-ромбовидную форму (рис. 21: 13). Края предмета ретушированы по всему периметру, причем, если ретушь на брюшке плоская среднефасеточная, то крутизна ретуши на спинке варьирует от пологой до крутой. В силу единичности предмета и особенностей его формы атрибуция изделия в качестве поперечно-лезвийного наконечника является предположительной.

Другой не встречавшийся ранее в Волго-Окском бассейне тип наконечников представлен тремя предметами, один из которых фрагментирован. Наиболее выразителен экземпляр, имеющий на дистальном конце заготовки выемку, которая получена крутой обрубающей ретушью, нанесенной на спинку (рис. 21: 7). Шипы при этом четко выражены. Бугорковая часть оформлена в виде острия, ретушь двусторонняя, на брюшке она плоская свидерская, на спинке пологая. Края острия обработаны дополнительно пильчатой равновеликой среднефасеточной ретушью. Габариты изделия довольно значительные, длина равна 72 мм, а ширина 14 мм. Необычайная форма орудия и наличие пильчатой ретуши служат выразительными отличительными чертами рассматриваемого изделия.

Второй предмет – это острие длиной 58 мм при ширине до 13 мм, которое обработано по брюшку на протяжении 38 мм плоской свидерской ретушью и дополнительно на ту же длину по обеим краям заготовки пильчатой краевой ретушью. Бугорковая часть не удалена и обработка не имеет (рис. 21: 11). Поскольку это целый предмет, данное изделие может рассматриваться и как законченная форма, и как заготовка вышеописанного наконечника с выемкой. Третий экземпляр, как отмечалось, фрагментирован. Он отнесен к типу Б по присутствию пильчатой ретуши. Сохранившаяся его часть обработана как острие первого из наконечников данного типа (рис. 21: 6).

Дислокация боевого конца наконечников с пильчатой ретушью не совсем ясна, равно возможны оба варианта, то есть первом могла служить и ретушированная выемка, и необработанная проксимальная часть наконечника, и его оформленное пильчатой ретушью острие.

Пильчатая ретушь на мезолитических памятниках представляет собой явление уникальное. Единичные изделия, обработанные пильчатой ретушью, главным образом микролиты, встречены на стоянках Коломцы, Жабки 3 и Черная 1, но там пильчатая ретушь нанесена не на острие, а на край пластины. При этом пильчатая ретушь не встречалась раньше на транкированных микролитах. Для неолита пильчатая ретушь также представляет собой скорее исключение, чем рядовое явление, но там она наносилась на двусторонне обработанные наконечники, поэтому говорить о неолитической принадлежности описанных предметов у нас нет никаких оснований.

Помимо наконечников в коллекцию входят еще восемь предметов с выемками на концах, которые можно рассматривать и в качестве заготовок пургасовских наконечников и в качестве самостоятельных форм (0,2% в комплексе и 0,7% среди орудий – рис. 21: 1-4; 22: 4, 5, 10). На некоторых из них, подобно целым наконечникам, сломаны, возможно от удара, выступающие шипы, что делает второе предположение вполне оправданным. Четыре пластины с выемкой на конце, включая две целых и две обломанных, обработаны крутой ретушью лишь на спинке, при этом шип на одной из них был сломан и вновь ретуширован. Пятое изделие обработано также крутой ретушью, но на брюшке, шестое – крутой ретушью на спинке в сочетании с плоской на брюшке; седьмое – аналогично шестому, но ретушь на брюшке более правильная и зауженная, а выемка слабо скошена по отношению к длинной оси заготовки. Оба шипа этого микролита сломаны. Выемка восьмого микролита получена крутым ретушированием пластины по брюшку и дополнительно плоскими сколами около выемки оформлен один из краев по брюшку.

Таким образом, нанесение выемки на торце заготовки является устойчивым технологическим приемом, который применялся при оформлении различных типов изделий. Этот прием весьма специфичен и осязаем. Изделия с выемкой на конце встречаются на памятниках иеневской и бутовской культур, но там, в отличие от Пургасово 3, они представлены единичными экземплярами и не образуют сопряженных групп.

Своебразно фрагментированное трапециевидное острие из ребристой пластиинки (0,03% в комплексе и 0,1% среди орудий), конец которого скошен крутой среднефасеточной ретушью на спинке, а основание и правый край, прилегающий к основанию, усечены двусторонней ретушью – полукрутой на спинке и плос-

кой на брюшке (рис. 21: 8). Оно отдаленно напоминает трапециевидные острия янгельской культуры Южного Урала и стоянки Красной 1 «Вася» из Жиздринского полесья, но в них никогда не использовалась двусторонняя и плоская ретушь.

Микролитов с краем, притупленным мелкой кругой ретушью, восемь, еще в двух случаях обработаны оба края (0,3% в комплексе и 0,9% среди орудий – рис. 16: 4-6). Мелкие размеры фасеток, а также небрежность в их обработке определяют известную условность объединения этих изделий в один тип. Ретушь, как правило, наносилась на брюшко (9), в одном случае она перемежающаяся и еще в одном – нанесена на спинку. Подобные же микролиты характерны для стоянок кулгинской и камской культур, а также эпизодически присутствуют в иеневских стоянках. Тенденция затупливания краев микролитов характерна для бутовских стоянок, таких как Петрушино, Микулино, Задне-Пильево 1, Борисово 1 и др., однако в этих памятниках формы более выраженные, а ретушь – крупнее по размерам и круче.

Микролитов с поперечно срезанным концом – 12 (0,3% в комплексе и 1,0% среди орудий), 10 из них выполнены на микропластинах и пластинах, еще две – на ребристых пластинах (рис. 15: 25-28; 16: 8). Для обработки использовалась круглая (10) или полукруглая (2) краевая ретушь, наносившаяся на спинку (10) или брюшко (2). На двух наиболее крупных изделиях краевой двусторонней ретушью усечены основания заготовок, что делает их похожими на ножи костенковского типа (рис. 15: 24).

Пластиин со скошенным концом – 12, они дополняются одним отщепом (0,4% в комплексе и 1,2% среди орудий – рис. 15: 29; 16: 7-10, 13, 14, 17). Круглою мелкой ретушью обработана, как правило, спинка заготовки (10), реже брюшко (2). Лишь у одного предмета конец усечен полукруглой среднефасеточной ретушью на брюшке.

Острия со сходящимися ретушированными краями представлены шестью предметами (рис. 16: 11, 12, 15, 16), все из пластин (0,2% в комплексе и 0,5% среди орудий). Три обработаны мелкой ретушью лишь по спинке на жальце, четвертое – противолежащей кругой ретушью. Сходящиеся края пятого острия затуплены полукруглой среднефасеточной ретушью на спинке, а по брюшку оно дополнительно обработано плоской свидерской ретушью. Шестое на брюшке оформлено почти по всему периметру пологой ретушью, а на спинке – полукруглой ретушью лишь по правому краю.

Пластиин и их фрагментов со следами сработанности или мелкой нерегулярной ретуши – 157, включая две ребристых (4,9% в комплексе и 14,3% среди орудий). Преобладают правильные экземпляры, нерегулярных всего девять. Торцы трех из пластин усечены ударом в ребро на спинке заготовки, а на трех следующих притуплены заусенцы на сломах. Помимо этого имеются 273 отщепа с ретушью (8,4% в комплексе и 24,9% среди орудий).

Отходы вторичного производства представлены 181 резцовым сколом (5,6% в комплексе и 58,2% в группе) и 28 сколами подправки лезвий орудий (0,9% в комплексе и 9,0% в группе), среди которых скребки, ножи, перфораторы и рубящие орудия. Характерно, что все сколы подправки лезвий орудий выполнены также в резцовой технике. В коллекции также имеются 88 обломков орудий (2,7% в комплексе и 28,3% в группе), 31 из них от предметов на пластинах, 55 – на отщепах и два последних – фрагменты двусторонне обработанных форм, вероятно обушковых частей тесел. Принадлежность лишь 12 обломков устанавливается довольно четко, все они пропорционально распадаются на четыре равных группы – это скребки, перфораторы, пластиинки с регулярной приостряющей краевой ретушью или ножи и комбинированные орудия, представляющие собой модификацию ножей с транке. Принадлежность остальных обломков из-за их фрагментарности достоверно не устанавливается. Помимо этого в коллекцию входят 11 отщепов со следами шлифовки (0,3% в комплексе и 1,0% в группе) и три пластины с краевыми выемками, полукруглая ретушь на которые нанесена на брюшко изделий (0,1% в комплексе и 1,0% в группе). По сути своей это псевдомикрорезцы (рис. 15: 20-22), хотя их присутствие здесь малообъяснимо, поскольку чаще всего они возникают как брак при изготовлении микролитов с затупленным краем, которые в Пургасово 3 отсутствуют.

Такова коллекция каменных артефактов памятника. Суммируя все вышеизложенное, можно отметить следующее. Техника первичного расщепления Пургасово 3 характеризуется развитой пластиинчатой и отщеповой техникой. Нуклеусы представлены одноплощадочными коническими, карандашевидными или призматическими экземплярами, предназначанными для снятия пластиин и микропластиин. Полная утилизация нуклеусов и сравнительная микролитоидность каменных орудий отражает, вероятно, известный дефицит сырья, вследствие чего сработанные и уже непригодные для получения пластиин экземпляры переоформлялись в резцы.

Пластинчатость комплекса сравнительно высока для волго-окских мезолитических стоянок, и в совокупности она достигает 30%, при этом доля орудий на пластинах равна 49%, а среди морфологически выраженных форм (без пластин и отщепов с нерегулярной ретушью или следами утилизации) достигает 57%.

Во вторичной обработке широко использовалась резцовая техника, техника шлифовки, крутое и полукруглое краевое ретуширование, в качестве дополнения, особенно для охотничьего вооружения, применялось двустороннее краевое ретуширование, уплощающая ретушь, пильчатая ретушь и плоская подтеска. Подтеска и пильчатая ретушь на мезолитических стоянках Волго-Окского бассейна раньше не встречались. При обработке рубящих орудий применялась двусторонняя обивка и шлифовка. Шлифовка использовалась не только при обработке мягких пород камня, как сланец, но и кремня. Выразительны абразивы с желобками. Часть абразивов могла применяться и при обработке кости. Особо следует указать на технику сверления, которая нашла отражение в грузилах и массивных развертках.

Чрезвычайно высок удельный вес орудий в комплексе, даже без учета их обломков и технологических сколов. А вместе с ними орудия, их обломки и сколы подправки насчитывают 1438 экземпляров или 44,5%. Столь высокий процент изделий со вторичной обработкой является максимальным не только для памятников Волго-Окского бассейна, но, вероятно, вообще для эпохи мезолита. Возможно, это объясняется тем, что исследована площадь, где была сосредоточена жилищно-производственная площадка поселения, причем первичная обработка в пределах исследованного участка велась лишь в минимально необходимых количествах.

В составе орудий доминируют резцы, а среди них преобладают изделия с неподработанной площадкой скола, более трети из которых нуклевидные. Двугранных и ретушных резцов поровну, присутствуют комбинированные, однако в совокупности число их невелико. Весьма характерны плоские сколы. На втором месте по численности стоят скребки. Среди скребков превалируют концевые, их дополняют двойные концевые, боковые, концевые-боковые, подокруглые, скробачи и стрельчатые. На третьем месте находятся комбинированные изделия, наиболее часты сочетания резцов с ножами или скребками. Вкладыши из фрагментированных пластин занимают всего-навсего четвертую позицию. Довольно многочисленны перфораторы, включая массивные развертки. Сверла бывают с невыделенным концом или плечиковые.

Скобели, как правило, с дугообразными узкими мелкими выемками. Встречены пластины с регулярной приостряющей или, реже, притупляющей ретушью, тесла подтреугольной или подтрапециевидной формы, выполненные из отщепов или желваков в технике обивки, двустороннего ретуширования или шлифовки. Сравнительно многочисленны косые острия, а также микролиты с поперечно срезанным ретушью концом и микролиты с выемкой на конце. Последние часто имеют подтеску плоской ретушью на брюшке. Этот прием является культуро-определяющим для пургасовских памятников. Симметричные острия, напротив, устойчивых серий не образуют. Выразительными сериями представлены абразивы, «выпрямители древков стрел» и каменные грузила с пазами для подвешивания или круглыми сверлинами. Ближайшими аналогами грузилам с отверстиями имеются в Веретье 1 (Ошибкина 1997). Среди наконечников стрел, представленных серийно, помимо традиционных постсовидерских, весьма характерны изделия с выемкой на конце двух разновидностей: первая – массивные поперечно-лезвийные черешковые наконечники, боевой конец которых оформлен двусторонней крутой или пологой в сочетании с плоской ретушью прямо или в виде выемки, и вторая – крупные острия с пильчатой ретушью на боевом конце и выемкой в основании. Таким образом, специфику памятника составляют предметы охотничьего вооружения, а также серия каменных грузил. Часть наконечников имеют бутовские черты, хотя постсовидерские признаки не ограничиваются, конечно, лишь бутовской культурой.

Наличие полного поселенческого типологического набора позволяет говорить о Пургасово 3 как о базовой стоянке. Наряду с традиционными для Волго-Окских памятников формами изделий, ряд из них весьма специфичен. Поскольку в качестве культурного определителя для мезолита принято считать охотничье вооружение, куда входят наконечники стрел, острия, вкладыши и микролиты (Формозов 1959), именно в них наиболее весомо проявляется как традиционализм, так и новации. Если постсовидерские наконечники – это своеобразная визитная карточка Волго-Окского мезолита, то поперечно-лезвийные наконечники типа Пургасово А и Б – это два абсолютно неизвестных ранее в мезолите лесной зоны Европейской России типа орудий. Аналогий наконечникам пургасовского типа чрезвычайно мало. Помимо двух микролитов в Борисово 1 в Мещере (Сорокин 1990) можно назвать наконечник из Дорки 4 на Верхней Волге (Мирецкий, Фролов 1991: 24), наконечник со стоянки на Круглом озере,

относящемуся к бассейну Верхней Волги (Мирецкий 1994: 73, рис. 2, 1), и два наконечника стоянки Пясина 3 на Таймыре в Восточной Сибири (Хлобыстин 1973, рис. 2, 6; Кольцов 1989, табл. 117, 22, 41; Хлобыстин 1998, рис. 9). Комплекс последнего памятника, несмотря на их явное сходство, чрезвычайно мал, поэтому реальное содержание этой аналогии не ясно. Кроме того, можно назвать наконечники со стоянок Имерка 4 (Выборнов 1994) и Шаверки 5 (Вихляев, Ставицкий 1995, рис. 6, 16) в Примокшанье. Оба памятника входят с Пургасово 3 практически в одну территориальную группу, но, к сожалению, мезолитические материалы в них служат лишь небольшой, типологически выделяемой примесью. Наконечник, напоминающий пургасовские, присутствует в Нижних Котицах 5 (Крылова 1986: 145, рис. 2, 1). Единственным полным аналогом коллекции Пургасово 3, исследованной раскопками на значительной площади, является комплекс стоянки Шагара 4 на одноименном озере в Мещере. Все эти аналогии относились к наконечникам типа А. Аналоги наконечникам типа Б мне не известны. Использование пильчатой ретуши в мезолите зафиксировано на наконечниках стоянок Пулли (Янитс 1991), датируемой пребореалом, и Веретье 1, датируемой бореалом 1 (Ошибкина 1997).

Пургасово 4 – 9

В 1985 г. при осмотре ближайших окрестностей стоянки Пургасово 3 в междуречье рек Мокши и Ермишь, как отмечалось выше, было открыто три пункта каменных изделий – Пургасово 4-6. А при обследовании зоны строительства внутрихозяйственной автодороги Енкаево – Пургасово в 1990 г. список пополнился еще тремя местонахождениями – Пургасово 7-9.

Пургасово 4 располагается в 150 м к ЮВВ от стоянки Пургасово 3 на невысокой (до 0,5 м) пойменной гриве. Грива приурочена к правому берегу р. Мокши в месте выхода в нее заторфованной старицы. Высота памятника над уровнем реки – около 8 м. Шурфовка не производилась, однако, судя по обнажениям берегового обрыва, стратиграфия сходна с той, которая отмечена и в Пургасово 3.

Каменный инвентарь состоит из восьми кремневых отщепов и двух пластин.

Пургасово 5 и 6 расположены в 500 и 550 м к СЗ от Пургасово 3 по направлению к руслу р. Ермишь на распахиваемых низких пойменных гривах высотой около 0,5 м над уровнем высокой поймы, вытянутых вдоль русла заторфованной старицы. В пункте № 5 найдено 14 кремневых изделий, среди них резец на углу сло-

Если же к наконечникам пургасовского типа добавить еще трапециевидный микролит и микролиты с торцевой выемкой, которые образуют с наконечниками пургасовского типа сопряженную группу, то специфика описываемого комплекса будет еще более осозаема. Следует отметить и практическое отсутствие в Пургасово 3 геометрических микролитов, неразвитость вкладышевой техники и невыразительность микролитов с пригупленным краем.

Свообразие каменного инвентаря подчеркивается особенностями самой массовой категории орудий – резцов, среди которых широко представлены экземпляры с подтеской на брюшке, практически не встречающиеся или единичные на других Волго-Окских стоянках.

В категории рубящих орудий сочетаются двусторонне обработанные формы, в том числе шлифованные, орудия из галек с орудиями из отщепов, обработанные исключительно ретушью на спинке.

Пургасово 3 имеет некоторые черты сходства с материалами бутовской культуры, особенно памятниками Мещерской низменности. Однако своеобразие комплекса настолько значительно, что позволяет выделить его вместе с Шагарой 4 в отдельную археологическую культуру, входящую в круг постсвидерских культур.

манной пластинки, отщеп с ретушью, скол подправки ударной площадки нуклеуса, ребристый отщеп, четыре ножевидных пластины и шесть отщепов.

Каменные изделия пункта № 6 состоят из концевого скребка на отщепе, резца на углу сломанной пластинки, двух кремневых пластин и трех отщепов.

Пургасово 7 находится в 2 км к СЗ от западной оконечности д. Пургасово и в 1 км к В от центральной части д. Четово на левом берегу р. Ермишь. Памятник приурочен к низкой пойменной гриве. Высота памятника над уровнем воды в реке – около 7,5 м. На обнажении собрано 25 каменных предметов, включая пять подконических нуклеусов от пластин и отщепов, три скола подправки ударных площадок, два ребристых скола, шесть пластинок, два резца на сломе пластинок, пластинку со следами сработанности и шесть отщепов.

Пургасово 8 находится в 2,8 км к СЗ от западной оконечности д. Пургасово, в 300 м к В от центральной части с. Енкаево и в 1 км к СЗ от пункта № 7, на левом берегу р. Ермишь. Памятник занимает низкую пойменную гриву. Высота памятника над уровнем воды в реке –

около 8 м. На обнажении собрано 35 каменных предметов, в том числе скол подправки ударной площадки нуклеуса, два ребристых скола, 10 пластинок, два резца на сломе пластинки и отщепа, обломок концевого скребка на отщепе, пластинка и два отщепа со следами сработанности, пять резцовых сколов, отщеп со следами шлифовки и 10 отщепов.

Пургасово 9 находится в 2,5 км к ССЗ от западной оконечности д. Пургасово, в 1,5 км к ССВ от центральной части с. Енкаево и в 250 м к ЮЗ от д. Красные Починки. Памятник расположен на левом берегу р. Ермишь. Он занимает низкую пойменную гравюру высотой до 1 м над уровнем высокой поймы. Высота памятника над уровнем воды в реке составляет около 8,5 м. Большая часть территории стоянки разрушена песчаным карьером. На обнажении собрано 85 каменных предметов, в том числе од-

ноплощадочный подпризматический нуклеус от пластин, три скола подправки ударных площадок нуклеусов, пять ребристых сколов, 16 пластинок, два резца на сломе пластинки и отщепа, ретушный резец на отщепе, целый и обломок концевых скребков на отщепах, обломок микролита с выемкой на дистальном конце заготовки, два микролита из фрагментированных пластинок, две пластинки и три отщепа со следами сработанности, 11 резцовых сколов, отщеп со следами шлифовки и отбойник. Остальные предметы являются отщепами.

Характер сырья, облик каменных изделий и условия их нахождения позволяют предварительно датировать все описанные местонахождения мезолитическим временем. Вопрос об их культурной принадлежности из-за малочисленности коллекций остается открытым, однако связь с Пургасово 3 не вызывает особого сомнения.

Барашево 1

Стоянка располагается в 1 км к ССЗ от одноименной деревни в Сасовском р-не Рязанской области, на дюне высотой до 2 м левого берега р. Мокши в зоне Окско-Мокшинской низины. Памятник открыт в 1976 г. В.П. Челяповым и дополнительное обследован автором в 1987 и 1989 гг. Дюна в это время была почти полностью развеяна и значительная ее часть разрушена карьером. Каменные изделия образовывали компактное скопление площадью около 50 кв. м в южной части дюны и занимали наиболее углубленную часть котловины выдувания. Памятник был дополнительно осмотрен в 1991 г., в результате чего было установлено, что он полностью разрушен песчаным карьером.

Собранные в 1987 и 1989 гг. коллекция включают 6820 предметов⁵. В качестве сырья использовался, главным образом, валунный кремень среднего качества палевого, желтовато-коричневого и, реже, красного цветов. Изредка его дополняет опока и гранит. Мелкая кремневая галька собиралась, вероятно, где-то поблизости, во всяком случае, аналогичные конкреции эпизодически встречаются на пашне. Общий состав изделий представлен в таблице 2.

Группа нуклевидных состоит из 350 предметов, что составляет 5,1% в комплексе, сколов-заготовок 5530 (80,9% в комплексе), «орудий для производства орудий» два (0,02%), орудий 504, или 7,4% в комплексе, отходов вторичного производства 451, или 6,6%. Сравнение с

Пургасово 3 показывает малочисленность в Барашево 1 орудий на фоне резкого доминирования предметов первичного расщепления.

Нуклеусы малочисленны (11) (0,2% в комплексе и 3,1% в группе) и невыразительны, все сильно сработаны. Имеются лишь одноплощадочные экземпляры (рис. 23: 12, 13; 28: 17, 21). Среди них по три подконических и подпризматических отщепов, два торцевых от пластинок, нуклевидный кусок и два термических осколка. Площадки всех подретушированы и слабо скошены, ребра не выделены.

Сколов подправки ударных площадок нуклеусов – 51 (0,7% в комплексе и 14,6% в группе), при этом 12 сколов переоформления и 39 – фасетирования.

Ребристые сколы, напротив, многочисленны, их найдено 288 (4,2% в комплексе и 82,3% в группе). Вероятней всего, значительное количество ребристых снятий свидетельствует об использовании «щемилки» для осуществления раскалывания. Резко преобладают предметы с односторонне оформленным ребром, при этом отщепов 208, а пластин всего 59. Двусторонне обработанные ребра встречены лишь на 13 пластинах и восьми отщепах.

Найдено 813 пластин (11,9% в комплексе и 14,7% в группе), преобладают микропластинки и пластинки узких и средних пропорций. Отщепов 4708 (69% в комплексе и 85,3% в группе), среди них доминируют экземпляры мелких и средних пропорций.

Отбойники и ретушеры в коллекции отсутствуют. Абразивы представлены двумя мелкими обломками гранитных плиток со следами

⁵ В это число не входят девять мелких рыхлых фрагментов керамики, принадлежащих S-видным сосудам с разреженным орнаментом в виде сетчатых отпечатков и тычковых вдавлений, относящихся к эпохе бронзы.

Таблица 2. Баращево 1. Типологический состав.

Сырье ¹	2
нуклеусы	11
сколы подправки ударных площадок	51
сколы ребристые	288
отщепы	4717
пластины	813
отбойники	0
абразивы	2
резцы	136
скребки	23
скобели	7
скребла	0
перфораторы	2
комбинированные орудия	2
рубящие орудия	3
нож	1
транке	6
острия косые	11
острия симметричные	0
наконечник стрелы с выемкой	1
вкладыши из фрагментированных пластин	47
пластины со следами сработанности	23
отщепы с ретушью	242
сколы резцовые	336
сколы подправки лезвий орудий	30
обломки орудий	66
псевдомикрорезцы	6
отщепы со шлифовкой	13
Всего	6837

односторонней и двусторонней шлифовки (0,02 % в комплексе и 100% в группе).

Из 504 орудий морфологически выражены всего 239 или 47,4%. Заготовками для них служили отщепы – 116 экз., или 48,5%, пластины – 102, или 42,7%. Доля прочих заготовок равна 8,8% (21 экз.). Орудийный набор памятника не отличается особым разнообразием.

Наиболее многочисленны резцы (рис. 23: 1-11; 24: 1-27; 25: 1-40; 26: 1-17; 28: 4, 6, 7, 9, 10, 13, 16, 19, 20), их насчитывается 136 (2,0% в комплексе и 27% среди орудий), лишь 13 изготовлены из пластин, 107 выполнены на отщепах и 16 – на прочих заготовках. Представлены все три способа оформления рабочих площадок – сломом, сколом и ретушью. Преобладают экземпляры на сломе заготовки, которых насчитывается 94, 13 из них изготовлены из пластин, 61 – на отщепах, и по пять на резцовых сколах и нуклеусах. Наиболее многочисленны экземпляры с одной кромкой, лишь 10 двойных. Узкие кромки присутствуют на 54 орудиях, остальные кромки широкие, включая 10 нуклевидных форм.

Резцов с ретушированной площадкой скола 17,

15 изготовлены из отщепов и по одному – из ребристого скола и нуклеуса. Кромки на всех широкие, при этом 11 одинарных и шесть двойных.

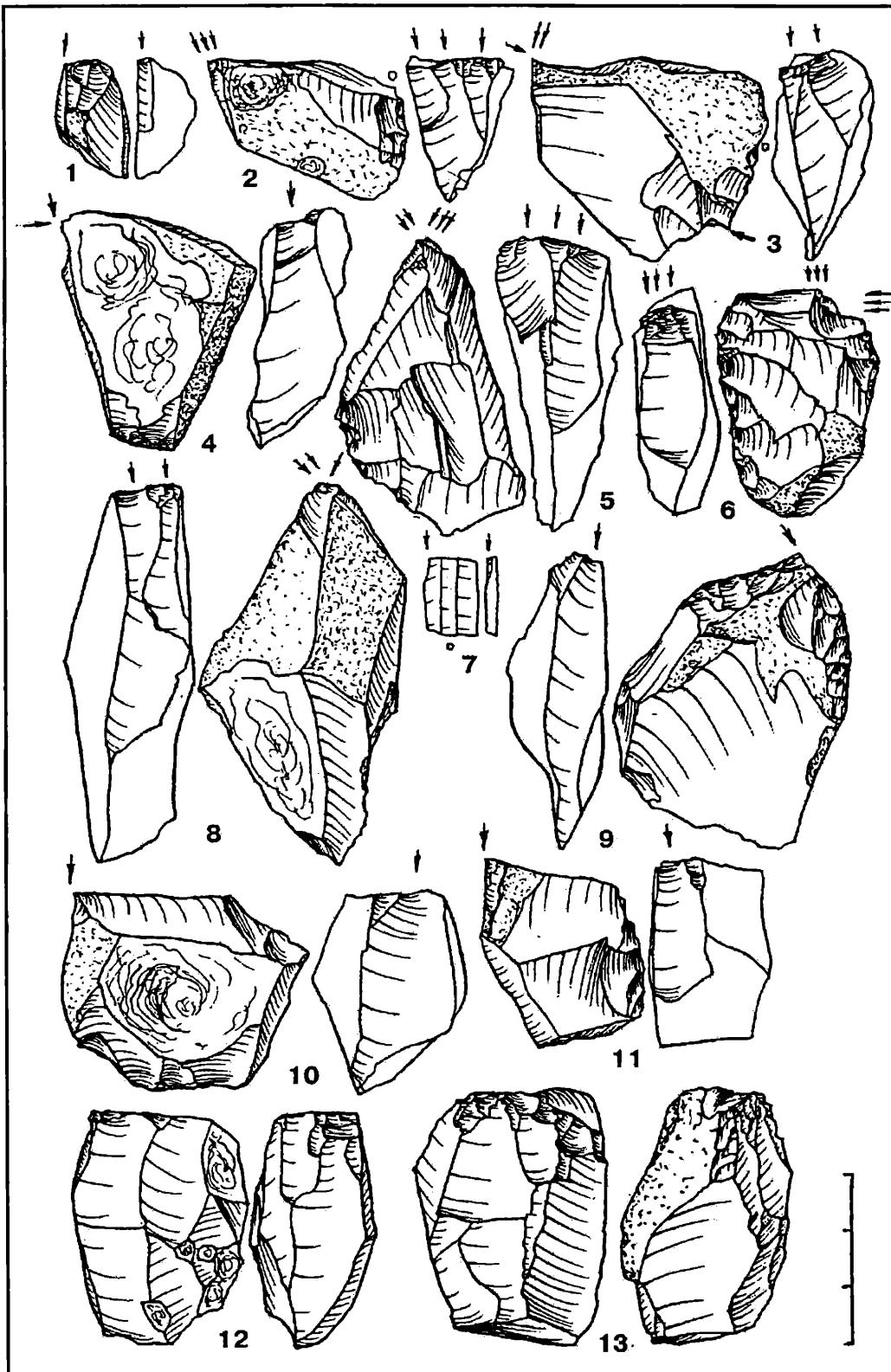
Двугранных резцов тоже 17, 13 выполнены из отщепов, еще три из сломанных орудий и последний – из ребристого скола. 15 двугранных резцов одинарные и два – двойных, лишь одна из кромок узкая.

Комбинированных резцов восемь. Все изготовлены из отщепов и имеют широкие кромки. Представлены четыре двугранных и два ретушных с неподработанными площадками, двойной ретушный с неподработанным лезвием и последний экземпляр – ретушный с двойным неподработанным лезвием.

Таким образом, для резцов характерны следующие черты: 1) малочисленность изделий на пластинах, 2) высокий удельный вес орудий с широкими кромками, 3) преобладание резцов на сломе отщепа над всеми другими типами, при наличии выразительной серии ретушных и двугранных резцов. При сравнении резцов Баращево 1 с найденными в Пургасово 3 видно, что они различаются друг от друга по пластинчатости, разной доле нуклевидных заготовок и отсутствию чешуйчатой подтески.

¹ При вычислении процентного состава артефактов две кремневых конкреции не учитывались.

Рис. 23. Барашево 1. Каменные изделия.

Скребков всего 23 экз. (0,3% в комплексе и 4,6 в группе). Все изготовлены из отщепов (рис. 27: 1-27). Многие обожжены и фрагментированы. Следует добавить, что практически все обломки орудий также принадлежат скребкам, поэтому реальное соотношение резцов со скребками несколько иное. Формы отличаются известным многообразием, но это многообразие создается за счет единичных типов. Представ-

лены 15 концевых, двойной концевой, три подокруглых (в обломках), два скробача, боковой и «обратный» скребки. Особенностью коллекции служит практическое отсутствие концевых экземпляров на пластинах. Высокий резцово-скребковый (5,9) показатель коллекции свойствен памятникам типа Красново 1 и бутовской культуры, однако в последней концевые скребки на пластинах, как правило, преобладают.

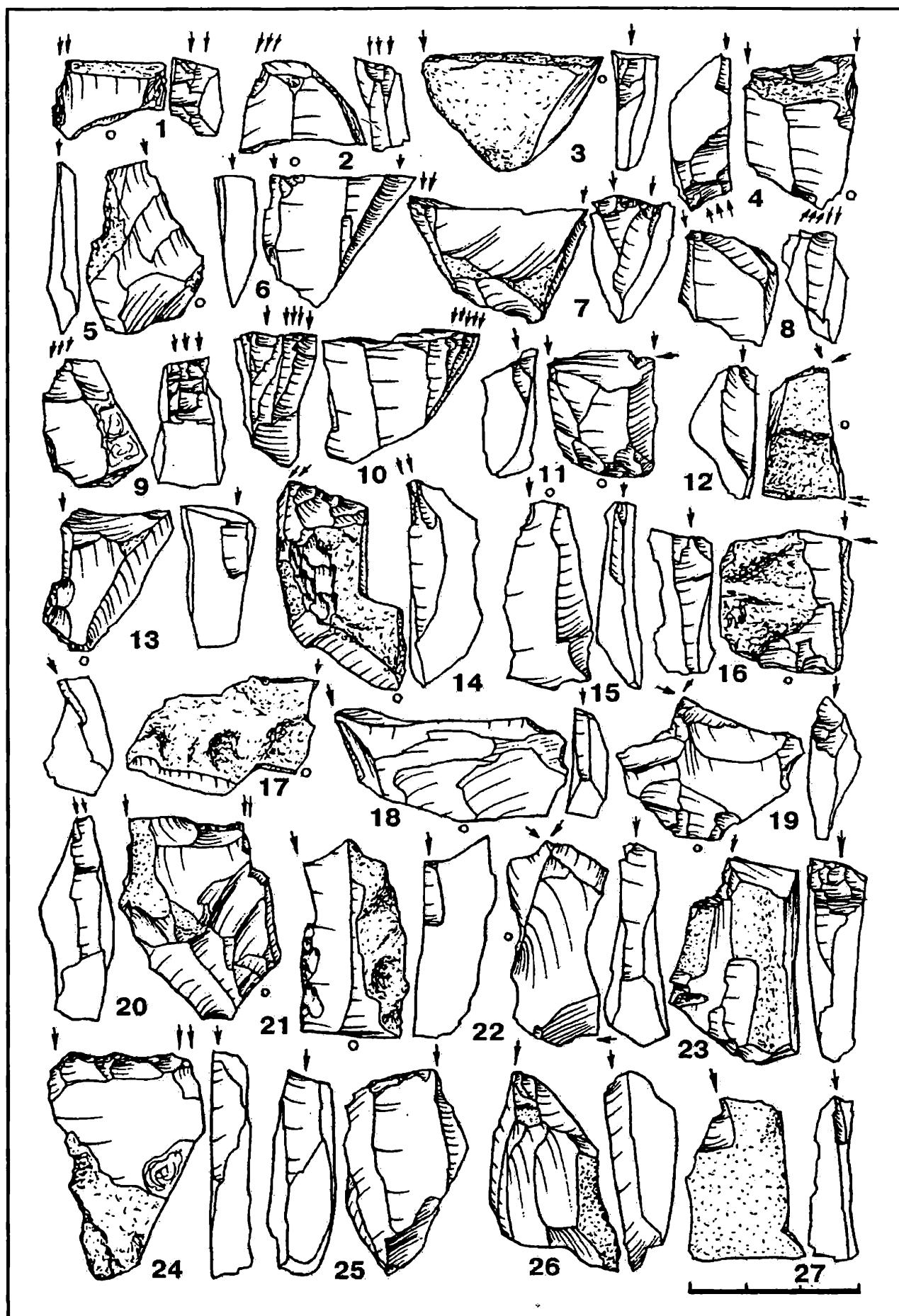

Рис. 24. Барашево I. Каменные изделия.

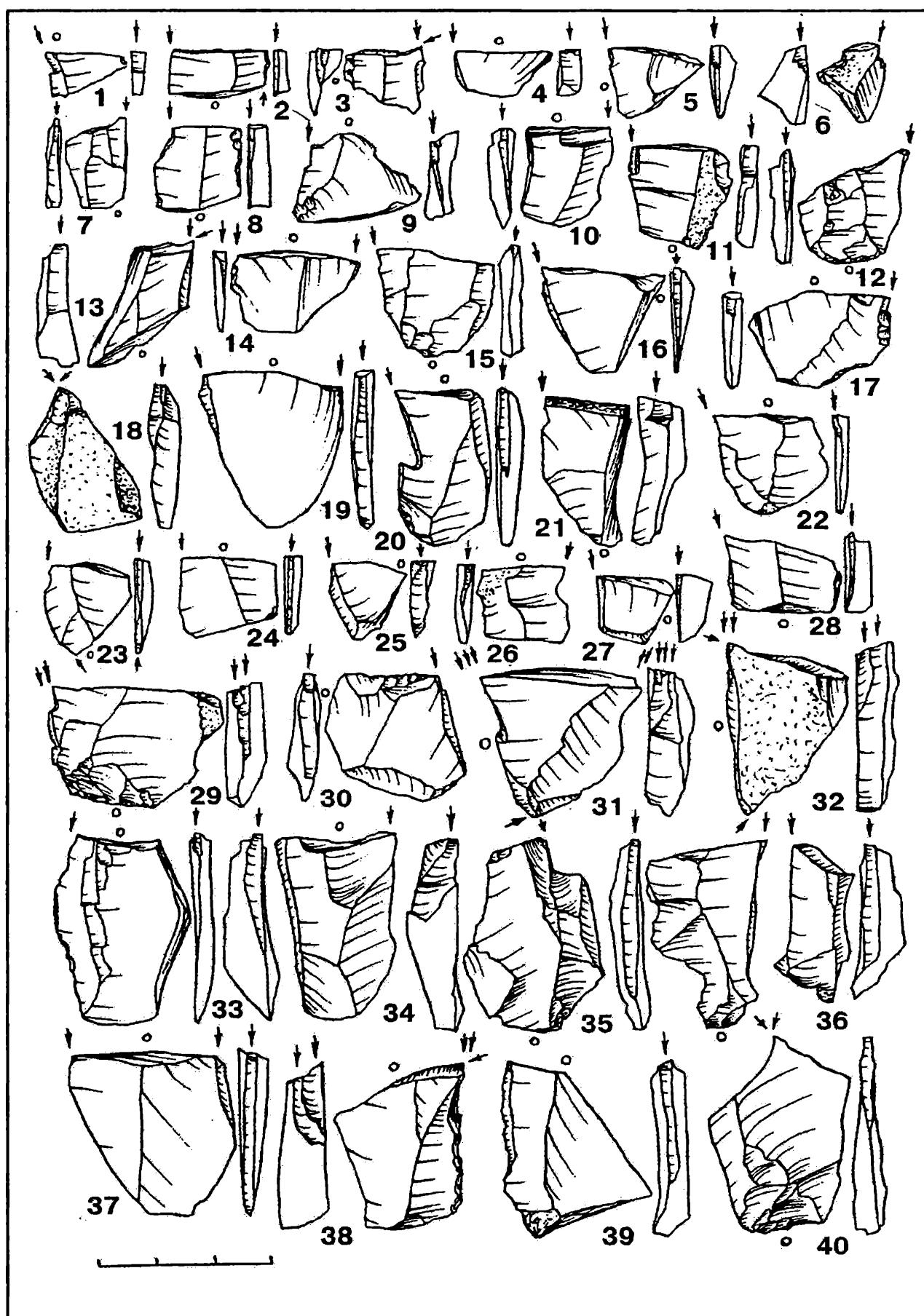

Рис. 25. Барашево I. Каменные изделия.

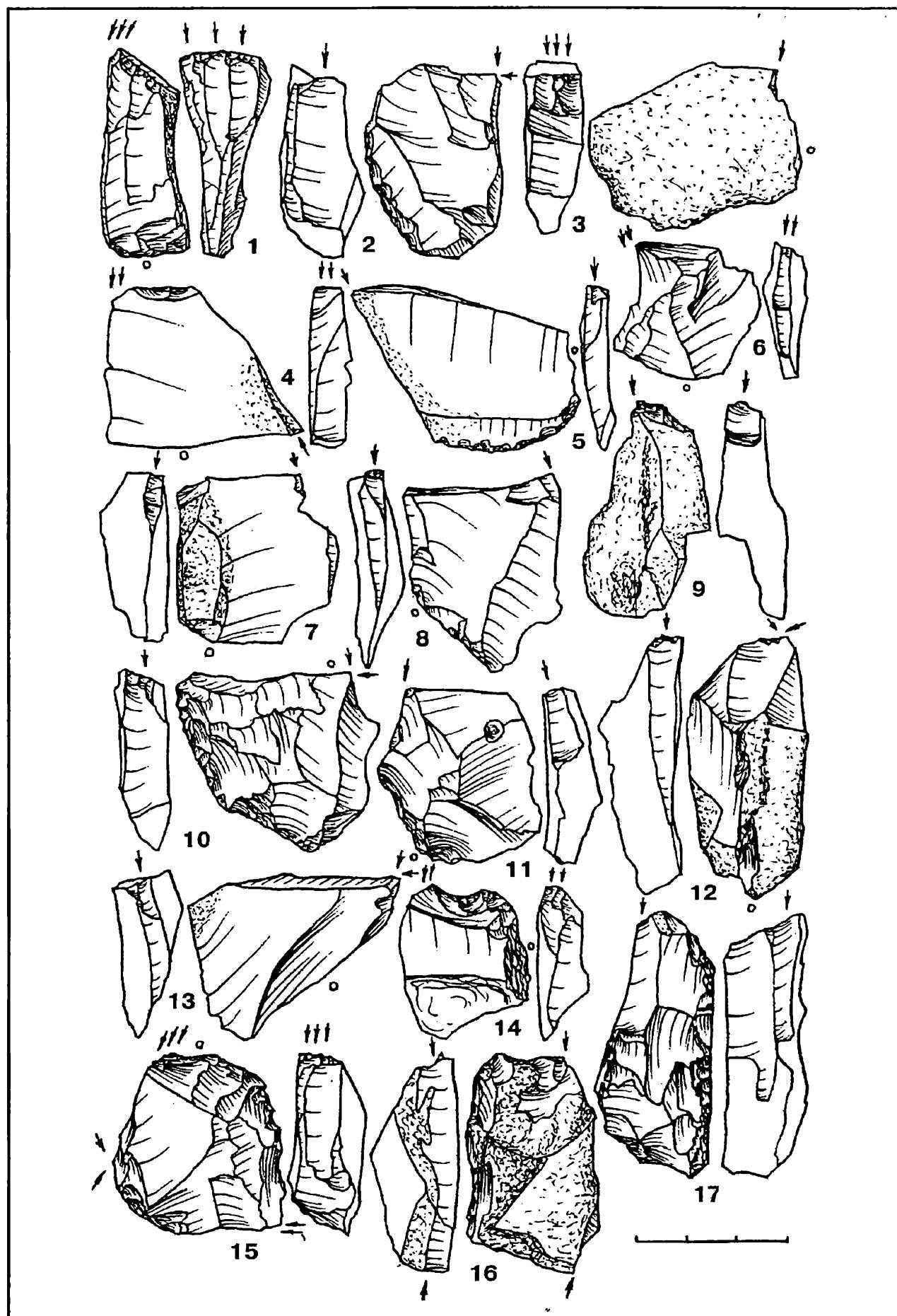

Рис. 26. Барашово I. Каменные изделия.

Пожалуй, больше всего Баращево 1 сходно с Красной 1 «Вася», где, правда, концевые скребки на пластинках есть, но их значительно меньше, чем концевых скребков на отщепах. Заметно сходство Баращево 1 и с кругом культур аренсбургской традиции – деснинской культурой, посожской группой памятников, а также памятниками Марийского Поволжья.

Скобелей семь (0,1% в комплексе, 1,4% среди орудий), из которых два изготовлены из

микропластинок, остальные – из отщепов (рис. 29: 13-16). Все одинарные, выемки шести мелкие, одного – глубокая, узкие, дугообразные.

Перфораторов всего два (0,03% в комплексе, 0,4% среди орудий), выполнены из отщепов. Сверло со слабо выделенным мелкой крутой ретушью жальцем ретушировано на спинке. Рабочий конец развертки специально не выделен, он получен полукруглой противолежащей ретушью (рис. 28: 15).

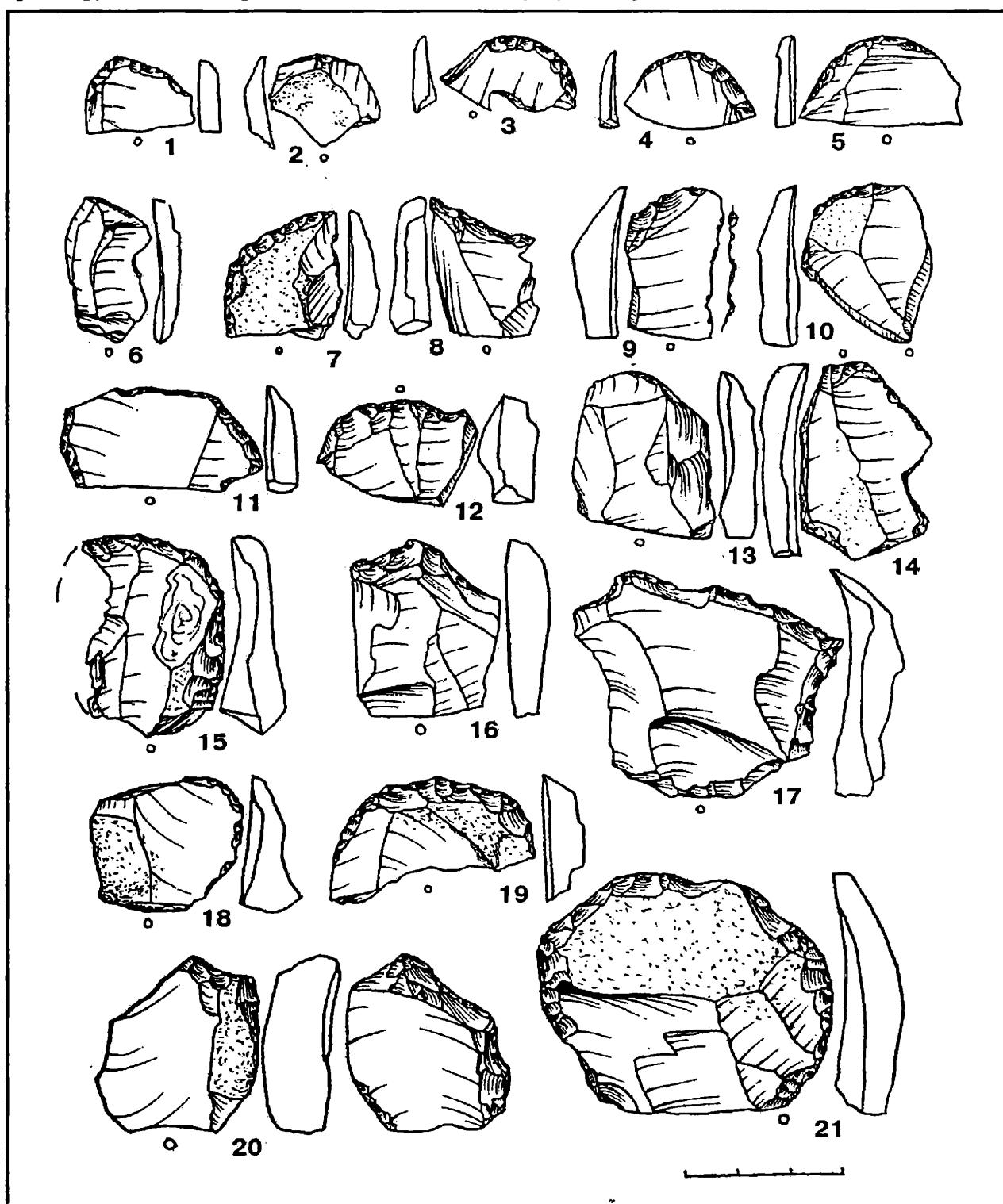

Рис. 27. Баращево 1. Каменные изделия.

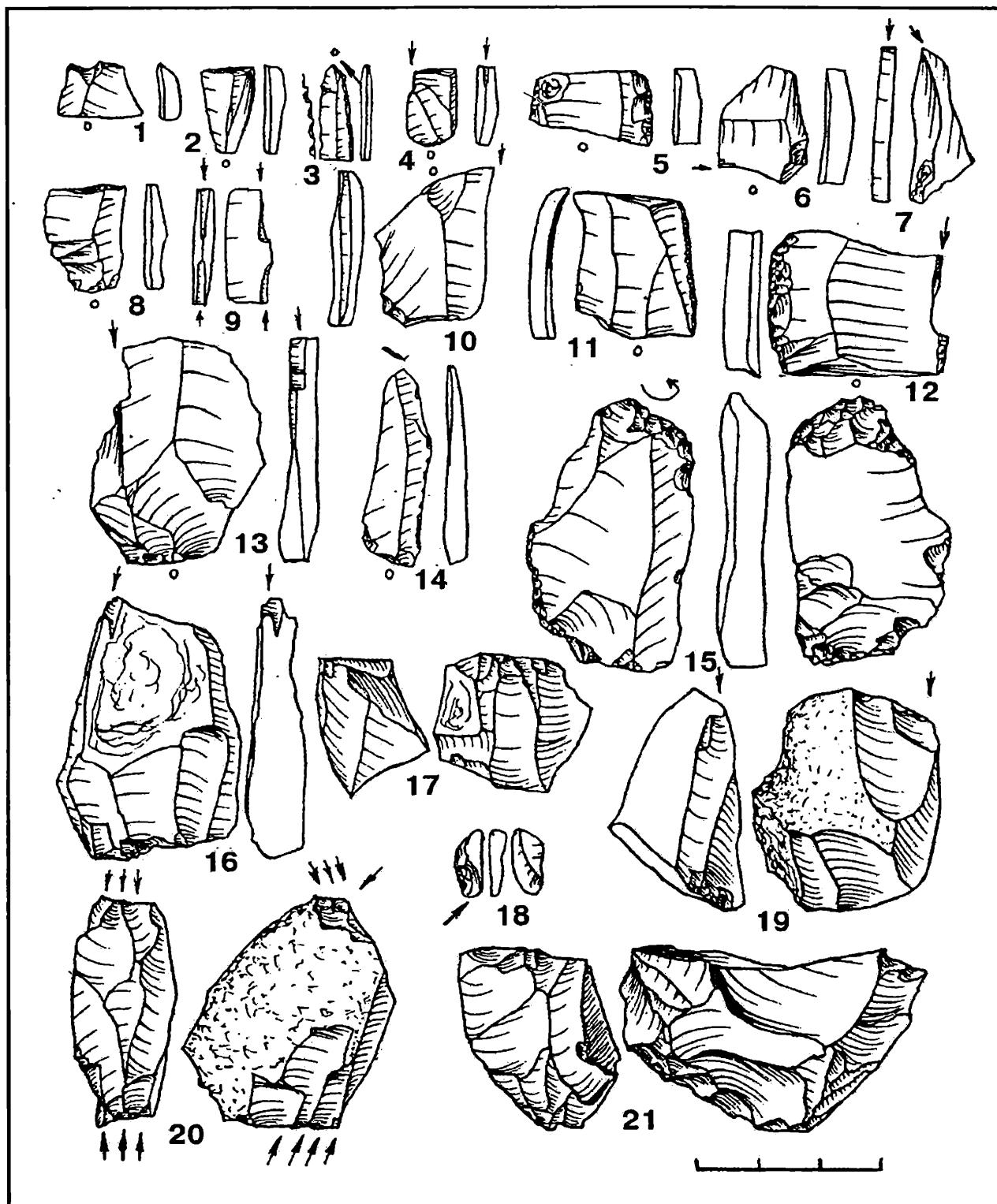

Рис. 28. Барашево I. Каменные изделия.

Комбинированных орудий также всего два (0,03% в комплексе, 0,4% среди орудий), – это концевой скребок – резец на сломе отщепа и нож с пологой краевой приостряющей ретушью – резец на сломе пластины (рис. 28: 12).

Единственный нож (0,01% в комплексе, 0,2% среди орудий) представлен фрагментом ножевидной пластины, обработанной мелкой пологой краевой ретушью на спинке (рис. 28: 11).

Рубящие орудия тоже фрагментированы и форма восстанавливается не полностью. Имеются два обломка пяток и обломок лезвия подковального (?) тесла с намечающимся желобком (0,04% в комплексе, 0,6% среди орудий). Все выполнены в технике двусторонней оббивки и отжимной ретуши.

Микролитов с поперечно или дугообразно срезанным ретушью концом шесть (0,1% в

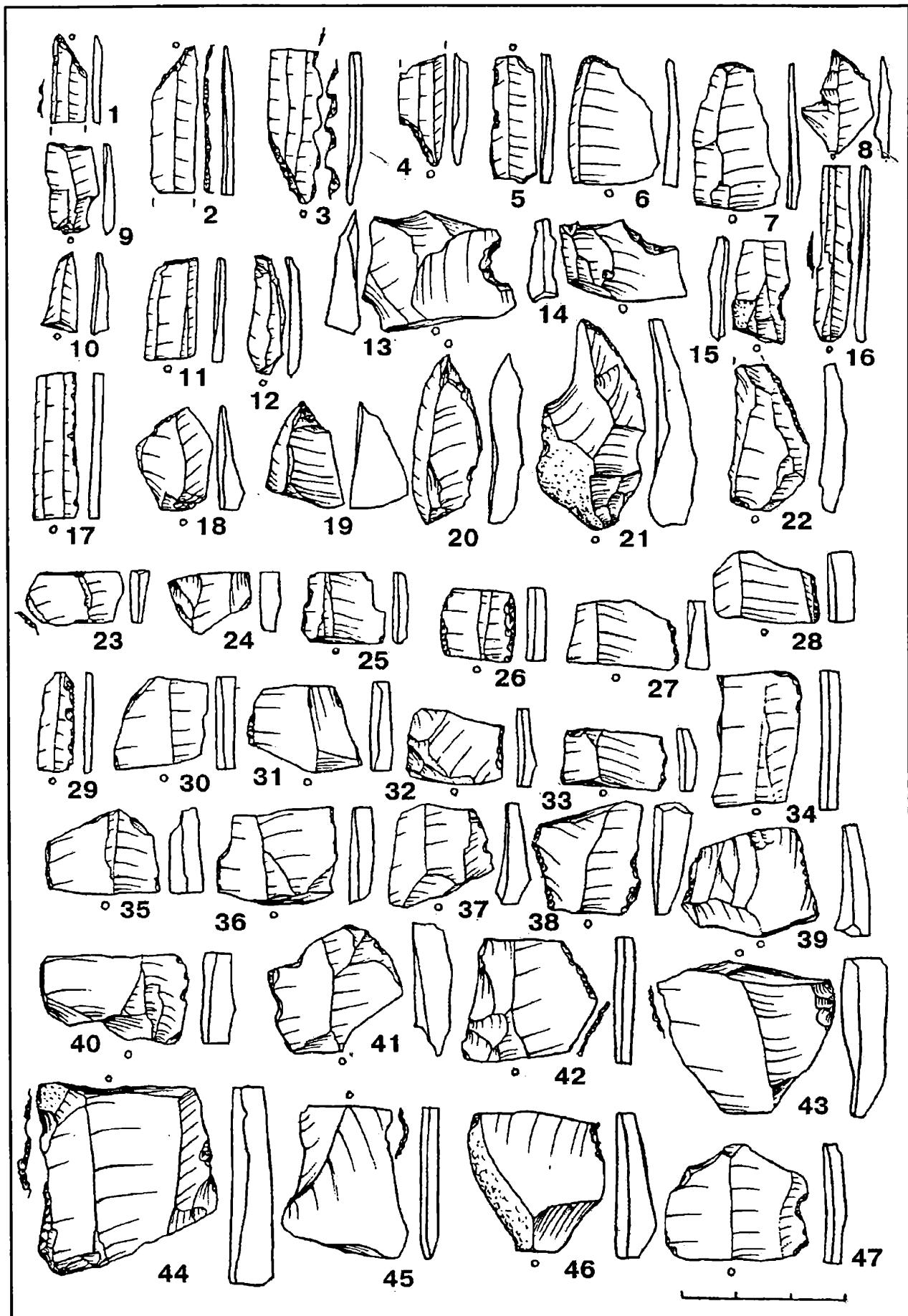

Рис. 29. Барашово I. Каменные изделия.

комплексе, 1,2% среди орудий), все из микропластин (рис. 28: 1, 2, 8; 29: 6, 7, 12). Мелкая круглая ретушь оформляет спинку.

Косых острый – 11 (рис. 28: 14; 29: 1, 2, 8-11, 18-22) (0,2% в комплексе, 2,2% среди орудий), восемь из микропластинок, два из ребристых сколов и последнее – из отщепа. На семи мелкой круглой ретушью на спинке скошены концы, еще на четырех – усечены ударные бугорки. На одном из изделий при ретушировании образовался микрорезцовый слом (рис. 28: 3), на другом – на длинном краю микропластины дополнительно нанесены три не глубоких асимметричных выемки так, что образовался зубчатый край (рис. 29: 3). Вне всякого сомнения, косые остирия с усеченным бугорком и углом заострения <60° использовались в качестве наконечников стрел, как основные или боковые вкладыши в составном охотничьем метательном вооружении. Использование аналогичных косых острый в качестве наконечников в Волго-Окском бассейне характерно для памятников типа Красново 1. Аналогичные изделия составляют основу охотничьего вооружения и мезолитических стоянок Камско-Вятского междуречья, причем в Баринке 1 имеется аналог остирию с зубчатым краем (Гусенцова 1993).

Единственный наконечник из микропластины с выемкой в основании (рис. 29: 4) обработан круглой краевой ретушью, скашивающей бугорковую часть заготовки (0,03% в комплексе, 0,2% среди орудий). Перо, к сожалению, утрачено. Угол заострения такой же, как и у косых острый, но от косых острый он отличается наличием небольшой выемки. В Волго-Окском бассейне сходные предметы найдены в Шильцевой Заводи 5 (1), Красной 1 «Вася» (3) и Шагаре 4 (2). Все эти памятники обладают синкретическими признаками. Абсолютно аналогичные наконечники имеются среди охотничьего вооружения мезолитических стоянок Камско-Вятского междуречья (Гусенцова 1993). Если попытаться реконструировать форму, нельзя исключить, что наконечники этого типа имели сконченное перо и выемчатое основание, т.е. составляли единное целое, а не две типологически разных формы.

Вкладышей из фрагментированных пластин – 47 (0,7% в комплексе, 9,3% среди орудий), часть из них довольно крупных размеров и отнесена в группу условно по присутствию заломов на углах. Изделия обработаны, как правило, мелкой нерегулярной ретушью, однако присутствуют и экземпляры со среднефасеточной приостряющей ретушью (рис. 28: 5; 29: 17, 23-47).

Пластин со следами сработанности – 23 (0,3% в комплексе, 4,6% среди орудий), отщепов с ретушью – 242 (3,5% в комплексе, 48,0% среди орудий).

Помимо этого в коллекцию входят 336 резцовых сколов, отличающихся, по большей части, своей массивностью (4,9% в комплексе, 74,5% в группе), 30 сколов подправки лезвий скребущих орудий (0,4% в комплексе и 6,7% в группе), 66 обломков орудий, главным образом скребков (1,0% в комплексе и 14,6% в группе), 13 отщепов из опоки или, реже, кремня со следами шлифовки (0,2% в комплексе и 2,9% в группе) и шесть псевдомикрорезцов (0,1% в комплексе и 1,3% в группе) (рис. 28: 18). Наличие относительно большого числа псевдомикрорезцов несколько неожиданно, так как встречное ретуширование для коллекции не характерно, а кругой среднефасеточной ретуши нет ни на одном из микролитов и наконечнике, с которыми можно было бы их увязать. Не исключено, что они возникли как брак в ходе затупления лезвий скребков или площадок резцов.

Суммируя все вышеизложенное, необходимо сказать следующее. Полный типологический набор изделий позволяет интерпретировать Барашево 1 в качестве сезонной базовой стоянки. Техника первичного расщепления основана на утилизации одноплощадочных ядра подконической или подпризматической формы, которые служили для скальвания отщепов и, реже, пластин. Использовалось круговое или торцевое снятие. Общий индекс пластинчатости комплекса и индекс пластинчатости орудий довольно низки, морфологически выраженные формы из пластин составляют лишь 33%. Орудия и отходы их производства составляют в комплексе около 15%. Для вторичной обработки характерно применение краевой пологой, полукруглой или кругой ретуши. Плоская ретушь практически не использовалась. Отмечен единичный случай присутствия на косом острие микрорезцового скола и присутствие псевдомикрорезцов. Вообще степень обработки поверхности минимальна. Изредка применялась шлифовка, однако для чего она конкретно использовалась, установить не удалось. Орудийный набор памятника, особенно на фоне Пургасово 3, сравнительно беден. Наиболее многочисленны резцы (27%), среди которых доминируют экземпляры на сломе отщепа, которых дополняют ретушные (12,5%), двугранные (12,5%) и комбинированные (5,8%). Весьма характерны широкие кромки, но доля нуклевидных невелика. Все скребки (4,7%) изготовлены из отщепов, многие фрагментированы. Они отличаются известным разнообразием, достигаемым, в основном, за счет еди-

ничных форм. Превалируют концевые экземпляры, их дополняют подокруглые, скобачи, двойной концевой, боковой и «обратный» скребки. Особенностью коллекции служит отсутствие концевых скребков на пластинах. Скобели (1,4%) все одинарные, выемки мелкие, узкие, дугообразные, изредка глубокие. Сверла, комбинированные орудия и ножи малочисленны. Рубящие орудия (0,6%) представлены лишь обломками двусторонне обработанных тесел, в том числе с намечающимся желобком. Выразительны микролиты с поперечно срезанным ретушью концом (1,2%) и косые острия (2,2%). Коллекцию дополняют вкладыши из фрагментированных пластин (9,3%), пластины и отщепы со следами сработанности (4,5% и 48% соответственно), многочисленные резцовые сколы, обломки орудий и отщепы со следами шлифовки. Комплекс Баращево 1 весьма интересен тем, что здесь нет традиционных для Волго-Окского мезолита постсвидерских наконечников стрел. Их функцию, без сомнения, выполняли косые острия с усеченными крутой ретушью бугорковыми частями, которые использовались здесь как основные или боковые вкладыши в составном охотничьем метательном вооружении. Использование косых острий в качестве наконечников стрел присуще и памятникам типа Красново 1, однако в Баращево 1 имеется экземпляр с зубчатым краем и другой – с микрорезцовым сколом, не известные там, но хорошо известные в материалах Камско-Вятского междуречья. Кроме того, в Баращево 1 обнаружен и наконечник из микропластин с краевой выемкой, весьма отдаленно напоминающий наконечники типа А рессетинской культуры, и гораздо более похожий на наконечники камской культуры. В Волго-Окском бассейне наибольшее сходство этих наконечников можно заметить с частью изделий стоянки Красное 1 «Вася», исследованной автором в 1982 г. и расположенной в зоне Жиздринского полесья, примерно в 700 км к западу от стоянки Баращево 1. При этом обращает на себя внимание факт полного несходства Баращево 1 с Пургасово 3, расстояние между которыми не превышает и 50 км. Специфические черты комплекса, такие как низкая пластинчатость, бедный типологический набор орудий, отсутствие традиционных для региона постсвидерских наконечников, оригинальные формы охотничьего вооружения, отсутствие концевых скребков на пластинах, малочисленность резцов на пластинах, высокий удельный вес среди резцов широких кромок, наличие выразительной серии ретушных и двугранных резцов, неразвитость вкладышевой техники, отсутствие геометри-

ческих микролитов и присутствие предметов со следами шлифовки позволяют говорить об известном своеобразии Баращево 1 в ряду других волго-окских памятников. Следует при этом отметить, что наибольшее сходство Баращево 1 проявляет с памятниками типа Красново 1, пока еще крайне слабо изученными, и стоянками Волго-Камского междуречья, с которыми их объединяет полное сходство типологического набора, но отличает меньшая пластинчатость. Если взглянуть из бассейна р. Мокши на запад Окского бассейна, можно увидеть, что все без исключения формы Баращево 1 имеются и в Красной 1 «Вася», но здесь они встречаются с другими материалами: арендбургскими и свидерскими наконечниками стрел, низкими трапециями, остриями и обрабатывающими орудиями – резцами, скребками и т.д., аналогии которым по большей части имеются в посожских материалах. Можно также предположить, что низкие трапеции Красной 1 «Вася» являются всего лишь вариантом наконечника типа Баращево 1. Если это так, то Баращево 1 по времени немного предшествует аналогичному комплексу в Красной 1 «Вася».

Наличие «баращевских» типов охотничьего вооружения в Красной 1 «Вася», где помимо них широко представлены свидерские и арендбургские наконечники, а также аналогии обрабатывающим орудиям, позволяют высказать два равновозможных предположения о причинах такого сходства. Первое – тип Красной 1 «Вася» образовался в результате взаимодействия населения, известного по памятникам типа Баращево 1, с населением, пришедшем из Белоруссии и известным по стоянкам бассейна р. Сож. Вероятность этого весьма велика, так как Жиздринское полесье является всего лишь северной оконечностью Деснинского полесья и морфологически непосредственно с ним связано. В свою очередь, между Жиздринским полесьем и Окско-Мокшинской низиной была достаточно простой и естественной связь по р. Оке, по руслу и пойме которой население типа Баращево 1 могло, в случае необходимости, в течение одного сезона добраться до верховьев Оки и достичь Жиздринского полесья.

Второе предположение гораздо более про-заичное, тем не менее, по-видимому, учитывая отсутствие метисных форм, более вероятное: в Красной 1 «Вася» имеет место механическое смешение разнокультурных (а возможно, и разновозрастных) материалов (Сорокин 2000а). Однако вне зависимости от того, имело ли место в Красной 1 «Вася» механическое «объединение» разнокультурных материалов или перед нами факт непосредственного контакта древ-

него населения, отмеченное сходство материалов указывает на юго-западную границу ареала этой традиции в Волго-Окском бассейне. Выявление сходства в разнородных материалах позволяет предположить, что какая-то группа средневолжского населения в раннем мезолите расселяется и в Волго-Окском междуречье. Это событие отмечается появлением здесь стоянок

Култино 1, Велетьминское 9, Угольново 1, Стая Пустынь, Баращево 1, Красное 1 «Вася» и некоторых других. При этом индустрии сохраняются в «чистом» виде, как в Баращево 1 и Култино 1, или носят следы метисации с иными культурными традициями, как в Красной 1 «Вася». Без сомнения, этот вопрос заслуживает более детального, специального изучения.

Баращево 2

В 1989 г. при осмотре карьера в 80 м к востоку от Баращево 1 было зафиксировано небольшое скопление, включавшее 50 каменных изделий. Среди них абразивная плитка с глубоким выразительным желобком, шесть резцов (три с ретушированной площадкой скола на отщепах и три с неподработанной площадкой на сработанных нуклеусах), два фрагментированных скребка на отщепах концевой и боковой формы, медиальная часть крупной пластины со следами сработанности, отщеп от шлифованного орудия, три отщепа с ретушью, два массивных резцовых скола, скол подправки ударной площадки нуклеуса, обломок кварцитовой гальки, пять ребристых сколов, четыре пластины и 27 отщепов. Все они изготовлены из такого же сырья, как и артефакты Баращево 1. Мезолитический возраст найденных предметов особого сомнения не вызывает, но для вывода о культурной принадлежности материала данных недостаточно.

Подводя краткий итог обзора материалов мезолитических стоянок низовьев р. Мокши, следует сказать, что мезолит Примокшанья в

значительной мере остается пока слабо изученным. На этом фоне изученность ближайших территориально регионов отличается в лучшую сторону. Особенно это касается памятников Мещерской низменности и Балахнинской низины. Наиболее известными в них являются: Борки, Шумашь 2, Коростово 1-5, Островки, Беляково 3, Дунино, Русаново 1, Совка 3, Задне-Пильево 1, 2, 4, 8, Петрушино, Микулино, Исток 1, Борисово 1, Шильцева Заводь 5, Кирицы 1, Шагара 4, Беливо 4А-Г, Беливо 6, Жабки 3, Кирицы 1, Елин Бор, Велетьминское 9, Угольново 1 и 3, Новошино и Стая Пустынь. Несмотря на разную степень их изученности, не вызывает сомнения, что все эти памятники не являются единными в культурном отношении. Судя по имеющимся данным, на них представлены материалы рессетинской, бутовской, иеневской и пургасовской культур, а часть из них может быть отнесена к т.н. памятникам типа Красново 1.

Для определения места стоянок низовьев Мокши в мезолите региона необходимо совершить краткий экскурс в общее состояние проблематики Окского мезолита.

ГЛАВА 2. МЕЗОЛИТ ОКИ

История изучения мезолита Окского бассейна насчитывает свыше 100 лет и связана с именами Н.И. Булычева, В.А. Городцова, А.Я. Брюсова, П.Н. Третьякова, М.В. Воеводского, А.А. Формозова, Л.В. Греховой, Л.В. Кольцова, В.В. Сидорова, А.В. Трусова, А.С. Фролова, М.Г. Жилина, А.Е. Кравцова, Е.В. Леоновой и других археологов. С 1975 г. в исследовании мезолитических стоянок Поочья принимает участие и автор.

Мезолит бассейна р. Ока в культурном отношении не был единым. В мезолитическое время здесь обитали разные группы населения, оставившие разные материальные признаки своего присутствия. На основе этого инвентаря исследователями были выделены волго-окская, бутовская, елиноборская, иеневская, рессетинская и пургасовская культуры, а также ряд памятников, культурная принадлежность кото-

рых не была однозначно установлена. Выделение любых археологических культур есть момент источниковедения. Не удивительно, что по мере накопления источников происходило не просто развитие представлений о мезолите бассейна р. Ока, но и изменение складывающихся ранее взглядов, формулирование и проверка новых гипотез. Некоторые из выделенных археологических культур, как волго-окская или елиноборская, стали или становятся достоянием историографии, выделение же других культур, напротив, было признано правомочным. Следует отметить, что сам факт поликультурности мезолита региона в настоящее время никем в специальной литературе не

⁷ Об этом можно было бы не вспоминать, если бы не выход в свет публикации Л.В. Кольцова и М.Г. Жилина «Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры)». М. «Наука», 1999, где вновь муссируется вопрос, связанный с Елиным Бором.

оспаривается. Что касается волго-окской культуры, то она была разделена Л.В. Кольцовым на трое (елиноборская, бутовская и иеневская культуры), в результате чего фактически упразднена. Относительно елинборской культуры, все обстоит гораздо более прозаично, но для этого надо вкратце вспомнить историографию вопроса⁷.

Елинборская культура была выделена Л.В. Кользовым в 1976 г. (Кольцов 1976) по т.н. нижним слоям трех пунктов – Золоторучье 3 (Крайнов 1964), Коприно (Кольцов 1963) и Елин Бор (Кольцов 1966). Материал всех этих пунктов настолько ничтожен, что уже в 1989 г. Л.В. Кольцов фактически отказывается от елинборской культуры и пишет, что «нижний слой стоянки Елин Бор ... не имеет прямых аналогий ни в одной из ранних мезолитических стоянок региона и стоит поэтому особняком» (Кольцов 1989). Казалось бы, на этом можно было поставить точку и вообще забыть не только о культуре, но и о 18 орудиях из т.н. нижнего слоя этого памятника. События, однако, развивались по иному сценарию. Мало того, что этот пункт «оброс солидной» библиографией (Кольцов 1966; Крайнов, Кольцов 1979; Крайнов, Кольцов 1983; Кольцов 1989 и т.д.), выход в свет последней совместной публикации М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова показывает, что теперь уже и М.Г. Жилин (Кольцов, Жилин 1999: 56) во все-услышание говорит о его дриасовом возрасте. Поэтому, чтобы расставить все точки над «и» приходится вернуться к этому пункту и мне. Ибо никакого нижнего слоя стоянки Елин Бор вообще не существует. В полевых отчетах 1959 и 1961 гг. Л.В. Кольцов говорит о стоянке как о трехслойной, и в МИА № 126 публикует материалы т.н. среднего и нижнего слоев (Кольцов 1966). По Л.В. Кольцову, нижний слой представлен 18 орудиями, среди которых присутствует и единственный наконечник (Кольцов 1966; Кольцов 1989, табл. 40, 13). Между тем, этот же наконечник в его полевом отчете⁸ приведен среди материалов среднего слоя, а в полевую опись занесен как подъемный материал. Кстати, номера всех остальных 17 орудий тоже не сходятся с т.н. находками нижнего слоя, поскольку их разноска по «слоям» в описи была выполнена значительно позднее, чем коллекция была передана на хранение в Сузdalь. Все эти странности могли быть случайностью, но и отчет, и статья, и опись, и карандашные приписки в ней написаны одним автором – Л.В. Кользовым. Поэтому совершенно очевидно, что никакого нижнего, как, впрочем, и среднего слоя на сто-

янке нет, памятник однослойный, хотя и содержит небольшую позднюю примесь. «Многослойный» памятник понадобился Л.В. Кольцову для создания периодизации Волго-Окского мезолита⁹. Если бы Л.В. Кольцов хоть раз после 1959 г. держал в руках т.н. наконечник из нижнего слоя, а заодно его посмотрел бы и М.Г. Жилин, им стало бы понятно, что этот предмет с нерегулярной ретушью, изготовленный из ребристого отщепа относится к той самой поздней примеси, которая присутствует на стоянке. Таким образом, существование елинборской культуры не подтверждается.

Вернемся, однако, к проблеме культурного многообразия. Отсутствие культурного единства мезолита Окского бассейна определялось совокупностью причин, важнейшими из них были: известная времененная протяженность периода, разновременность заселения территории теми или иными группами, поликультурность прошлого сюда населения, немногочисленность мезолитического населения, его относительная разреженность и сезонная подвижность. Несмаловажным фактором являлось и отсутствие естественных географических рубежей, которые бы отделяли Поочье от других областей России, и т.д.

Естественно, что количественный рост источников и усложнение общих представлений сопровождаются неразработанностью и дискуссионностью большинства ключевых вопросов в изучении всех окских мезолитических культур, таких как периодизация и хронология, синхронизация и генезис. Не менее спорной является и проблема возможного взаимодействия их населения друг с другом. К сожалению, число независимых дат по-прежнему остается крайне незначительным, что позволяет соотносить во времени различные культуры достаточно условно. Невелико и количество признаков, указывающих на те или иные культурные заимствования и контакты. Тем не менее, традиционно считается, что такие факты есть. Во всяком случае, тенденция интерпретировать контакты населения по сочетаемости разнокультурных находок в одном слое или одной коллекции чрезвычайно распространена в литературе (Кольцов 1996; Кольцов 1998), а порой она даже доходит до абсурда. Приведу лишь две цитаты: «... лезвие шлифованного тес-

⁷ Многослойность стоянки не подтверждает и ее шурфовка в 1987 г. М.Г. Жилиным (Архив ИА РАН. Р-1. № 12522). Нельзя по этому отчету узнать, откуда была взята и палинологическая колонка, якобы давшая атлантическую дату для среднего и дриасового для нижнего слоев (Кольцов, Жилин 1999: 56). Это пример созданной Л.В. Кользовым и М.Г. Жилиным методики «улучшения источника», вернее, создания того, чего нет в природе.

⁸ Архив ИА РАН. Р – 1. № 2000. Рис. 10, 1.

ла в Сельце 3 говорит о влиянии бутовской культуры на иеневскую» (Кольцов, Жилин 1999: 66) и «Этот могильник отражает процесс смешения пришлого населения с кремневым инвентарем, .., и местного населения с кварцево-сланцевым инвентарем» (Жилин 1999: 7). Учитывая распространенность этой тенденции, любые наблюдения, которые могут быть интер-

претированы в качестве фактов взаимодействия, требуют не только фиксации и своего объяснения, но и, без сомнения, проверки на достоверность. Проверка на достоверность всех материалов просто необходима, ибо сплошь и рядом оказывается, что «синкретический источник» делают сами археологи (Станко 1982).

Бутовская культура

Пожалуй, среди других волго-окских культур в настоящее время наиболее хорошо изучена бутовская культура. Эта культура была выделена в 1976 г. Л.В. Кользовым и отнесена им к кругу памятников свидерской традиции (Кольцов 1976). Ее характеристика была предложена Л.В. Кользовым (Кольцов 1976; Крайнов, Кольцов 1983; Кольцов 1989), а также изложена и в ряде работ автора (Сорокин 1989; 1990; 1991). Этой же культуре посвящена и последняя совместная работа М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова (Кольцов, Жилин 1999). Та разница в представлениях о бутовской культуре, которая сложилась у меня с М.Г. Жилиным и Л.В. Кользовым, заключается не в частной проблеме характеристики одной из мезолитических культур, а в общем подходе к источнику и методу работы с ним. Я считаю, что весь материал должен подвергаться источниковедческой критике, а для решения культурологических вопросов должны использоваться лишь статистически представительные, достоверные и надежные коллекции (Сорокин 1990; Кравцов, Сорокин 1991; Сорокин, 2000 а). Кредо М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова, впервые четко сформулированное ими в их последней совместной работе, заключается «во введении в науку любых¹⁰ новых материалов» (Кольцов, Жилин 1999: 5). Я категорически не могу согласиться с эпитетом «любые» по отношению к археологическим источникам, ибо каждая публикация ценна не количеством, а качеством и достоверностью изложенных в ней сведений. Анализ цитируемой работы показывает, что совместная публикация М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова не отличается, к сожалению, ни качеством, ни достоверностью данных. Зато М.Г. Жилиным и Л.В. Кользовым разработана и успешно применяется «технология улучшения источника» (Кольцов, Жилин 1999: 57), когда коллекции перед публикацией даже не просматриваются и им приписываются произвольные данные. К сожалению, пример с Елиным Бором, воспроизведенный выше, не единственный. В стоянке Гремячее

стараниями М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова возникают постсвидерские наконечники стрел, в Алтыново – ножи типа федермессер, в Соболево 5 – три жилища, в Тихоново 1 и Староконстантиновской 4 – перекрывание бутовских наконечников иеневскими и т.д., и т.п. При таком оригинальном подходе все сводится не к описанию и анализу конкретного материала, а к «полету фантазии» и постулированию представлений о материале. Между тем, характеристика любого археологического материала должна основываться на его критической оценке, четком осознании свойств коллекций, условиях формирования и бытования культурного слоя любого памятника, методики его полевого исследования, представительности, «чистоты» и надежности данных. Только при таком подходе в любой культуре можно выделить «ядро культурообразующих признаков». Если придерживаться подхода М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова, все выводы авторов должны приниматься на веру, а культуры становятся «рыхлыми» и необъятными.

Исходя из принципа критики источника, наиболее выразительными памятниками бутовской культуры в Волго-Окском бассейне являются стоянки Суконцево 7, Петрушино, Задне-Пилево 1 и 2, Зaborовье 2, Черная 1, Елин Бор, Борисово, Красное 3, Исток 1 (верхний слой) и Соболево 5 (Сорокин 1990). Картирование надежных в источниковедческом отношении коллекций показывает, что все известные к настоящему времени бутовские стоянки располагаются в зандровой зоне Восточной Европы, локализуясь в пределах Волго-Окского бассейна. Экспансия бутовской культуры за его пределы (Кольцов, Жилин 1999) ничем не оправдана.

Судя по палеогеографическим данным, развитие культуры проходило на фоне крупных экологических изменений растительного и животного мира, когда осуществлялась смена лесотрудового пре boreального комплекса таежным бореальным. Зандры с их обилием водных и биологических ресурсов в раннеголоценовое время становятся наиболее оптимальным для жизни и привлекательным для заселения мес-

¹⁰ Курсив здесь и далее мой – А.С.

том, поэтому начинают активно осваиваться. Население бутовской культуры предпочитало занимать речные и озерные террасы или омываемые водой песчаные острова. Приуроченность стоянок к рыхлым песчаным отложениям неблагоприятно сказалась на условиях формирования культурных слоев и степени сохранности остатков. В результате почти единственным доступным для анализа в большинстве коллекций оказался каменный инвентарь. Все это с особой остротой определило необходимость оценки надежности имеющихся материалов. При разработке характеристики бутовской культуры (Сорокин 1986; 1987; 1990) качественному анализу был подвергнут весь имеющийся массив данных. Сопоставление комплексов друг с другом, их взаимная перепроверка и доказательство «чистоты», отсеивание смешанных, сортированных и очень мелких собраний позволило не просто ограничить число надежных в источниковедческом отношении памятников, но и уловить то общее, что помимо пластинчатости объединяет бутовскую индустрию. Было установлено, что из 94 коллекций, отнесенных разными авторами к бутовской культуре, не более 19 могут быть использованы для культурологических целей (Сорокин 1990). Этот вывод, впервые сделанный в 1986 г., остается справедливым и до настоящего времени, так как за последние годы, во-первых, не происходило существенного увеличения источниковедческой базы, а во-вторых, если раскопки на бутовских стоянках и велись, материалы до сих пор полноценно не опубликованы (Жилин 1996; Lozovski V. 1996). Это же в полной мере относится и к вышедшей совсем недавно публикации М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова, которая, судя по ее названию, специально посвящена бутовской проблематике (Кольцов, Жилин 1999), впрочем, об этом чуть ниже.

Проведенный автором источниковедческий анализ (Сорокин 1990) дает основание утверждать, что эталонные памятники бутовской культуры обладают единством в первичной и вторичной обработке, а также в типологии инвентаря. Техника первичной обработки основывается на утилизации нуклеусов параллельного снятия, предназначенных для получения пластин. Во вторичной обработке использовались: 1) крутая затупливающая ретушь, 2) резцововая техника, 3) приостряющая и уплощающая ретушь, 4) двусторонняя оббивка и 5) шлифовка. Эпизодически встречаются двустороннее краевое ретуширование и псевдомикрорезцововая техника. Стандартный типологический набор бутовской культуры включает: скребки концевые, двойные, подокруглые, боковые; резцы на

сломе заготовки, ножи с приостряющей краевой ретушью, вкладыши из фрагментированных пластин, косые острия, сверла с невыделенным рабочим концом, скобели с мелкими дугообразными узкими и широкими выемками, постсовидерские наконечники стрел иволистной и черешковой формы, микролиты с затупленным ретушью краем, изделия с поперечно срезанным ретушью концом и комбинированные орудия (резцы-скребки, резцы-ножи, скребки-ножи). Эти типы являются массовыми. Ретушные и двуглавые резцы, симметричные острия, плечиковые сверла, трапеции, рубящие орудия, скробачи и предметы со шлифовкой встречаются на большинстве стоянок, но число их ограничено. Прочие типы орудий, которые могут встречаться на тех или иных памятниках этой культуры, как правило, единичны, и в целом не влияют на облик культуры (Сорокин 1990).

Названный выше набор является поселенческим. Следует, однако, подчеркнуть, что бутовская культура не обладает ни одним специфическим, присущим только ей типом орудий. Взятый сам по себе каждый из 25 перечисленных типов может присутствовать в ряде мезолитических культур Восточной Европы, и только в Волго-Окском бассейне они создают устойчивый, повторяющийся набор, определяющий облик названной культуры. Вне пределов бассейна эти типы тоже могут встречаться, но в сочетании с теми изделиями, которых нет в бутовской культуре.

Классические памятники бутовской культуры, судя по 20 радиоуглеродным датам стоянок Суконцево 7, Черная 1, Малая Ламна 3 и Новошино, существовали, приблизительно, в диапазоне от 8500 до 9500 лет назад, то есть в преобразильное и бореальное время. При этом стоянки с трапециями (Исток 1, Борисово, Красное 3, Микулино, Новошино и Малая Ламна 3) образуют узкий хронологический пласт, ограниченный, по-видимому, началом VII тыс. до н.э. В последние годы, главным образом М.Г. Жилиным, получены радиокарбоновые и палинологические даты, удлиняющие эту хронологию, однако до выхода в свет подробной публикации материалов этих памятников говорить об их достоверности преждевременно. Анализ последней публикации М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова (Кольцов, Жилин 1999) свидетельствует, что многие приводимые в ней данные недостоверны, и ими, как и материалом Елина Бора, вообще нельзя пользоваться.

Формирование бутовской культуры, по мнению Л.В. Кольцова, происходит на базе свидерской культуры (Кольцов 1989). Если такой факт и имел место, то складывание бутовской куль-

туры из-за отсутствия здесь свидерских памятников происходило никак не на территории Волго-Окского бассейна. На территории Полесья, где свидерские памятники многочисленны, аналогов бутовской культуре нет, в Белоруссии тоже. В Прибалтике известное сходство с бутовскими памятниками проявляет кундская культура, но это сходство опосредованное. К югу, в Подесенье, имеются памятники типа Смячки XIV, но бутовских комплексов или их аналогов нет, в Подонье нет ни свидерской, ни бутовской культур. К северу и востоку от Волго-Окского междуречья картина та же. Но тогда не ясно, где же находится та территория, на которой формировалась бутовская культура. Представляется, что все становится на свои места, если исходить из факта, что наибольшее сходство у бутовской культуры прослеживается не со свидерской, а с местной рессетинской культурой. В результате сопоставления кремневых комплексов бутовской культуры со свидерскими (Сорокин 1989б; 1989в; 1990) становится ясным, что свидерские элементы в генезисе бутовской культуры не были основными. Наличие большинства признаков, составляющих классический бутовский ансамбль, в материальной культуре местного населения Волго-Окского междуречья позволяет говорить о том, что позднее свидерское население (типа Смячки XIV – Тихоново 1), попав на территорию Волго-Окского бассейна, встретилось здесь и, по-видимому, вступило в контакт с носителями местной рессетинской культуры, также существовавшей в конце палеолита – начале мезолита, откуда новая культура и получила основную массу своих признаков. Именно этим и можно объяснить наблюдаемое между бутовской и рессетинской культурами сходство в технике первичной и вторичной обработки и близость в типологии (Сорокин 1986; 1989; 1998). Следует обратить внимание на тот факт, что и стоянки в Смячке XIV (Зализняк 1989) и Тихоново 1 (Кольцов 1989) уже не являются свидерскими памятниками в чистом виде и могут рассматриваться по отношению к ним лишь как пережиточные. Возможно, правильнее считать, что они образуют заключительный этап свидерской культуры, когда происходит утрата ряда ее основных признаков, например, членовидного нуклеуса, срединного резца и т.д. Появление этих памятников на удаленных от исключительно свидерских территорий Полесья и Польской низменности участках совпадает с общими изменениями растительного покрова на рубеже плейстоцена – голоцене. Однако единичность этих памятников и, следовательно, групп населения, их оставивших, заставля-

ет усомниться в решающей роли в сложении новой культуры пришлого населения (Сорокин 1989в).

Иной точки зрения по-прежнему придерживается Л.В. Кольцов, которого теперь, уже в качестве соавтора, поддержал и М.Г. Жилин (Кольцов, Жилин 1999). Собственно, и в этой публикации в качестве единственной возможной рассматривается гипотеза о сложении бутовской культуры на основе свидерской. Эта идея не выдерживает критики, однако в публикации появился нюанс, который не хотелось бы оставлять без внимания. Это нюанс заключается в том, что теперь назван ее конкретный источник. В качестве «источника» бутовской культуры стал выступать не некий безликий «свидерский компонент и местный мезолит» а конкретный памятник – т.н. свидерская стоянка Саласпилс-Лаукскола в Латвии. Это заставляет вернуться к данному вопросу.

1) Судя по тексту, М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов выводят родство бутовских и свидерских памятников из наблюдения, что в обеих этих культурах присутствует пластинчатая техника (Кольцов, Жилин 1999: 73). Поскольку в качестве заготовок для каменных орудий во все времена использовались главным образом отщепы и пластины, выводить родство бутовской и свидерской культур из того, что в них присутствует пластинчатая техника (Кольцов, Жилин 1999: 73), значит не сказать ничего. Но вот техника получения пластин в этих культурах резко отлична. В свидерской культуре – это торцевое расщепление членовидных нуклеусов, в бутовской – круговое раскалывание конических и призматических ядрищ. В пользу родства этих культур могло бы свидетельствовать не столько, как пишут авторы, спорадическое появление в свидерских стоянках «двуплощадочных призматических и переходных от них к коническим ядрищ» (Кольцов, Жилин 1999: 73), сколько эпизодическое сохранение в ранних бутовских материалах «двуплощадочных призматических с одной плоскостью скальвания» – по терминологии авторов, или, говоря общепринятым языком, членовидных ядрищ. Однако ни в одном из т.н. ранних – по М.Г. Жилину и Л.В. Кольцову – памятников (Тихоново, Бутово, Прислон, Микулино, Лотова Гора, Петрушино, Задне-Пилево 1, 2, Зaborовье 2, Култино 4, Соболево 5, Пекуново и др.) нет ни одного «членника», что очень странно при их гипотетическом родстве.

2) Что касается «повторения форм бутовских скребков и резцов свидерских и аренсбургских» (Кольцов, Жилин 1999: 73), они точно также повторяют и мадленские, и граветские, и любые другие верхнепалеолитические и мезо-

литические скребки и резцы, потому что не имеют культурной специфики. А вот говорить о наличии в бутовских материалах свидерских и аренсбургских наконечников (Кольцов, Жилин 1999: 73), неправильно, потому что ни тех, ни других в них нет.

3) Не соответствует действительности утверждение М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова, что обе этих культуры объединяет присутствие свидерских наконечников. Когда они пишут: «в Тихоново встречены только очень ранние наконечники стрел – свидерские и аренсбургский» (Кольцов, Жилин 1999: 55), им просто невдомек, что заготовки для свидерских наконечников снимались с двуплощадочных членовидных нуклеусов, поэтому на их спинках всегда присутствуют негативы встречного скальвания, чего нет ни на одном из наконечников стоянки Тихоново, заготовки для которых снимались с конических нуклеусов. Следовательно, эти наконечники не свидерские. Такой же натяжкой является и интерпретация двух невыразительных обломков к качеству аренсбургских наконечников. Нет свидерских наконечников и ни в каких других ранних, по М.Г. Жилину и Л.В. Кольцову, бутовских памятниках.

4) Относительно происхождения бутовской культуры из индустрии Саласпилс-Лаукскола. В отличие от научно-популярной, фантастической и художественной литературы, в научной публикации принято ссылаться на цитируемое издание. Это обеспечивает корректность самих цитат, делает проверяемыми иллюстрируемые ими выводы и служит знаком уважения к источнику информации. В публикации Л.В. Кольцова и М.Г. Жилина неоднократно упоминаются материалы этого памятника, с которым они связывают и «сложение бутовской культуры», и другие рассуждения (Кольцов, Жилин 1999: 58-62, 73-75), однако ссылка на публикацию И.А. Загорской отсутствует.

Не соответствует действительности утверждение М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова, что «эту стоянку и бутовские роднит присутствие псевдомикрорезцов» (Кольцов, Жилин 1999: 74). Возможно, они и есть в Саласпилс-Лаукскола (по данным авторов, их 3 экз.), но они единичны в бутовских стоянках и представлены не в самых ранних из них (Кольцов, Жилин 1999: 60). Кроме того, псевдомикрорезцы в Саласпилс-Лаукскола, в отличие от бутовских, имели две краевые выемки и использовались – по данным Л.В. Кольцова и М.Г. Жилина – для изготовления наконечников стрел (Кольцов, Жилин 1999: 24). Хорошо известно, что такого приема нет в свидерской культуре (Зализняк 1991), и, напротив, он характерен для аренсбургской культуры

(Taute 1968), что не позволяет считать «чистым» свидерским и названный памятник.

Далее они пишут, что в бутовских памятниках «встречаются ланцетовидные острия (по устному сообщению И.А. Загорской такие острия есть и в некоторых скоплениях Саласпилс-Лауксколы)» (Кольцов, Жилин 1999: 74, 75). Не буду акцентировать внимание на том, что ссылка на частное сообщение И.А. Загорской бросает негативный свет на качество публикации, которая служит для них основным источником информации. Отмечу лишь случайность этой формы, если она вообще присутствует на памятнике. Массовую категорию изделий упустить из виду нельзя.

Не следует авторам изобретать и микролиты с затупленным краем в свидерской культуре, в «чистых» комплексах их нет (Зализняк 1989; Залізняк 1995), а ссылка на микролиты с затупленным краем в Березно 10 (Кольцов, Жилин 1999: 75) – это ошибка. Единственный такой предмет найден в Березно 6, а не в Березно 10 (Зализняк 1989: 50-54, рис. 30, 10), причем Л.Л. Зализняк в тексте прямо указывает, что микропластиинка «встречена с зубом мамонта» и что она «типологически чужда свидерскому комплексу» (Зализняк 1989: 50). Совершенно очевидно, что никаких доказательств происхождения бутовской культуры от свидерской как не было, так и нет.

В параграфе «Периодизация бутовской культуры», который дается после характеристики инвентаря, уже описанного по этапам, существует смесь из таких понятий, как «ранняя и поздняя» бутовская культуры (Кольцов, Жилин 1999: 63), «... особенно на поздних и финальных этапах» (Кольцов, Жилин 1999: 63). «... стоянок средних и поздних этапов» (Кольцов, Жилин 1999: 63-65); «Стоянки Озерки 5 и Окаемово 4 относятся к последнему этапу бутовской культуры» (Кольцов, Жилин 1999: 67, 68). Однако никаких данных для такого обилия бутовских культур и этапов нет. Кроме предрасположенности Л.В. Кольцова к четырехчленности, эта периодизация подтверждает недостаточно полное знание материалов обоими авторами. Мало того, что она строится на единичных признаках, но даже они в ряде случаев даны неверно. Так, первый этап представлен единственным памятником – Тихоново – и, значит, это не этап. «К следующему этапу отнесены памятники типа *Бутова* ... несколько более ранние... и ... несколько более поздние» (Кольцов, Жилин 1999: 72), на которых «среди наконечников начинают преобладать постсвидерские формы» и «в ряде комплексов есть наконечники, аналогичные пуллий-

ским» (Кольцов, Жилин 1999: 72). Оба этих утверждения неверны, ибо свидерских наконечников в бутовской культуре нет ни в одном из памятников, а т.н. «пуллийские» – это всего три наконечника из Бутово и Прислона, причем «чистота» обоих памятников не доказана. На «следующем этапе... нет прямоугольников, пластин с затупленным краем и концом; исчезают свидерская и пулийская технологические традиции» (Кольцов, Жилин 1999: 72). Эти утверждения также неверны, потому что прямоугольники единичны, не образуют серий и уже в силу этого не могут являться весомым «репером», а микролиты с затупленным краем и концом имеются в Борисово 1, т.е. никуда не исчезают. Постсвидерские наконечники сохраняются и на т.н. четвертом этапе, а о «пулийской традиции», как отмечалось, всерьез говорить не приходится. И,

наконец, утверждение, что «на последнем этапе ... отсутствуют геометрические микролиты» (Кольцов, Жилин 1999: 72) лишено смысла, так как прямоугольник есть в сборах П.П. Кудрявцева из Елина Бора. Причем эту коллекцию они используют в публикации и, следовательно, должны знать. Лучше всего о собственной периодизации сказали авторы: «Периодизация, построенная археологами, – в известном смысле искусственное сооружение, которое может не отражать действительного хода исторического процесса» (Кольцов, Жилин 1999: 71). И добавить тут, пожалуй, нечего.

Таким образом, совместная публикация М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова (Кольцов, Жилин 1999) не вносит принципиально нового содержания в характеристику бутовской культуры.

Памятники типа Красново 1

Теперь вспомним о памятниках типа Красново 1, которые М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов считают «специализированными охотничими лагерями бутовской культуры» (Жилин 1987; Кольцов, Жилин 1987; Кольцов, Жилин 1999: 78, 79). К этому типу ими отнесено не менее 21 памятника – это Берендеево 3 (Нейштадт, Завельский, Микляев, Хотинский 1969; Кольцов 1989: 73, 252), Велетминское 9 (Жилин, Миронос 1983; Кольцов, Жилин 1999: 46-47, 124-129), Жихарево 1 (Кольцов, Жилин 1999: 16), Задне-Пилево 2 (Сорокин 1990), Ивановское 3 и 7 (Крайнов, Хотинский 1977; Крайнов, Хотинский 1984; Кольцов 1989: 74, 252; Крайнов, Зайцева, Уткин 1990; Некоторые итоги.. 1998; Кольцов, Жилин 1999: 74, 252; Жилин 1998); Красново 1 (Бодунов, Воробьев, Жилин 1983; Жилин 1985а; Жилин 1985б), Култино 1 (Кольцов и др. 1978; Кольцов, Воробьев, Жилин 1979; Кольцов, Жилин 1999: 17-19, 96-99), Лягалин Бор (Кольцов, Жилин 1999: 46), Пищалкино (Бадер, Кольцов 1974; Кольцов, Жилин 1999: 25-26, 108), Подольское (Кольцов, Жилин 1999: 41), Сахтыши 9 (Крайнов Лозовский, Костылева 1990), Саурово 1, 4 (Жилин 1978); Силикатный завод 3 (Бадер, Кольцов 1974; Кольцов, Жилин 1999: 25), Соболево 3 (Кольцов, Жилин 1999: 36-37, 108), Старая Пустынь (Кольцов, Жилин, Черников 1991; Кольцов, Жилин 1999: 51), Угольново 1 и 3 (Жилин 1980; Кольцов, Жилин 1987; Кольцов 1989: 74-75, 252; Кольцов, Жилин 1999: 48), Утрех 5 (Кольцов, Жилин 1999: 53, 72) и Федюково (Крайнов 1978). Обращу внимание, что в этот же список включены Соболево 3, Пищалкино, Сахтыши 9 и даже Задне-Пилево 2. Первых три не являются специализиро-

ванными памятниками (об этом ниже), последний – не имеет отношения к типу Красново 1, так как отличается от них своим охотничьим вооружением.

Памятники этого типа, как я уже писал, выделены и названы по одной из наименее выразительных коллекций (Сорокин 1987; 1990), включающей лишь 26 орудий (Бодунов, Воробьев, Жилин 1983). Впрочем, и на большинстве других их количество редко когда достигает полусотни, например: в Утрехе 5 найдено 8 орудий, в Соболево 3 – 18, в Берендеево 3 – 20, Пищалкино – 33 и т.д. Создается впечатление, что они вообще объединялись по принципу «бедности» материала. При таких количествах, казалось бы, нет и предмета для обсуждения. Тем не менее, М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов постоянно возвращаются к этой теме. Не является исключением и их последняя совместная работа (Кольцов, Жилин 1999). По этой причине акцентируем внимание на некоторых аспектах этой проблемы.

1) При работе с археологическими коллекциями надо четко знать, с чем в каждом конкретном случае мы имеем дело. Подъемный материал и материал из раскопок обладают разной источниковедческой ценностью. Коллекции, добывшие путем раскопок «на штык», по условным и литологическим горизонтам значительно менее информативны, чем те, которые получены с использованием методики пространственной фиксации. «Чистые» и смешанные материалы пригодны для разных целей. Наименьшей информационной значимостью обладают сортированные коллекции. Неразборчивость в выборе материалов для сравнительного анали-

за не позволяет выработать адекватную характеристику конкретной археологической культуры, делает ее «размытой» и неконкретной. Это в равной степени относится как к бутовским и иеневским материалам, так и к памятникам типа Красново 1 в интерпретации М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова.

2) Для оперирования небольшими выборками необходимо использовать статистику малых чисел, только в этом случае их анализ может превратиться в научный факт. Если статистика по тем или иным причинам недоступна, необходимо исходить из постулата «достаточности количества», который определяет необходимый для объективного анализа минимум в 100 орудий.

3) Корреляция признаков всей совокупности т.н. памятников типа Красново 1 показывает, что в них нет вообще ни одного общего типа изделий. Главная причина этого заключается в крайней малочисленности коллекций и сортированности некоторых из них. Если рассматривать лишь статистически представительные коллекции (с числом орудий > 100), то пригодных для анализа памятников останется не более двух – это Култино 1 и Старая Пустынь. Для сравнительного анализа допустимо использование также коллекций Угольново 1 и Велетьминской 9. При этом надо четко осознавать, что наблюдаемые среди них различия могут быть обусловлены именно количественными, а не качественными характеристиками.

4) Мне представляется, что т.н. памятники типа Красново 1, помимо крайней бедности инвентаря, отличаются от бутовских целым рядом признаков: в первичной обработке – это присутствие торцевых нуклеусов и большая микропластиначность комплексов, во вторичной – меньшее использование крутой затупливающей ретуши, отсутствие уплощающей ретуши. Но главное различие между бутовской культурой и памятниками типа Красново 1 состоит в типологии. Набор памятников типа Красново 1, выделенный по относительно представительным коллекциям (Култино 1, Велетьминское 9, Старая Пустынь и Угольново 1), включает лишь восемь общих типов орудий (Сорокин 1987; 1990), а массовых среди них всего три – резцы на сломе заготовки, концевые скребки и вкладыши из фрагментированных пластин. Как хорошо понятно, ни один из этих типов сам по себе не является специфическим и не определяет культурного своеобразия комплексов, в которых он представлен. Из морфологически выраженных предметов охотничьего вооружения присутствуют, и то не на всех стоянках, лишь склошенные и косые острия. Так как иные типы наконечников в перечисленных выше стоянках от-

сутствуют, именно их и следует, вероятно, считать наконечниками. При этом склошенные острия могли, вероятно, использоваться в качестве колющими наконечниками, а косые острия – в виде боковых вкладышей.

Обязательный состав бутовской культуры включает не менее 25 типов (Сорокин 1987; 1990), причем 18 из них относятся к массовым. Да, в этот список входят и все те же типы, которые встречаются в т.н. памятниках типа Красново 1. Тем не менее, это не свидетельствует в пользу их культурной близости, так как все восемь «красновских» типов можно найти в большинстве восточно-европейских мезолитических культур, что говорит лишь о малой вариабельности каменной индустрии.

Главное, что следует подчеркнуть, – это отсутствие в памятниках типа Красново 1 ведущих бутовских типов охотничьего вооружения: постсвидерских наконечников, микролитов с затупленным ретушью краем, геометрических орудий и т. д. Это более чем странно при интерпретации памятников типа Красново 1 в качестве охотничьих лагерей бутовской культуры.

5) Установлено, что коэффициент связи памятников типа Красново 1 с традиционно бутовскими (Борисово 1, Елин Бор, Задне-Пилево 1 и 2, Зaborовье 2, Исток 1 (верхний слой), Микулино, Петрушино, Соболево 5 и др.), не выше фоновых показателей (Сорокин 1987; 1989б; 1989в; 1990). Все сказанное не позволяет рассматривать стоянки типа Красново 1 в качестве функционально специализированных памятников бутовской культуры. По наблюдениям западноевропейских и американских ученых (Clarc 1973; Prise 1981; Ларичева 1986; Фрайсон 1986), различия между инвентарем охотничьего лагеря и стоянки одной культуры заключается не в охотничьем вооружении, а в предметах, связанных с утилизацией охотничьей добычи (скребках, резцах, проколках и т.д.). Нет никаких оснований считать, что бутовская культура представляет в этом отношении исключение. Именно специфика охотничьего набора стоянок этого типа и отсутствие в них классических бутовских форм заставляют считать памятники типа Красново 1 относящимися к иной, не бутовской культурной традиции.

Что сюда можно еще добавить? Наиболее представительным из т.н. памятников типа Красново 1 является Култино 1. Реальность, однако, такова, что по всем показателям Култино 1 расходится со всеми выразительными бутовскими стоянками. Дело даже не в том, что авторы считают его специализированным охотничьим лагерем, хотя интерпретировать в качестве «kill-site» материал, который в количе-

ственном отношении превосходит любую из базовых бутовских стоянок, нежелательно¹¹, а в том, что и при такой трактовке остается фактом отсутствие в Култино 1 типичного бутовского охотничьего вооружения – постсвидерских наконечников стрел и микролитов с затупленным краем. В качестве колющими наконечниками в Култино 1 использовались скошенные острия с углом заострения < 60°. Благодаря острому углу они могли легко проникать в тело добычи, а скошенный асимметричный край придавал наконечнику поворотный эффект. Эти изделия следует отличать от косых острий, которые встречаются довольно широко как в бутовской, так и в иеневской, рессетинской, песочноровской и других мезолитических культурах. Имеются они и в Култино 1. Но косые острия, в отличие от скошенных, были лишь боковыми вкладышами в составном охотничьем метательном вооружении, тогда как скошенные, подобно постсвидерским наконечникам, выполняли функции колющими наконечников. Именно обилие скошенных острий в Култино 1, не считая абсолютного совпадения форм обрабатывающих орудий, и позволяет отождествлять эту стоянку с материалами камской культуры. Очевидно и другое: Култино 1 дает полный типологический поселенческий набор, включая резцы, скребки, ножи, сверла, скобели и даже рубящие орудия, поэтому это тоже базовая стоянка. При сравнении материалов наиболее представительных бутовских базовых стоянок (Соболево 5, Елин Бор, Зaborовье 2, Петрушино, Микилино, Задне-Пильево 1 и др.) с базовой стоянкой Култино 1 видно их резкое отличие по охотничьему вооружению и несходство в типах обрабатывающих орудий. Все эти различия не являются случайными по той простой причине, что изделий в Култино 1 больше, чем во всех вместе взятых представительных бутовских базовых стоянках. Следовательно, и Култино 1, и другие памятники типа Красново 1, раз в них нет традиционного для бутовской культуры охотничьего вооружения, не имеют к ней ни малейшего отношения. В этой связи можно вспомнить и тот факт, что первоначально стоянка Култино 1 была отнесена значительным по числу авторским коллективом, среди которых пять исследователей мезолита, к иеневской культуре (Кольцов и др. 1978: 64). Вероятно, решающую роль в такой атрибуции памятника сыграл топор с перехватом, но и этой формы нет в бутовской культуре.

¹¹ Для сравнения: по данным М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова, в Култино 1 найдено 38699 каменных изделий (Кольцов, Жилин 1999: 18), а в Зaborовье 2, например, собрано всего 6684 предмета, в Соболево 5 – 5283, в Тихоново – 3210 и т.д.

Можно отметить интересную деталь: среди памятников, которые включены в «новую периодизацию» бутовской культуры, нет ни одного, причисляемого М.Г. Жилиным и Л.В. Кользовым к типу Красново 1 (Кольцов, Жилин 1999: 71, 72). Случайность? Нет, просто их своеобразие настолько велико, что даже у авторов не хватает решимости отнести любой из этих памятников к конкретному этапу «бутовской периодизации».

Для того, чтобы доказать бутовскую принадлежность памятников типа Красново 1, М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов «улучшают» источник. Они пишут: «наконечники стрел на пластинках есть и на 3 стоянках типа Красново 1: Соболево 3 – 4, Пищалкино – 2, Велетьминская 9 – 1» (Кольцов, Жилин 1999: 66). На самом деле, единственный из перечисленных памятников, который может быть отнесен к типу Красново 1, – это Велетьминское 9. В нем исследовано два изолированных скопления находок, но никаких достоверных постсвидерских наконечников в них нет. Типологические же особенности Соболево 3 и Пищалкино вызваны не типом памятника, как полагают авторы, а сортировкой обеих коллекций. Факт сортировки доказывается элементарно: и в Соболево 3 (Кольцов, Жилин 1999: 36, 37), и в Пищалкино (Кольцов, Жилин 1999: 25) число пластин значительно превышает все прочие, вместе взятые, изделия, чего нет ни в одной полноценной волго-окской коллекции. Любая сортированная коллекция отражает лишь представление конкретного исследователя о материале и его квалификацию, но никак не тот реальный комплекс, который был некогда оставлен. Вот почему интерпретация М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова этих стоянок в качестве охотничьих лагерей – фикция.

Невыразительный обломок в Велетьминской 9 (Кольцов, Жилин 1999: 124, рис. 33, 50), даже если его признать за фрагмент постсвидерского наконечника, не может быть весомым аргументом в силу а) его единичности, б) способности наконечников летать и высокой вероятности их случайного попадания в любой комплекс, в) невозможности расчленения материалов разных типов памятников (например, охотничьего лагеря и стоянки) в случае их планиграфического совпадения. Процесс смешения археологического материала при планиграфическом совпадении разнородных материалов объективен и происходит без вмешательства человека (Сорокин 2000а; 2000 б). Это повышает требования к исследователю, ведь мы в ходе полевых исследований фактически формируем источник, «переводим его в язык исследования», поэтому обязаны делать это добровольно и обстоятельно.

Примером специализированной охотничьей стоянки бутовской культуры служит Задне-Пильево 2 (Сорокин 1990). С этим соглашаются и М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов (Кольцов, Жилин 1999: 72), но никакого отношения Задне-Пильево 2 к памятникам типа Красново 1, как они утверждают, не имеет. Не имеет уже хотя бы потому, что в нем содержатся постсвидерские наконечники, которые составляют основу охотничьего вооружения этого памятника. Охотничьей же стоянкой Задне-Пильево 2 делает специфический набор обрабатывающих орудий (Сорокин 1990).

Для определения культурной принадлежности Барашево 1 сравнение корректно проводить лишь с теми памятниками типа Красново 1, которые обладают необходимым для статистического анализа числом орудий. Как отмечалось, таких стоянок всего две – Култино 1 и Старая Пустынь. Поэтому предлагаемые ниже выводы могут быть приняты лишь в предварительном виде и для своей проверки требуют накопления данных. Что касается первичной обработки, для всех трех стоянок характерна параллельно-призматическая техника и микропластинчатость комплексов. Отсутствие карандашевидных нуклеусов в Барашево 1, возможно, вызвано величиной выборки и качеством сырья. Во вторичной обработке отмечается отсутствие уплощающей ретуши и крутой затупливающей при обработке микролитов. Кругое ретуширование использовалось при изготовлении резцов, косых и скосленных острий. Култино 1 и Старая Пустынь отличаются большей пластинчатостью орудий (87,5% и 77,1% против 42,7%).

Орудийный набор памятников сходен, но не идентичен. Например, в Барашево 1 отсутствуют концевые скребки на пластинках и выше доля нуклевидных резцов. Тем не менее, типологический состав и скребков, и резцов трех стоянок совпадает. Среди охотничьего вооружения на первом месте вкладыши из фрагментированных пластинок, которые не являются культуро-специфическим типом изделий. Их дополняют транкированные микролиты, косые и скосленные острия. Единственный наконечник с краевой выемкой присутствует в Барашево 1, здесь же найдено и скосенное острие с зубчатым краем. Низкая трапеция и микролит с выемкой имеются в Старой Пустыни. Значение этих

предметов, в силу их единичности, вряд ли стоит абсолютизировать. Что касается перфораторов, скобелей, ножей, рубящих и комбинированных орудий, то вариабельность их невысока и функционально обусловлена. Мне представляется, что, хоть материала для сравнительного анализа не так уж и много, все три памятника по основным типологическим показателям близки друг другу и отличны от стоянок бутовской, иеневской или рессетинской и пургасовской культур, в первую очередь, «простотой» или малой вариабельностью своего набора. Все сказанное позволяет очевидно, объединять стоянки Култино 1, Старую Пустынь и Барашево 1 в особую археологическую культуру. К ней же, по-видимому, следует отнести Угольново 1 и Велетьминское 9. Эту культуру по наиболее выразительному ее памятнику можно назвать **култинской**. В отличие от термина «памятники типа Красново 1» это название не только более кратко, но и более содержательно, так как связано с выразительным комплексом. Немаловажно и то обстоятельство, что прилагательное от названия Красново менее благозвучно, чем от Култино. Впервые идея о култинской культуре была высказана мной еще в 1986 г. Поступившие с тех пор материалы, в том числе и Барашево 1, подтверждают правомерность этого выделения и расширяют представление о ней. Генезис култинской культуры, учитывая территориальную близость и имеющиеся аналогии, связан, вероятно, с мезолитом Камско-Вятского междуречья (Гусенцова 1994). Опять-таки, мне не кажется удачным сохранение названия «камская культура» и за волго-окскими стоянками, так как любое название культур по речным бассейнам, широко практикуемое и поныне (например, верхневолжская культура, деснинская, днепро-сожская, среднеднепровская и т.д.), суживает понятие культуры до размеров конкретного бассейна, а в случаях, если территория выходит за его пределы, что случается постоянно по мере накопления новых данных, термин входит в логическое противоречие с содержанием.

В свою очередь Красново 1, по-видимому, действительно является, как пишут М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов (Кольцов, Жилин 1999) специализированным памятником – охотничим лагерем. Но это охотничий лагерь култинской, а не бутовской культуры.

Рессетинская культура

Рессетинская культура была выделена автором в 1983 г. сначала как культурный тип памятников (Сорокин 1985), а после раскопок на

верхней Волге – уже в качестве самостоятельной культуры (Сорокин 1986, Сорокин 1987, Сорокин 1989). Стоянки рессетинской культуры из-

вестны в бассейне Верхней и Средней Оки (Рессета 2, 3, Лужки Е, Таруса 1, Борки), Клязьмы (Альба 1, 3), Верхней Волги (Суконоево 8 – 11, Култино 3, Усть-Тудовка 4, нижний слой, Замостье 5, горизонт 9; Минино 2, нижний слой; Ланино) и Западной Двины (Золотилово 1). Топографически все они приурочены к зандровым равнинам платформенных поднятий. Культурные слои стратиграфически залегают во флювиогляциальных или в рыхлых террасовых отложениях.

Техника первичной обработки кремня базируется на утилизации одноплощадочных ядрищ конической или призматической формы. Значительно реже встречаются двуплощадочные подпризматические нуклеусы и одно- или двуплощадочные торцевые.

При вторичной обработке используются затупливающая ретушь, резцовая техника и двусторонняя оббивка, эпизодически присутствуют уплощающая ретушь и техника транше. Специфической чертой, выделяющей рессетинские комплексы среди других волго-окских, является микрорезцовая техника. В европейском мезолите остряя с микрорезцовыми сколами встречены в культурах, относящихся к маглемозскому кругу памятников (Kozłowski 1972; Kozłowski, Kozłowski 1975; Кольцов 1977; Galinski 1997). Геологические даты и отсутствие в рессетинской культуре геометрических форм позволяют говорить о более раннем возникновении в ней микрорезцовой техники. Возможно ли это? Да, возможно. Микрорезцовая техника не является «визитной карточкой» исключительно мезолитической культуры маглемозе, а известна уже в верхнепалеолитических стоянках, таких как Гагарино на Верхнем Дону, Каменной Балке 1-3 на нижнем Дону, Супонево на Десне. По мнению автора, рессетинская культура является наследницей традиций населения, оставившего стоянку Гагарино, поэтому присутствие в ней микрорезцовой техники вполне закономерно. При сравнении рессетинских коллекций с коллекциями западно- и восточно-европейских финально-палеолитических культур таких, как Свидер, Лингби, Федермессер, Аренсбург, Гамбург (Taute 1968; Kozłowski, Kozłowski 1975), только памятники гамбургской культуры, относимые к аллерею, проявляют черты известного сходства с рессетинской культурой (Крикевская 1966; Kozłowski, Kozłowski 1975).

Ведущим типом орудий в рессетинской культуре являются резцы. Доминируют изделия с неподработанной площадкой скола. На ранних памятниках представительны ретушные резцы, но доля их резко уменьшается к поздней фазе. Двугранные и комбинированные

резцы немногочисленны. В скребках преобладают концевые формы, их дополняют боковые, двойные и округлые. По мере омоложения материалов понижается массивность заготовки и усиливается укороченность пропорций. Рубящие сравнительно многочисленны – это топоры и тесла подovalных и подтреугольных очертаний, выполненные на отщепах и из желваков в технике двусторонней оббивки и ретуширования. Скобели с мелкими дугообразными широкими или узкими выемками, перфораторы с выделенным или невыделенным жальцем, косые острия, изделия с попечечно срезанным ретушью концом, комбинированные орудия, пластины с регулярной ретушью, сверла с невыделенными рабочими участками, ланцетовидные орудия и вкладыши из фрагментированных пластин в небольшом числе присутствуют на всех стоянках и не имеют какой-либо специфики по сравнению с другими волго-окскими памятниками. Напротив, микролиты с затупленным ретушью краем образуют устойчивые серии. Первоначально они ретушировались лишь на спинке или встречной ретушью. Затем появляются микропластины, обработанные по брюшку, которые на поздних рессетинских памятниках начинают доминировать над микропластинами, затупленными по спинке, а микролиты, обработанные встречной ретушью, практически исчезают. Острия со сходящимися ретушированными краями часто обработаны подобно микролитам с затупленным краем, а конец скошен более мелкой ретушью.

Своебразной формой, выделяющей рессетинские памятники, являются наконечники стрел на микропластинах. Впервые рессетинские наконечники были опубликованы в 1950 г. В.И. Зубковым в статье, посвященной стоянке Борки под Рязанью (Зубков 1950), правда, изображены они были острием вниз, что свидетельствует о том, что они не были правильно интерпретированы. В конце 70 – начале 80-х гг. XX в. они были найдены А.В. Трусовым на стоянках Альба 1 и 3 в Московской области. Примерно тогда же они были обнаружены Н.Н. Гуриной в окрестностях д. Ланино на Верхневолжских озерах. Однако как явление рессетинские наконечники были осознаны лишь после того, как была исследована стоянка Рессета 3, давшая выразительную серию этих изделий. Рессетинские наконечники представлены двумя основными разновидностями: первая – это миниатюрный наконечник с боковой выемкой, у которого ретуширована лишь часть одного из краев около основания. Вторая – это собственно рессетинские острия, т.е. изделия из микропластин с за-

тупленным крутой ретушью на спинке краем и скошенным пером, шиловидным выступом и микрорезцовыми сколами. Шиловидный выступ, отличающий рессетинские наконечники от маглемозских и яниславицких острый, сближает их с верхнепалеолитическими плечиковыми острями (Палеолит.. 1982; Палеолит СССР 1984; Восточный граветт 1998). Прототипы им имеются в стоянках Гагарино и Хотылево 2. Помимо наконечников с боковой выемкой, на Оксских стоянках встречены постаренсбургские и постсвидерские наконечники. Их появление в рессетинских материалах свидетельствует либо о механическом смешении разнокультурных материалов, либо отражает моменты контактов аборигенного населения с пришлым свидерским, в результате чего могло произойти сложение новой (бутовской) культуры.

Хронологически рессетинская культура относится к раннему мезолиту. При этом стоянки Таруса 1, Суконцево 9 и, вероятно, Суконцево 8 датируются еще концом ледникового времени. Пребореальный возраст Рессеты 3 определяется датами кундской стоянки Пулли, материалы которой весьма близки названным, но имеют по сравнению с ними пережиточный характер. Верхней границей рессетинской культуры следует считать появление памятников ранней кундской культуры типа Пулли (Jaanits, Jaanits 1978; Jaanits 1978; Ostrauskas, 2000) – это середина-конец пребореала. Представляется очевидным, что типологически и технологически рессетинская, ранняя кундская и бутовская культуры составляют единую хронологическую и генетическую цепочку (Сорокин 1987б; Сорокин 1994; Sorokin 1999). Их объединяет последовательность в развитии техники первичного расщепления, идентичность приемов вторичной обработки, постепенное угасание микрорезцовой техники, прогрессирующая микролитизация инвентаря и типологическая преемственность в формах обрабатывающих орудий и предметов охотничьего вооружения. В этой связи идея С.К. Козловского, включавшего в ареал кундской культуры территорию Волго-Окского междуречья (Kozlowski 1972), по-прежнему заслуживает внимания и активной проработки.

Сумма фактов свидетельствует, что индустрия Пулли является ничем иным, как развитием рессетинских традиций. Возникновение индустрии Пулли обязано моменту проникновения в Прибалтику носителей рессетинской культуры. Вероятность такого продвижения происходит из условий хозяйства первобытного населения и геоморфологической ситуации конца плейстоценового – начала голоценового време-

ни. Судя по имеющимся геоморфологическим данным, система Верхневолжских озер вместе с Западной Двиной в верхнем палеолите, включая его заключительную фазу, относились не к Каспийскому, а к Балтийскому бассейну и передвижение населения в пределах единой водной системы является более чем вероятным (Квасов 1975; Сейбутис 1980; Палеогеография Европы.. 1982). В данном случае нет оснований говорить о миграции рессетинского населения в Прибалтику, понимая под этим термином лишь его точное значение как «переселение». Здесь скорее уместно его расширенное толкование. Если исходить из гипотетической реконструкции ХКТ рессетинского населения, жившего в молодом дриасе – пребореале, как охотников на северного оленя, то под расширенным толкованием термина «миграция» следует понимать перемещение древнего населения в пределах зоны освоения или «кормовых территорий». В этом случае памятники Центральной России и Прибалтики могут рассматриваться лишь как крайние «точки» ареала, в пределах которого передвигалось рессетинское население. Вероятность именно таких перемещений в пределах единого географического ареала и одного водного бассейна для населения, представляющего ХКТ тундровых охотников-собирателей, вполне естественна и, по-видимому, очевидна.

Для меня также очевидно, что территория археологической культуры в мезолите – это абстракция, а не ареал с жесткими контролируемыми границами. Этот ареал нужно воспринимать лишь как географическое пространство, среду обитания, нишу в пределах которой популяция жила по сезонному циклу. Поэтому в то время, когда некая группа мезолитического населения обитала на летней стоянке, зимнего стойбища не было, и наоборот. Фактически это «временная последовательность разных форм пространственной организации производственного коллектива». Из-за малочисленности групп охотников-собирателей контролю подчинялся лишь «кусок» видимого пространства и не более того.

Границы археологической культуры фактически совпадают с ареалом годичных хозяйственных циклов, поэтому у охотников на северного оленя он один, мамонта – другой, а у охотников на лося – третий. Не вызывает сомнения, что для финального палеолита и мезолита эта территория определяется «поведением сопровождения» (=симбиоз волк-олень). Таким образом, территория археологической культуры в мезолите – это, вероятно, размах пространственных колебаний популяции в пределах кормовой

территории, который мог перекрываться ареалом другой популяции, но в целом никак не мог контролироваться и обороняться. Этого просто некому было делать. По-видимому, этим и объясняется наложение ареалов многих мезолитических культур. Вот почему во всех случаях совпадения ареалов разных культур, которые мы фиксируем археологически, надо еще доказать, что население в них обитало одновременно, а не последовательно.

Численность человека как любого биологического вида определялась законом выживания и регламентировалась объемом и составом биомассы, ее разнообразием. В тех случаях, когда ареалы разных популяций пересекались, а из-за их малочисленности и огромных необъятных пространств Восточной Европы это было крайне редко, люди как хищники воевали друг с другом, а не кидались в объятия. Вот почему многочисленные реконструкции контактных зон и метисных памятников, базирующиеся на случаях совместного залегания находок, чаще всего лишь плод воображения, а никак не доказанная фактами реальность. Хотя и абсолютной повсеместной замкнутости (изоляции) быть не могло.

В этой связи хочу обратить внимание на следующее. В археологической литературе, как правило, схемы миграций традиционно обозначаются стрелками, идущими в одном, каком-либо направлении. Например, заселение Прибалтики аренсбургским населением отмечается как однонаправленное передвижение с запада, с Северо-Германской низменности, на восток – в Понеманье, свидерским населением с юго-запада, из Польской и Полесской низменностей, на северо-восток – в Венецианское и Среднее Поднепровье и т.д. (Залізняк 1999: 210). Этим самым как бы определяется движение миграционных потоков в момент заселения конкретной территории. Тем самым подспудно понимается, что эта территория делается постоянно или длительное время заселенной носителями конкретной археологической культуры. Между тем, такое графическое воплощение идет вразрез с историзмом и формирует неточную или однобокую картину миграций в каменном веке. Ибо эти миграции были возвратно-поступательными, то есть шли в обоих направлениях. В ряде случаев крайние точки ареала – это и есть размах пространственных перемещений мезолитического населения в пределах кормовых территорий. Особенность хозяйственного цикла охотников на северного оленя определяла то, что, когда северный олень был в теплое время года в тундре на пастбище – это была территория Прибалтики, и рессетинское население было,

вероятно, все именно там, а в холодное время, вслед за северным оленем, все население откочевывало на возвышенности Центральной России.

Вернувшись, однако, к проблеме соотношения рессетинской и кундской культур. В последнее время Т. Остраускасом высказано предположение, что кундская культура (пуллийская индустрия) сложилась в результате воздействия на позднюю свидерскую культуру кудлаевской культуры (Ostrauskas 1999). С этим трудно согласиться уже хотя бы потому, что он, к сожалению, не представляет себе рессетинских материалов. Более удачной мне представляется другая идея Т. Остраускаса о сокращении хронологии кундской культуры до преобраза (Ostrauskas, 2000). Если это так, то автоматически углубляется и становится определенее нижняя граница рессетинской культуры.

О предшествовании рессетинских стоянок кундским говорят: более ранний возраст Тарусы 1 и Суконцево 9 (не позднее молодого дриаса), сходство Пулли с Рессетой 3 и нижним слоем стоянки Усть-Тудовка 4, датированным не моложе преобраза времена (Jilin 1995; Jilin, Koltsov 1999; Кольцов, Жилин 1999), постепенной утратой в Пулли рессетинских наконечников с боковой выемкой и шиповидных форм, деградацией микрорезцовой техники, уменьшением форм рубящих орудий и общей микролитизацией изделий и т.д. Исходя из условий хозяйства мезолитического населения, можно предположить, что появление индустрии типа Пулли в Прибалтике связано с сезонной миграцией рессетинского населения из Волго-Окского бассейна по Западной Двине на северо-запад в пределах единого водного бассейна.

Не останавливаясь на судьбе пуllibийского населения в Прибалтике, обратим лишь внимание на то, что бутовские материалы как бы продолжают ту же линию развития, но по ряду признаков тяготеют и к рессетинским материалам, а последние находки на стоянках Бутово и Прислон (Жилин, Фролов, Крымов. 1996; Кольцов, Жилин 1999) прямо свидетельствуют о производном характере некоторых бутовских наконечников от рессетинских и пуllibийских. Хотя вряд ли стоит переоценивать значение трех наконечников, найденных в Прислоне и Бутово, так как коллекция первого из них – это подъемный материал, а второй памятник, даже при последних его раскопках М.Г. Жилиным, исследован без фиксации отщепов по трем координатам, следовательно, в источниковедческом отношении также беспersпективен и не может ничего дать для проблемы соотношения рессетинской, кундской и бутовской культур. Нет сомнения,

что объяснение возможной связи населения трех названных культур и последующему обособлению населения кундской и бутовской культур следует искать в геоморфологических катаклизмах на рубеже плейстоцена – голоцене, проявившихся в изменении речных систем и формировании растительной зональности, когда условия все возраставшей облесенности региона и изменения его видового состава в раннем голоцене привели к складыванию иных условий хозяйствования и разрыву постоянных связей между Прибалтикой и Верхним Поволжьем.

Различия в облике наиболее древних стоянок Суконцево 9 и 8, а также Тарусы 1 с Рессетой 3 и Рессетой 2, помимо форм охотничье-го вооружения, которые в Рессете 3 и, особенно, Рессете 2, выглядят пережиточными (рессетинский комплекс), заключаются в присутствии на Оксских стоянках постсвидерских наконечников. Нет, однако, никакой уверенности, что постсвидерские наконечники не появились на стоянках Жиздринского полесья, как и на других, в результате случайности и не являются лишь механической примесью (Сорокин, 2000а; Сорокин 2000б).

Еще несколько слов о возрасте рессетинской культуры. Данных, включая естественнонаучные, позволяющих однозначно решить этот вопрос, пока еще крайне мало, тем не менее, я не могу согласиться с теми, которые обнародованы М.Г. Жилиным и Л.В. Кольцовыми (Кольцов, Жилин 1999). Бореальная дата Култино 3, приводимая ими, не убедительна, во-первых потому, что она одна, во-вторых потому, что стоянка располагается на высокой пойме и периодически затапливается, т.е. образец может быть омоложен или случаен, в-третьих – из-за облика коллекции. Совершенно очевидно, что эта коллекция имеет рессетинские и бутовские признаки. Поскольку единство материалов не доказано, неясно, к чему относится и сама дата. Это же касается и возраста стоянки Суконцево 9, но об этом немного ниже.

Возраст верхней трети нижнего слоя стоянки Минино 2 с рессетинскими материалами определен в 10500 л.н. Следует упомянуть и пре boreальную дату нижнего слоя стоянки Усть-Тудовка 4 (Jilin, Koltsov 1999), на котором присутствуют пережиточные по отношению к Рессете 3 рессетинские формы изделий.

Говоря о соотношении рессетинской и бутовской культур, нельзя не обратить внимание и на стратиграфические данные, полученных на торфяниковых стоянках бассейна р. Дубна и свидетельствующих о предшествовании рессетинских материалов бутовским (Сидоров, Сорокин 1997; Сидоров, Сорокин 1998).

Что касается возраста рессетинских стоянок в окрестностях Суконцево, здесь, прежде всего, важна геоморфология отложений. В Суконцево 9 и 10 находки залегают в галечнике второй левобережной террасы Волги, т.е. во флювиогляциальных отложениях плейстоценового возраста, поэтому утверждение М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова о том, что они «датируются не ранее рубежа пре boreал/бореал» (Кольцов, Жилин 1999: 74) – это не что иное, как очередное «улучшение источника». Не хочется говорить о моральной стороне того, что Л.В. Кольцов в 1986 г. без моего согласия и уведомления раскалывал открытую и исследованную мной в 1985 г. стоянку Суконцево 9. Отмечу лишь одно обстоятельство, говорящее о его полевой квалификации, и непосредственно имеющее отношение к определению абсолютного возраста Суконцево 9. В 1984 г. при оборудовании экспедиционного лагеря и рытье мусорной ямы в углу незасыпанного раскопа стоянки Хрипелево 2, выкопанного А.В. Мицким под «научным» руководством Л.В. Кольцова, было установлено, что они за материк приняли слой галечника, подстилающий супесь с находками. Тем не менее в этом галечнике тоже залегают находки, т.е. памятник не однослойный. Мощность верхнего культурного слоя составляет около 40 см (Мицкий 1984). Мощность галечника с нижним культурным слоем равна 95 см. Поэтому я не могу исключить, что принятые Л.В. Кользовыми за шлейф¹² стоянки Суконцево 9 (Кольцов, Жилин 1999: 74) на самом деле является отдельным памятником, приуроченным к останцу погребенной первой террасы левого берега Волги¹³. Т.е. палинологическая колонка, если она бралась, может отражать возраст этого «пойменного» памятника, а не Суконцево 9. Если то, что раскопано (?) – А.С.) Л.В. Кользовыми, действительно шлейф, то фактически могло быть определено время переотложения материала в пойму, не обязательно совпадающее со временем функционирования стоянки Суконцево 9. Во всяком случае, на расположенной неподалеку бутовской стоянке Суконцево 7, приуроченной к выраженному здесь участку первой террасы, четко зафиксированы два момента переотложения в пойму археологического материала: верхний синхронен слою стоянки (даты 9650 ± 100 , ЛЕ 3015, 9220 ± 50 , ГИН 3902), нижний отложился после того, как стоянка перестала функционировать (даты $8900 \pm$

¹² В отчете Л.В. Кольцова (Архив ИА РАН. Р – 1. № 11750) отсутствуют сведения о шурфе в пойме.

¹³ На этом месте четко обозначен лишь уступ второй террасы, а более молодые формы скрыты старичными отложениями.

100, ГИН 4734 и 8710 ± 150, ГИН 4733). Поскольку шлейфы Сукоццево 7 «запирают» горло древнего рукава Волги, – это косвенно подтверждает и более ранний, а не более поздний, как утверждают М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов

(Кольцов, Жилин 1999: 74), возраст расположенных ниже стоянок рессетинской культуры Сукоццево 8-11. Следовательно, все названные факты говорят о предшествовании рессетинской культуры бутовской.

Иеневская культура

Теперь об иеневской культуре. Она была выделена Л.В. Кользовым в 1977 г. (Крайнов, Кольцов 1979). К настоящему времени к ней отнесено уже не менее сотни памятников, однако, представительные и надежные коллекции составляют едва ли более полутора десятков комплексов (Кравцов, Сорокин 1991). Памятники иеневской культуры, как и рессетинские стоянки, топографически приурочены к зандровым равнинам платформенных поднятий, а их культурные слои стратиграфически залегают в рыхлых террасовых отложениях. В этом их принципиальное отличие от бутовских комплексов, которые часто бывают приурочены к останцам, пойменным гравиям и другим низким формам рельефа.

Судя по представительным и надежным коллекциям, для культуры характерны отщеповая, пластинчатая и микропластинчатая индустрии первичной обработки, основанные на утилизации одно-, двух и многоплощадочных ядращ конической, призматической и аморфной формы. В качестве заготовок для орудий использовались отщепы, пластины и, реже, микропластины. Во вторичной обработке широко использовались затупливающая и приостряющая ретушь, спорадически встречается уплощающая ретушь, псевдомикрорезцововая техника и трапише. Среди орудий представлены резцы с ретушированной и неподработанной площадками скола, концевые, скошенные, округлые, боковые и двойные скребки, скобели с широкими и узкими дугообразными выемками, пластины с приостряющей ретушью, комбинированные орудия, перфораторы. Разнообразны рубящие изделия – топоры и тесла с перехватом, подовальной и подтрапециевидной формы, долота. Выразительны аренсбургские и постаренсбургские наконечники с боковой выемкой и симметричные черешковые, изредка присутствуют постсвидерские наконечники стрел. Имеются косо и поперечно лезвийные наконечники, в том числе трапеции, присутствуют треугольники, сегментовидные и ланцетовидные острия. По вопросу генезиса иеневской культуры автор согласен с мнением Л.Л. Зализняка, утверждающего, что она оставлена потомками аренсбургского населения (Неприна, Зализняк, Кротова 1986; Зализняк 1989; Зализняк 1996). В этой свя-

зи следует отметить факт присутствия в Волго-Окском бассейне аренсбургских стоянок Теплый Ручей (Мирецкий 1987-А; 1988-А)¹⁴ на Верхней Волге и Гремячее на Оке, известной еще с прошлого века.

Первая периодизация иеневской культуры была предложена Л.В. Кользовым в 1989 г., через 13 лет после выделения этой культуры (Кольцов 1989). Как и в бутовской, в ней было выделено четыре этапа. Источникovedческий анализ показал, однако, что такая дробность не имеет достаточных оснований (Кравцов, Сорокин 1991). Более того, в одной из своих недавних работ Л.В. Кольцов не просто отказывается от этой периодизации, подтверждая справедливость, высказанной в его адрес критики и иной точки зрения (Кравцов, Сорокин 1991), но и фактически отказывается от попытки периодизации иеневской культуры вообще (Кольцов 1996: 71). К этому же выводу, правда, исходя из других чем Л.В. Кольцов, оснований, пришел в своей недавно вышедшей работе и А.Е. Кравцов – самый неутомимый современный исследователь иеневской культуры (Кравцов 1999: 105). Полагаю, что такой подход безоснователен и материал для периодизации иеневской культуры имеется. Просто при разработке периодизации, так же как и любых других вопросов археологии, во главу угла должен быть положен принцип критики источника, а доказательство источниковедческих возможностей материала должно стать основой любого археологического исследования. Представляется очевидным, что в основу периодизации рассматриваемой культуры должно быть положено развитие форм аренсбургских наконечников и трапеций, выявленное по коллекциям, отвечающим принципам достаточности и надежности. Тогда становится очевидным тот факт, что в иеневской культуре есть лишь три группы памятников – с черешковыми наконечниками, но без геометрических форм; с наконечниками и трапециями; только с трапециями. Таким образом, для раннего этапа иеневской культуры характерны аренсбургские и постаренсбургские асимметричные с боковой выемкой и черешковые наконечники. Вероятно, уже в это время появляются косо-

¹⁴ См. отчеты Мирецкого А.В. (Архив ИА РАН. Р-1: 1987-А = № 12262; 1988-А = № 12678).

лезвийные наконечники как прототип или промежуточная форма от асимметричных наконечников с боковой выемкой к трапециям. Трапеции же и треугольники пока не известны. К этому этапу могут быть отнесены стоянки Усть-Тудовка 1 (Жилин, Кравцов 1991), Умыщенка (раскоп 2), а также, вероятно, Высокино 6 и Староконстантиновская 4 (Кравцов, Сорокин 1991). Второй этап знаменуется появлением трапеций при сохранении всех постаренсбургских форм. По мере омоложения возраста памятников асимметричные наконечники с боковой выемкой утрачивают свои вытянутые пропорции, превращаясь в т.н. алтыновские вкладыши; постепенно исчезают черешковые формы, но сохраняются косолезвийные наконечники и увеличиваются количественно трапеции. Указанные закономерности хорошо прослеживаются на примере стоянок Староконстантиновская 2 и 6, Умыщенка (раскоп 1 и 3), Брагино, Шильцева Заводь 5, Ладыжино 3, Журавец, Дмитровское, Богоявление, Пеньково и Сельцо 3. На заключительном третьем этапе исчезают алтыновские вкладыши, не известны черешковые и асимметричные постаренсбургские наконечники, косолезвийные наконечники немногочисленны. Основную роль в охотничьем вооружении играют трапеции. Представительных памятников без асимметричных и черешковых постаренсбургских наконечников всего два – Иенево 2 и Коприно. Они и представляют третий заключительный этап культуры.

Асимметричные наконечники с боковой выемкой, «алтыновские вкладыши», косолезвийные наконечники, трапеции и треугольники в иеневской и родственной ей деснинской культурах образуют единый типологический ряд. Судя по имеющимся данным, асимметричные наконечники с боковой выемкой относятся, по крайней мере, к финальному палеолиту, а трапеции и треугольники появляются, по-видимому, уже в преобореале. Таким образом, уменьшение размеров предметов охотничьего вооружения в иеневской и деснинской культурах служит проявлением адаптивной реакции на все большее распространение лесов в раннеголоценовое время. В этой связи вряд ли уместно возражение А.Е. Кравцова, признающего мою схему развития иеневских наконечников, но возражающего против связи этой тенденции с развитием природной среды на том основании, что леса в Волго-Окском бассейне появились еще в финальном палеолите (Кравцов, Спиридонова 1996: 106). Ибо здесь важен не сам факт появления лесов (они были вдоль рек и раньше, еще в эпоху верхнего палеолита), а то, когда они стали представлять экономический интерес для иенев-

ского населения. Если население иеневской культуры существовало в финальном палеолите, то это были охотники на северного оленя и другие виды тундровых животных. Переориентация к охоте на лесную дичь в иеневской среде могла происходить лишь вместе с необратимостью голоценовых процессов. Причем это было возможно лишь в случае адаптации к лесному окружению, а не в случае исхода населения в северном направлении, вслед за отступающей тундровой растительностью и тундровой фауной. Если судить по имеющимся данным, на самом деле имели место оба процесса: иеневское население адаптировалось к изменяющимся природным условиям, а аренсбургское – мигрировало в северо-восточном направлении – пример скандинавских культур Фосна и Комса. В финальном палеолите Волго-Окского бассейна леса не были господствующим типом растительности, и у иеневского населения в то время, подобно другим европейским группам, известным по культурам Гамбург, Лингби, Аренсбург, Федермессер или Свидер, мог быть лишь хкт тундровых охотников-собирателей. Точно так же, как позднее, в случае, если иеневское население (полностью или частично) не покидало региона, должна была происходить переориентация ХКТ и его «подстраивание» под меняющееся природное окружение. Высказанное мной предположение – лишь констатация направления развития, тенденция в развитии иеневского охотничьего вооружения, совпадающая с вектором развития природной среды в конце плейстоцена – начале голоцена. Поскольку линия развития природной среды шла в направлении потепления, улучшения экологической обстановки и усиления облесенности, без скачкообразной смены растительной зональности, эволюционировала относительно плавно, соизмеримо с длительностью жизни поколения, то эти изменения не носили, вероятно, характер катаклизма. Вот почему связь эволюции природной среды с изменениями типов хозяйства и форм орудий была достаточно опосредованной, дистанцированной, проявлялась лишь как тенденция, а не скачкообразно. Именно поэтому не надо ждать «жесткой увязки» природных процессов с изменениями в орудийном наборе. Хотя больший «геометризм» мезолитических памятников степной зоны по сравнению с памятниками лесной зоны есть, по-моему, не что иное, как взаимосвязь размеров и форм изделий с «уменьшением облесенности» (Кравцов, Спиридонова 1996: 106) территории.

Вернемся, однако, к периодизации. Каковы основания для периодизации, фактически разработанной мной еще в 1989-1990 гг. (Кравцов,

Сорокин 1991)? Для ответа обратимся к хронологии стоянок. Л.В. Кольцов определяет время существования иеневской культуры от конца бореального до начала атлантического периода (Кольцов 1989). Источниковоедческий анализ палинологических и радиокарбоновых дат, выполненный А.Е. Кравцовым и А.Н. Сорокиным (Кравцов 1989; 1991; 1998; Сорокин 1991) показал, что данное утверждение не соответствует действительности, и период существования иеневских стоянок должен быть пересмотрен в сторону его удревнения. Судя по ревизии дат, использованным Л.В. Кользовым, и новым, полученным в последние годы (Кравцов, Спиридонова 1996), хронология иеневской культуры охватывает, примерно, от конца молодого дриаса до бореала включительно. Можно считать доказанным, что в настоящее время нет ни одной независимой даты, свидетельствующей о существовании иеневской культуры в атлантикуме. Наиболее древняя дата – не позднее конца молодого дриаса – получена для иеневской стоянки Усть-Тудовка 1 (Жилин, Кравцов 1991). Возраст Шильцевой Заводи 5 находится в интервале от дриаса 3 до конца пребореала включительно (определение Е.А. Спиридоновой). Пребореальным временем датированы Ладыжино 3 и Беливо 6 В. Культурный слой стоянки Брагино перекрыт погребенной почвой, время формирования которой датировано пыльцевым методом не позднее начала бореального времени. Пыльцевые спектры для Дмитровской 1 и Черной Грязи определяют время бытования названных памятников началом бореального времени. Серединой бореального времени датировано Иенево 2. И только единственный памятник – Митино 5 по пыльцевому спектру относится к концу бореального периода, но дата эта, по справедливому замечанию Е.А. Спиридоновой, нуждается в проверке. Нет однозначной привязки и кремневого инвентаря к образцам в Иенево 2 (Кравцов, Спиридонова. 1996: 103). Не буду перечислять другие даты, опубликованные недавно А.Е. Кравцовым и А.В. Трусовым (Кравцов 1999; Трусов 1999; Спиридонова 1999), ибо они подтверждают написанное выше. Итак, вся совокупность имеющихся данных позволяет утверждать, что нет серьезных оснований говорить о существовании иеневской культуры позднее начала бореального времени, что позволяет ограничить верхнюю границу ее эволюции именно указанным отрезком. Нельзя исключать, что население иеневской культуры прекратило свое существование в Волго-Окско-ком бассейне еще раньше, возможно, уже в пребореале, однако, для установления этого необходимо повторно датировать естественными

методами представляющиеся наиболее поздними по возрасту стоянки: Иенево 2, а также не имеющую абсолютного возраста стоянку Коприно. Впрочем, по объективным обстоятельствам датировать Коприно уже не представляется возможным (Кравцов 1999: 98).

Критический анализ имеющихся данных и новейшие датировки памятников позволяют не просто уточнить в целом хронологию иеневской культуры, но и говорить лишь о ее раннемезолитическом возрасте. Таким образом, новейшие данные (Кравцов 1999) свидетельствуют, что предложенная мной периодизация иеневской культуры (Кравцов, Сорокин 1991) выдержала проверку временем и, по-видимому, объективно отражает общую тенденцию развития иеневской культуры. Обращу внимание и на другое: несмотря на то, что А.Е. Кравцов полагает, что «... имеющихся в настоящее время материалов для разработки периодизации иеневской культуры недостаточно» (Кравцов 1999: 105), та последовательность памятников, которые он считает «достоверно «чистыми», хронологически узкими и детально изученными методами сравнительно-типологического анализа, имеющими, по возможности, надежную датировку» (Кравцов 1999: 104) – Усть-Тудовка 1, Ладыжино 3, Беливо 6В и Иенево 2 – в точности соответствует предложенной мной периодизации (Кравцов, Сорокин 1991).

Предшествующие рассуждения привели к необходимости сказать несколько слов о самой методике палинологического датирования. Полагаю, что ныне применяемое взятие палинологических колонок с перерывами между отдельными образцами, а не сплошной колонкой, не совсем корректно, так как привносит элемент случайности и не исключает возможности пропуска т.н. «перерывов в осадконакоплении». Между тем, такие «перерывы в осадконакоплении» чрезвычайно важны для понимания непрерывности формирования толщи отложений. Поскольку визуально наблюдаемая стратиграфия отражает, как правило, почвенные профили и следы переработки почвенными процессами разновременных подстилающих отложений, она далеко не всегда соответствует последовательности накопления этих отложений и накопления в них пыльцы. Сплошь и рядом визуально единой толще не является фактически единой, а отражает лишь результаты переработки отложений почвенными процессами. Поэтому разрывы между образцами могут на практике приводить к пропускам визуально не наблюдавших прослоек. Сами же по себе факты «перерывов в осадконакоплении» чрезвычайно важны для объективного установления последовательнос-

ти и непрерывности событий. В этой связи очень интересны документально установленные факты присутствия в некоторых палинологических колонках «перерывов в осадконакоплении». Они были встречены на стоянках Черная 1, Дмитровское 1, Брагино, Шильцева Заводь 5 и некоторых других. Их присутствие должно отражать процессы развеивания или уничтожения в результате других причин, предшествующих новому осадконакоплению и накоплению пыльцы отложений, а значит, и возможность «вымывания» молодой пыльцы в эти более древние отложения, то есть элемент их омоложения. В этой связи уместно обратиться к палинологической датировке стоянки Брагино – одному из немногих раскопанных памятников бассейна Верхней Оки, имеющему выразительную коллекцию.

Стоянка Брагино располагается в Перемышльском р-не Калужской области в зоне Калужско-Алексинского каньона на мысу правого берега р. Ока высотой около 25 м. Памятник раскопан автором в 1982 г. на площади 202 кв. м. Найденные находки распределялись равномерно, не образуя заметных скоплений. Коллекция включает 10091 каменный предмет. Культурный слой собственной окраски не имеет. Никаких бытовых деталей в раскопе, кроме небольшого кострища и ямы, принадлежность которых к мезолиту проблематична, не прослежено.

Формы нуклеусов разнообразны, преобладают ядрища призматической и конической форм, но многочисленны и аморфные. Они предназначались для снятия пластин и отщепов. Орудия на пластинах составляют не менее 55% среди морфологически выраженных орудий, что является достаточно высоким для памятников иеневской культуры. Количественно преобладают резцы (34,9% среди орудий). Доминируют изделия на сломе пластины с узкими кромками, среди которых многочисленны двойные и тройные экземпляры. Выразительными сериями представлены, однако, ретушные и двугранные, а также комбинированные резцы, составляющие в совокупности 33,0% общего числа. Для них более характерны широкие кромки. Скребков в комплексе 8,9%, преобладают концевые на пластинах, но многочисленны и концевые на отщепах, которых дополняют двойные, боковые, концевые – боковые, подокруглые, скребачи и с выступом. Имеются два боковых скребла. Все скобели (8,9%), за единственным исключением, одинарные, выемки дугообразные, как правило, мелкие широкие. Сверла (1,5%) с невыделенными рабочими концами или, реже, плечиковые. Комбинированные орудия (2,5%), представлены по преимуществу модификациями резцов со скребками или ножами.

Ножи составляют 5,8% в комплексе. Значительной серией представлены ножи типа федермессер. Выразительны рубящие орудия составляющие 2,5% среди орудий, в их числе трапециевидной формы, с перехватом, подовальные, обушковое и несколько аморфных. Одно из тесел имеет следы пришлифовки. Многочисленны микролиты с поперечно срезанным ретушью концом (5,6%) и косые острия (5,1%), симметричные острия, напротив, единичны (0,3%). Наконечники стрел (2,1%) разнообразны, среди них наконечник типа Лингби, аренсбургские и постаренсбургскими наконечники черешковые и с боковой выемкой, а также косолезвийные черешковые и песчаноровские наконечники. В виде примеси присутствуют обломок черешка иволистного и черешковый постсвидерский наконечники стрел. Микролиты представлены главным образом высокими асимметричными трапециями (2,6%), но есть низкая трапеция и ромбовидное острие. Помимо них имеются вкладыши из фрагментированных пластин (5,1%), отщепы (20,0%) и пластинки (24,2%) со следами утилизации. Коллекцию дополняют обломки орудий, резцовые сколы, сколы подправки лезвий орудий и псевдомикрорезцы.

Иеневская принадлежность памятника сомнений не вызывает. Как отмечалось выше, в развитии иеневской культуры может быть выделено три этапа. Для раннего этапа характерны постаренсбургские асимметричные с боковой выемкой и черешковые наконечники. Кроме них присутствуют аренсбургские формы наконечников и острия типа федермессер. В конце периода появляются косолезвийные наконечники как прототип или промежуточная форма от асимметричных наконечников с боковой выемкой к трапециям. Трапеции же и треугольники пока не известны. Второй этап знаменуется появлением трапеций при сохранении всех постаренсбургских форм. По мере омоложения возраста памятников асимметричные наконечники с боковой выемкой утрачивают свои вытянутые пропорции, превращаясь в т.н. алтыновские вкладыши; постепенно исчезают черешковые формы, но сохраняются косолезвийные наконечники и увеличиваются количественно трапеции. На заключительном третьем этапе алтыновские вкладыши, черешковые и асимметричные постаренсбургские наконечники исчезают, а косолезвийные наконечники немногочисленны. Основную роль в охотничьем вооружении играют трапеции. Точные хронологические рамки бытования типов пока не ясны, очевидно лишь то, что асимметричные наконечники с боковой выемкой присутствуют с финального палеолита, а трапеции возникают уже в

пребореале. По данной периодизации Брагино относится к началу второго этапа и должно быть отнесено к пребореальному времени. Типологическая датировка формально входит в противоречие с датировкой палинологической, однако, это противоречие, как мне представляется, лишь кажущееся. Судя по данным спорово-пыльцевого анализа (колонка в 1992 г. взята А.Е. Кравцовым, заключение выполнено Е.А. Спиридоновой), в двух нижних образцах из подстилающего находки слоя пыльцы не содержалось. Образцы 3 и 4 относятся к погребенной почве с находками, а верхних пять – к перекрывающему слою. Палинологическая датировка помещает Брагино в начало бореального периода. Тут, однако, следует отметить, что материал памятника, судя по данному спорово-пыльцевому анализу, в месте взятия образца, а также полевым наблюдениям автора переотложен за счет делювиальных процессов, поэтому полученная дата должна относиться не ко времени функционирования стоянки, а к моменту консервации переотложенного материала. Если принять это положение, противоречие между типологическим и палинологическим возрастом памятника будет преодолено. Полагаю, что некоторое удревнение возраста материала по сравнению с имеющейся палинологической датировкой оправдано в силу того, что пыльца из погребенной почвы датирует фактически лишь момент консервации переотложенного материала. Поэтому следует обратить внимание на тот факт, что и для некоторых других иеневских памятников, датированных по палинологии бореальным временем (Дальний Остров, Митино 5, Шильцева Заводь 5), и для ряда бутовских стоянок (Беливо 4 А, Борисово, Суонцево 7) определен момент консервации переотложенного материала, а не собственно время их существования. Все эти данные позволяют не просто поставить вопрос о необходимости критического отношения к палинологическим датировкам, но и искать объяснения наблюдаемому природному феномену. Полагаю, что часто прослеживаемый перерыв в осадконакоплении на памятниках лесной зоны Восточной Европы, падающий на финал плейстоцена – пребореальный период голоцен, может объясняться наличием в это время сосновых лесных массивов, которые не способствуют образованию мощных гумусных горизонтов. Это период, когда замедлены процессы почвообразования и, следовательно, накопление культурных слоев и пыльцы идет крайне медленно или не происходит вообще. Такие слои в силу их незначительности легче уничтожаются в результате природных процессов. Картина меняется с началом бо-

реального времени, когда из-за изменения экологии, усиления обвоженности и сокращения ареала сосны распространяется береза, что приводит не только к появлению более обширных открытых пространств, вызывающих неизбежную активизацию процессов разрушения рыхлых отложений, но и идет активный процесс почвообразования и осадконакопления. В этих условиях древние материалы, фактически залегавшие на поверхности или прикрытые тонким дерном, оказываются не просто погребенными более молодыми отложениями, но и заключенными, из-за активизации процессов почвообразования, в гумусные горизонты этого времени. Именно так можно объяснить условия, когда археологические находки в Брагино и других памятниках оказываются соотнесенными с более молодой по сравнению с их возрастом бореальной почвой. Следовательно, критическое отношение к источникам и в палинологии должно иметь свое место.

Данные рассуждения о закономерностях в образовании культурных слоев и процессах омоложения их возраста ни в коей мере не отрицают необходимости палинологического датирования памятников, а являются лишь попыткой разобраться с отдельными противоречиями, возникающими на стыке разных дисциплин. Они также предостерегают, что естественнонаучным методам, как и любым другим, нельзя безоглядно верить. Что и их использование требует критического подхода, особенно когда речь касается установления фактов.

Вопрос о взаимоотношении населения бутовской и иеневской культур впервые был поставлен и рассмотрен Л.В. Кольцовым. Он считает их сугубо враждебными и рисует мрачную картину конкисты и реконкисты в духе раннего средневековья (Крайнов, Кольцов 1983; Кольцов 1989). Имеющиеся данные не подтверждают, однако, этой эпопеи. Анализ источниковедчески надежных данных, выполненный автором (Кравцов, Сорокин 1991), исключает тезис Л.В. Кольцова об агрессивности населения иеневской культуры, его вторжении в бассейн и вытеснении бутовского населения на восток региона (Кольцов 1989). Не подтверждает крупных перемещений и картографирование надежных в источниковедческом отношении бутовских и иеневских стоянок. О вторжении населения иеневской культуры в Волго-Окское междуречье и вытеснении им населения бутовской культуры не может быть речи еще и потому, что иеневские стоянки, судя по дате Усть-Тудовки 1 (Жилин, Кравцов 1991), появились здесь, по-видимому, не позднее молодого дриаса, то есть раньше бутовских.

Но возникает вопрос, к какому времени относятся контакты бутовской и иеневской культур, если они вообще были? Служит ли доказательством таких контактов наличие «памятников смешанной традиции», которые имеются в Волго-Окском бассейне? Под «памятниками смешанной традиции» следует понимать комплексы, которые, обладая доминантой признаков иеневской или бутовской культур, содержат четко выраженные инокультурные черты. Например, типично иеневские косолезвийные наконечники в стоянках бутовской культуры имеются в комплексе второго жилища Петрушино и в верхнем слое Истока 1. Несколько «иеневских изделий» встречено и в бутовской стоянке Беливо 4А. Но более многочисленны иеневские комплексы, в которых имеются постсвидерские наконечники стрел. Присутствие постсвидерских наконечников в иеневских материалах можно объяснить по-разному. Оно может быть вызвано и смешанностью комплексов, и их генезисом из стоянок типа Коромка Верхнего Поднепровья (при условии чистоты последних), и стадиальностью явления и, наконец, влиянием какой-либо из постсвидерских культур. Полагаю, что вероятность случайной примеси достаточно высока и, по-видимому, она реальнее других обстоятельств. Однако можно указать и отдельные факты, которые традиционно принято рассматривать как свидетельство контактов. К таким фактам «прямого действия» было отнесено, например, присутствие плоской ретуши на типичных иеневских асимметричных наконечниках с боковой выемкой в Комягино 2Б, Дмитровской 1, на косолезвийном наконечнике в Сельцо 3, на микролитах в Беливо 4А. Таким образом, если гипотетически допустить возможность контактов иеневского населения с населением какой-либо из постсвидерских культур, то в Волго-Окском междуречье ею, скорее всего, могла быть именно бутовская культура, хотя постсвидерские наконечники есть и в рессетинских, и в пургасовских материалах. Эпизодичность постсвидерских наконечников в иеневских комплексах на фоне эволюционного развития постаренсбургских наконечников и трапеций может иметь значение в тех случаях, когда однозначно исключена смешанность коллекций, именно в пользу спорадического заимствования этой формы. Тем не менее, учитывая одинаковую вероятность всех этих гипотетических вариантов, просматривается следующее возможное решение проблемы.

Очевидно, наиболее простое объяснение встречаемости тех или иных типов одной культуры в комплексах другой культуры заключается в механическом смешении материалов.

Как выясняется, этот вариант не только наиболее простой, но и наиболее вероятный (Сорокин, 2000а; Сорокин, 2000б). Сходную ситуацию мы имеем довольно часто. Например, в памятниках типа Нобель 1 Украины и Белоруссии механически смешаны свидерские и яниславицкие материалы, в памятниках днепро-деснинской культуры – свидерские и аренсбургские материалы, в ряде скоплений на стоянке Мирное – гребениковские и кукрекские материалы и т.д. Иногда материалы памятников бассейнов крупных рек вообще сплошь и рядом смешаны, и «чистыми» остаются лишь единичные мелкие комплексы. Такую картину мы имеем, вероятно, в Посожье. Разными исследователями здесь выделены днепро-деснинская и гренская культуры, памятники типа Красновки 1 и Латки (Гурина 1965; Гурина 1966; Копыгин 1977; Копытин 1992; Ксензов 1988; Ксензов 1994, Ксензов 1996; Ксензов 1997; Археология Беларуси 1997). Если, однако, подойти к имеющимся здесь коллекциям как по преимуществу к смешанным, можно посмотреть на культурную схему этого региона и с другой стороны. В этом случае все известные на настоящее время памятники Белорусского Поднепровья распадаются на четыре группы. Первая, наиболее многочисленная, включает стоянки свидерского облика без асимметричных наконечников с боковой выемкой – это Яново, Дальнее Лядо, Журавель, Барколабово и Лудчица. Стоянка Яново отнесена Л.Л. Зализняком к памятникам типа Смячки XIV, которые представляют собой либо финальный этап свидерской культуры и, следовательно, относятся еще к финальному палеолиту, либо символизируют уже переход к мезолиту и, соответственно, должны датироваться преобразительным временем. Однако, в любом случае эти памятники сравнительно «чистые», без инокультурной примеси. Поэтому всех их правомернее связывать со свидерской культурой и датировать не позднее конца плейстоцена. При этом отсутствие челновидного свидерского нуклеуса объяснимо характером сырья – очень малым размером гальки в Посожье, что и стало непреодолимой гранью для челновидного ядра. Все остальные типы изделий свидерской культуры присутствуют в памятниках типа Яново – Барколабово, что и позволяет связывать эти памятники со Свидером.

Вторая группа представлена стоянками типа Боровка, где нет никаких свидерских или постсвидерских признаков, а имеются лишь асимметричные наконечники с боковой выемкой или их производные. Происхождение этой группы связано с аренсбургской культурой, а ближайшие аналогии, по справедливому заме-

чанию Л.Л. Зализняка, имеются в памятниках типа Песочного Рва (Зализняк 1989 1996). Вероятно, справедливее их считать «восточным вариантом аренсбургской культуры» и помещать, как и свидерские, в конец плейстоцена – начало голоцене. За этой группой можно сохранить название гренской культуры. Не возражая в целом против мнения Л.Л. Зализняка о генезисе этой культуры от аренсбургской, отмечу, что конкретное связующее звено – стоянка Боровка – выбрано Л.Л. Зализняком неудачно, так как в ней имеется высокая трапеция и, следовательно, она не может быть наиболее ранней в ряду других гренских.

В третью группу входят памятники типа Коромка – Гренск, Печенеж (?) и, вероятно, Горки, для которых характерно сочетание аренсбургских и свидерских признаков. Если Гренская стоянка, безусловно, смешанная, то об остальных памятниках однозначно этого не скажешь, хотя вероятность их смешанности очень высока. Объясняется это тем, что памятники находятся у «живой» воды и, следовательно, очень высока вероятность неоднократных посещений одного и того же места в разное время. Идею механической смешанности материалов этих памятников подтверждает и отсутствие гибридных форм, содержащих бикультурные признаки. Исходя из этого, днепро-деснинскую культуру, в которую традиционно объединяются эти памятники, следует считать как источниковедчески несостоятельной и рассматривать лишь как момент историографии, а не объективной реальности.

Наконец, четвертую группу образуют немногочисленные, но не вписывающиеся в три названных группы коллекции, такие как Красновка 1, Замошье 2 или Латки. Они явно разнокультурные и не похожи на материалы свидерской, днепро-деснинской и гренской культур. Если подойти к памятникам этой группы с точки зрения источниковедческой критики, то можно выделить в каждой из этих коллекций не менее двух компонент. Наличие бикомпонентности обязывает более строго доказывать единство этих материалов, чего пока белорусскими исследователями сделано не было. Следовательно, предположение об их возможной механической смешанности вполне правомерно.

Таким образом, представляется очевидным, что финальный палеолит и мезолит Белоруссии не выходят в культурном отношении из европейской схемы и список культур, которые были распространены в это время, соответствуют тому, что известен на сопредельных с Белоруссией территориях Польши и Украины. Всего их было, вероятно, четыре – это свидерская,

аренсбургская, коморницкая и яниславицкая культуры. Все прочие т.н. «синкретические культуры» есть не что иное, как результат источниковедческой ненадежности материала. В самом деле, смесь «свидера» и «аренсбурга» дает т.н. днепро-деснинскую культуру, смесь «свидера» и «яниславицы» – т.н. памятники типа Красновки, смесь «свидера» и «коморницы» – т.н. кундскую культуру и т.д. Если подойти к синкретическим материалам как к механически смешанным, то станет ясной причина возникновения наблюдавшегося повсеместно в Поднепровье «культурного разнообразия». Повторяемость коллекций объясняет тем, что материалы четырех вышеуказанных культур механически смешивались на одних и тех же удобных для заселения участках, что и определило их «дополнительную вариабельность».

Вполне допустимо предположить, что масса памятников в Волго-Окском междуречье также являются смешанными. Очевидно, что и здесь наличие «чистых» памятников является не рядовым явлением, а исключением, и главная задача источниковедческой критики заключается как раз в доказательстве «чистоты» любого материала. Мне представляется, что нельзя исключить смешанности материалов ни для одной из зандровых стоянок (Сорокин, 2000а; Сорокин, 2000б).

Следует при этом помнить, что критерии для разделения таких смешанных комплексов в силу объективных причин в ряде случаев отсутствуют, так как массовые материалы по большей части встречаются в любой из мезолитических культур и, следовательно, не имеют своего культуро-специфического облика. Единичные же изделия, придающие культурное своеобразие комплексам, могут оказаться в них и случайно. Очевидно, помочь разобраться в заимствовании тех или иных форм можно в том случае, если на классической форме одной из культур встречен технологический прием другой из культур. В таком случае мы будем иметь «чистое свидетельство» контакта разнокультурного населения. Однако источниковедческий анализ показал, что находки-маркеры либо вообще отсутствуют в синкретических памятниках, либо единичны и их «синкретизм» объясним иными, чем аккультурация, причинами. Во всяком случае т.н. метисных изделий намного меньше, чем коллекций с би- или поликультурными признаками. И, следовательно, единичность т.н. вещей-маркеров свидетельствует против их «метисности».

Здесь уместно совершить небольшой экскурс в общую теорию мезолитоведения и рассмотреть, что такое мезолитический памятник

и чем определяется его специфика в качестве источника. Мезолитоведы, в том числе и автор этих строк, склонны считать, что мезолит является важным этапом в развитии первобытного общества. Это была эпоха коренных изменений материальной культуры, своеобразная адаптивная реакция человека на глобальные экологические изменения рубежа плейстоцена – голоцене. Мезолит лесной зоны Восточной Европы не был эпохой кризиса и деградации. Это закономерный, поступательный этап в развитии районов, расположенных на периферии ойкумены того времени. Выявление характерных черт культуры и хозяйства мезолита лесной зоны позволяет ярче представить содержание закона неравномерности исторического развития. Однако, и при исследовании глобальных проблем важно не только придерживаться принципа конкретно-исторического подхода, реальной оценки наблюдаемого в поле, но и соблюдать принцип достоверности источника. Археологические источники специфичны уже потому, что они вещественные. Тем не менее, этим далеко не исчерпывается их специфика. На состояние археологических источников огромное влияние оказывает не только их сохранность, но и среда их «обитания», формирующая, вмещающая и трансформирующая археологические источники. Немаловажную роль играет и полевая методика. От того, как памятник раскопан и зафиксирован, зависит и его интерпретация.

Анализ показывает, что наибольшее количество известных в настоящее время мезолитических памятников Европы сосредоточено в зандровой зоне. В силу географических и физических особенностей полесий на всем необъятном пространстве территории Европейских зандровых низменностей от Британии до Приураля протекали одни и те же процессы, которые привели, в конечном итоге, не только к выработке определенного образа жизни, но и вызвали проявление общих закономерностей в формировании, сохранности и специфике тех источников, которые мы исследуем. Например, стратиграфия всех зандровых памятников определяется не столько археологическими признаками, сколько естественными почвенными профлиями и литологией вмещающих песчаных отложений. А закономерности распределения артефактов на памятниках отвечает термин «горизонт залегания находок». Традиционные полевые методики раскопок по штыкам, условным и литологическим горизонтам, широко применяемые в XX веке, не отвечают главному – сохранению информации о структуре слоев и пространственном распределении в них материалов. Как правило, в результате раскопок с ис-

пользованием этих методик мы получаем не «модель исследованного объекта», которая сохраняет закодированную в памятнике информацию, но фактически при раскопках искается и утрачивается то наиболее ценное, что в нем содержалось, а именно – пространственная структура. Голоценовые почвы, к которым приурочены мезолитические стоянки, представляют собой динамичную среду, подверженную разного рода трансформациям. Объективная археологическая реконструкция возможна лишь при условии, что зафиксирован конечный результат метаморфоз и определено, какие процессы и в какой мере влияли на разрушение культурного слоя и перемещение в нем объектов и артефактов. Современная практика показала, что методика пространственной фиксации и графического моделирования дает возможность выявить наличие и оценить степень этих негативных последствий.

При изучении мезолитических памятников мы постоянно сталкиваемся с би- или поликультурными комплексами, то есть такими, в которых имеются признаки двух или нескольких разных культур. Обычно их наличие служит основанием для утверждения о взаимодействии разных групп древнего населения. Полевая практика, однако, показывает, что в условиях зандров постоянно существуют предпосылки для механического смешения материалов и метисация осуществляется естественным путем – без вмешательства человека. Анализ археологических источников и литературы свидетельствует, что роль природных факторов в генезисе синкретических памятников ранее серьезно недооценивалась (Кольцов 1998).

Культурное многообразие, которое наблюдается на территории полесий, могло быть вызвано рядом причин: 1) географической локализацией памятников, 2) их разновременностью, 3) геоморфологическими условиями, 4) наличием контактных зон и, наконец, 5) смешанностью материалов. Разработка этой проблематики и экстраполяция полученных данных на восточно-европейские материалы в ходе работы над темой позволили выйти на общеметодологические проблемы источниковедения мезолита.

Под источниками в археологии следует понимать теорию и методику изучения и использования археологических источников, а под источниками – специфику в качестве источников памятников названного времени. Поскольку большинство мезолитических стоянок Восточной Европы располагается на территориях зандровых низменностей и свя-

зано с песчаными отложениями, необходимо установить, как проявляется приуроченность к зандровым ландшафтам в формировании и в характере источника, который мы исследуем?

Изучение полесий Восточной Европы показывает, что для них абсолютно стандартна ситуация поликультурности. Во всех сравнительно полно изученных регионах присутствуют не только «чистые» памятники разных культур, но и всегда имеются памятники с метисными признаками. Повторяемость полиморфных «комплексов» создает эффект их «объективной реальности». Однако, в ряде случаев синкетические «комpleксы», даже при условии их повторяемости, возникают не в результате взаимодействия древнего населения, а образуются как итог метаморфоз источника и парадокс источниковедения.

В тех случаях, когда факт смешанности не очевиден, наличие метисных памятников обычно интерпретируется как свидетельство связей населения, а регионы, где они присутствуют, называют «контактными зонами». Термин «контактная зона» заимствован из этнографии, где он обозначает географическое пространство, в пределах которого происходит взаимодействие разных этносов (Андреанов, Чебоксаров 1985). Специфика понятия «контактная зона» в археологии состоит в том, что она не дана археологу непосредственно, а реконструируется в результате определенных исследовательских процедур. Впрочем, и для этнографов вопросы этно-культурных контактов, характер возникающих при этом связей и следы их материализации представляют одну из самых сложных областей исследования, которая требует фронтального сопоставления всех данных. Что же тогда говорить об археологии, где объектом исследования являются даже не сами процессы взаимодействия народов, а всего лишь их специфические следы.

Поскольку на территории Восточной Европы нет зандровых низменностей, в которых бы не было признаков «контактных зон», кроме отдельных локальных и слабо обследованных участков, логично предположить, что имело место не массовое взаимодействие разнокультурного и, часто, враждебного населения, а нечто другое, более реальное, но менее уловимое, в отличие от традиционного подхода, когда любой случай сочетаемости разнокультурных находок воспринимается за контакт популяций. Конечно, нелепо вообще отвергать контакты населения в древности, но были ли они столь часты, чтобы число синкетических памятников приближалось или даже превышало число памятников, где таких признаков нет? И доста-

точно ли для констатации взаимодействия лишь сочетания разных находок на памятнике? Ответ очевиден.

Методологически важно то, что контактировать может только одновременно живущее население, а люди, отделенные друг от друга во времени, не могут непосредственно взаимодействовать друг с другом. Тем не менее, *археологически довольно обычна ситуация, когда на одном памятнике в пределах одного слоя присутствуют заведомо разновременные материалы*. Это позволяет предположить, что метисация может возникать и по не зависящим от человека причинам. Таким образом, синкетические материалы могут образовываться в результате культурных и «внекультурных» процессов. Разницу в природе наблюдаемых археологически явлений при формальном сходстве их результатов следует подчеркнуть особо: и при участии людей, и при «игре природных сил» результат в обоих случаях будет одним – при раскопках будет получена синкетическая коллекция. Поскольку без сознательного ограничения разделение археологически наблюдаемых признаков на природные и историко-культурные невозможно, то в качестве такого ограничения могут быть предложены гибридные (метисные) находки и технологии, которые являются своеобразными «маркерами контактов» разных этносов. Их отсутствие в поликультурных комплексах может расцениваться как указание на естественную природу наблюданного явления (механическое смешение материалов), а присутствие – со всей очевидностью указывает на генетическую связь.

Нет сомнения, что контакты населения начались не с мгновенного появления метисных предметов и технологий, а с обмена отдельными готовыми изделиями. Тем не менее, если на памятнике имеется только сочетание разнокультурных находок и нет «находок-маркеров», вряд ли оправдано считать это бесспорным свидетельством культурного взаимодействия в силу высокой вероятности механического происхождения таких материалов. При нынешней изученности мезолита Восточной Европы, при отсутствии серии независимых дат, позволяющих строго синхронизировать отдельные памятники, нельзя отличить, когда имел место обмен вещами, а когда случайное смешение находок, оставленных подвижным мезолитическим населением, посетившим одно и тоже место. При этом ссылка на этнографические данные о самой возможности контактов разных этносов вряд ли уместна, так как мы не знаем ни конкретной численности древнего населения, проживавшего на любой территории, ни их одинако-

вого возраста, т.е., была ли вообще возможность для взаимодействия разных популяций. По мере общественного развития население возрастало и возможность возникновения контактов повышалась, но это не значит, что она была и реализовалась в древности постоянно. И это не значит, что любой синкретический памятник и даже их серия механически не смешаны. Традиционно, однако, само присутствие стоянок с би- или поликультурными признаками интерпретируется как свидетельство контакта (Кольцов 1998). Уместно, однако, спросить, а на чем основывается такой вывод? Сказать, что только на интуиции конкретного исследователя, было бы справедливо лишь отчасти. Ведь археолог при раскопках действительно наблюдает и фиксирует эти «комплексы». В тех случаях, когда синкретические материалы повторяются, создается подобие аксиомы. Тем не менее, это либо ошибка, возникшая вследствие неверной интерпретации наблюдений, либо сознательное искажение фактов. Данный источниковедческий аспект всегда нужно иметь в виду, чтобы не абсолютизировать наблюдаемое, а четко понимать, с каким источником в каждом конкретном случае мы имеем дело, и каким метаморфозам он мог подвергнуться прежде, чем стал достоянием археолога-исследователя и археолога-читателя.

Отсутствие четких критериев для различения результатов процессов аккультурации и механического смешения обязывает воздерживаться от констатации обмена или контакта по тем материалам, в которых нет «находок-маркеров». В результате обмена, то есть эпизодических связей, сложения новой материальной культуры не будет. Новая культура – это не столько итог постоянного взаимодействия разных популяций, сколько процесс их слияния и рождения нового качества. В результате ответ на вопрос, могут ли быть массовыми контакты древнего населения при отсутствии «вещей-маркеров», напрашивается сам собой. Не могут. Присутствие на зандровых низменностях множества синкретических памятников заставляет предположить, что здесь протекали какие-то другие, более реальные и вполне объективные процессы, результатом которых было естественное образование поликультурных материалов. Очевидно, что в качестве такого глобального и объективного явления могут рассматривать природные процессы. Их негативное воздействие и может быть тем механизмом, который вызывает трансформацию археологических памятников, приводит к образованию синкретических источников. Поскольку почвенные процессы – это природные явления,

которые происходят в голоцене при известных условиях повсеместно, можно предположить, что их воздействие не просто закономерно и проявляется повсюду, но именно они служат главной причиной метаморфоз, происходящих с памятниками. Почва – это динамичная, открытая система, в которой действует множество процессов, перемещающихся из одного места в другое не только почвенные материалы, но и артефакты, включая объекты. В ходе формирования почв действуют две противоположные тенденции: горизонтизация, или, иначе, дифференциация на профили, и гомогенизация, когда образование горизонтов затрудняется и их содержимое перемешивается. Процессы гомогенизации имеют общее название «педотурбация», являющееся синонимом термина «перемешивание почвы».

Судя по естественнонаучным данным, всеобщий характер почвообразования и педотурбации является тем конкретным и основным, правда, далеко не единственным механизмом, который обладает способностью метаморфозы – превращения слоя из той субстанции, как он сформировался, в то состояние, в котором он достается археологу для непосредственного изучения. Культурные слои под воздействием почвенных процессов существенно видоизменяются, а культурные остатки в них могут погружаться в почву и концентрироваться в глубинных слоях или, напротив, выталкиваться на поверхность, могут переориентироваться и перемещаться в разных направлениях, наконец, дифференцироваться по размерам и расслаиваться на фракции. Результатом этого могут быть ложные ассоциации артефактов с сопутствующими искажениями в интерпретации. Поэтому точная оценка педотурбации отложений на каждой стоянке абсолютно необходима для правильной археологической реконструкции.

Совместные исследования почвоведов и археологов показывают, что с почвенными процессами связано объективное действие «механизма поликультурности». Для понимания причины его «запуска» крайне важно следующее обстоятельство. Любой полевой исследователь постоянно сталкивается с фактом, которому до сих пор не придавалось должного значения. Этот факт заключается в том, что и во время разведок, и при раскопках находки начинают встречаться уже на современной дневной поверхности. Совершенно очевидно, что это не обман зрения, а закономерная и абсолютно стандартная ситуация. Присутствие находок на дневной поверхности есть главный признак дистurbации слоя. Но из этого наблюдения неминуемо следует крайне важный вывод: в древ-

ности ситуация была абсолютно такой же. И в древности часть артефактов тоже находилась на поверхности. Причина этого заключается не в том, что накопление перекрывающих отложений вообще не происходило или что оно шло слишком медленно, а в том, что в голоцене постоянно действуют процессы почвообразования и педотурбации. Поскольку их действие наиболее активно проявляется в поверхностном слое, это обеспечивает «вынос» части изделий вверх, на дневную поверхность. Из-за почвенных процессов при обычной скорости накопления перекрывающих отложений в каждый конкретный момент человек, приходя на место, которое до него уже было кем-то однажды занято, селился непосредственно на культурном слое предшествующего времени. Постоянство почвенных процессов и стандартное отсутствие из-за этого перекрывающих отложений являются главными причинами непосредственного «контакта» разновременных вещей и образования метисных «комплексов». Если для обозначения культурного взаимодействия в науке употребляется термин «аккультурация», то для обозначения природного генезиса «поликультурности» можно предложить термин натурация (от латинских слов *nature* – природа и *ratio* – мысль, замысел или иначе – *природный «замысел»*). Натурация – это объективный природный закон образования «поликультурных археологических источников». Из-за случайного планиграфического совпадения или наложения одно- и разновременных, одно- и разнокультурных находок под воздействием природных процессов запускался «механизм поликультурности» и происходило формирование археологических источников особого рода. Планиграфическое совпадение неминуемо возникало в наиболее удобных для жизни местах конкретного водоема, поэтому постоянно реализовывалась ситуация дублирования поликультурных «комплексов». Действие природных факторов носит объективный характер, поэтому мы постоянно сталкиваемся с фактами естественного «генезиса поликультурных комплексов» или феноменом натурации.

При неоднократном использовании одних и тех же мест одним и тем же населением нивелируются хронологические различия в комплексах и происходит планиграфическое «смазывание» разновременных и разнофункциональных скоплений. В действие как бы включается механизм «культурной нивелировки». При посещении одних и тех же мест населением разных культурных традиций из-за натурации нивелируются культурные, хронологические и функциональные различия между ними. Это приводит к «возникновению» синкретических коллекций.

В таких случаях мы наблюдаем действие механизма «естественной поликультурности». И «культурная нивелировка», и «естественная поликультурность» – главные причины информационного шума, «размытости» признаков и культурного многообразия. Подтверждением этому служат наблюдения, полученные при раскопках торфяниковых стоянок: суходолы, как правило, стратиграфически «смазаны», а находки в них смешаны, шлейфы, напротив, дают прекрасную стратиграфию разновременных слоев и находок.

В пределах полесий не так много участков, удобных для заселения, причем всегда есть такие, которые доступны в течение длительного времени. Именно здесь сосредоточены наиболее выразительные т.н. «многослойные» памятники. Археологи, раскапывая повторяющиеся «комплексы» одного периода с синкретическими признаками, могут воспринимать наблюдаемое за реально установленные факты, и лишь вопрос времени, когда их количественные наблюдения приведут к «качественному» выводу о «закономерности поликультурных комплексов». Таким способом возникает источниково-ческий эффект «генезиса» метисных археологических культур.

Крайне негативную роль в появлении синкретизма играет и полевая методика: при раскопках на косой штык или по условным и литологическим горизонтам происходит разрушение пространственной структуры распределения находок. В результате этого памятник из стратифицированного искусственно превращается в нестратифицированный, а коллекция – в метисную. Недаром чаще всего четкие «поликультурные» признаки дает подъемный материал, то есть тогда, когда археолог изначально имеет дело с механически образованной коллекцией, оторванной от контекста.

Для приведения в действие «механизма естественной поликультурности» необходимо: 1) планиграфическое совпадение двух или большего числа памятников разных культур; 2) «включение» слоев памятников в почвенные профили; 3) присутствие в качестве заполнителя рыхлых отложений; 4) действие процессов педотурбации, развеивания, аллювиальных, делювиальных и др. Опыт показывает, что обязательным является первое условие, а остальные могут присутствовать либо все, либо выборочно. Результат также может быть полным или частичным.

Проверка гипотезы «естественного генезиса поликультурности» осуществлена на примере Литвы, памятники которой опубликованы в классической монографии Р.К. Римантене (1971). Названный регион не входит в главный

пояс полесий Восточной Европы, но в геоморфологическом отношении это абсолютно такая же зандровая низменность, поэтому использование территории Понеманья в качестве контрольного полигона, с учетом других причин, вполне оправдано.

В палеолите региона Р.К. Римантене выделяет стоянки аренсбургской и свидерской культуры, в раннем мезолите – маглемозской культуры, и в конце мезолита – памятники синкетической неманской культуры.

Опушу конкретный анализ и перейду непосредственно к выводам. 1) Отсутствие «находок-маркеров» позволяет рассматривать появление синкетических материалов не как результат взаимодействия древнего населения, а как итог механического смешения. 2) «Метисация» материалов наблюдается прежде всего тогда, когда, помимо сравнительно большой площади скоплений, присутствует приуроченность стоянок к удобным формам рельефа. 3) Утверждение Р.К. Римантене о взаимосвязи аренсбургского, свидерского и маглемозского населения не подтверждается наблюдениями. 4) Т.н. «взаимодействие мезолитических яниславицких и финально-палеолитических элементов» – итог источниковедческой ненадежности коллекций неманской культуры. 5) Вывод Р.К. Римантене о том, что «Литва и западная часть Белоруссии составляли единую контактную зону» преждевременен.

Означает ли сказанное полное отрицание контактов древнего населения Литвы? Конечно, нет, но основанием для выводов о контактах должен быть строгий источниковедческий анализ, серия дат и массовое присутствие «метисных» изделий. Только в этом случае культурная схема любого региона превратится из гадания и правила «сложения культур» в доказанную на фактах этнокультурную картину.

Феномен натурации сказывается наиболее существенно на памятниках полесий, но *натурация характерна не только для зандровых низменностей, она носит всеобщий характер*. В качестве примера действия натурации в других геоморфологических районах можно привести широко известную мезолитическую стоянку Мирное, которая расположена на Причерноморской низменности.

По данным исследователя памятника В.Н. Станко, образование опесчаненного суглинка – культурного слоя – произошло в раннем голоцене. С почвенными процессами среднеголоценового времени связано накопление светло-коричневых суглинков (погребенной почвы), перекрывших культурный слой и «содержащих довольно значительное количество

кремневых изделий» (Станко 1982: 8). Эта оговорка автора монографии весьма симптоматична: несмотря на все последующие утверждения В.Н. Станко о целостности и непереотложности культурного слоя памятника, она однозначно свидетельствует о факте его разрушения и имевшемся (причем неосознанно зафиксированном) перемещении находок.

Процесс формирования погребенной почвы был прерван накоплением торфянистых суглинков, отложившихся в период новочерноморской трансгрессии и содержащих энеолитические находки. В результате этого – по мнению В.Н. Станко – разрушение культурного слоя было остановлено и произошла его консервация. С этим утверждением автора вряд ли можно согласиться, так как в этом же абзаце он продолжает: *«Малочисленность находок мезолитического времени в верхних горизонтах... следует объяснять разрушением культурного слоя землеройными животными, кротовины которых здесь достаточно многочисленны»*. Если же учесть замечание В.Н. Станко о том, что *в период новочерноморской трансгрессии территория поселения была затоплена водами Черного моря, что привело к консервации культурного слоя*, станет ясна вся ошибочность его утверждений и о консервации мезолитического слоя и об его несмешанности. Если бы мезолитический слой был действительно «законсервирован отложениями новочерноморской трансгрессии» никакие мезолитические находки в верхних горизонтах бы не встречались! А раз они встречены – о чем говорит факт их присутствия, – процесс дистurbации мезолитического культурного слоя (вернее, слоев) шел и в это время. Чтобы это утверждение не прозвучало голословным, уместно привести данные В.Н. Станко о том, что в верхних слоях, «раскапывавшихся лопатой и легко удалявшихся без предварительного вскапывания» (Станко 1982: 14)... «было найдено 4175 каменных изделий» (там же: 66). При том условии, что сам мезолитический слой дал 20593 каменных предмета, хотя раскапывался исключительно ножами и совками, соотношение цифр более чем впечатляющее: свыше 20 % всех находок оказалась вне пределов мезолитического слоя. Фактическое же соотношение, учитывая разницу методик раскопок, должно быть еще более шокирующим. Нет сомнения и в другом: когда торфянистые суглинки перекрыли мезолитические слои, находки в них уже были перемешаны и т.н. «консервация» ничего уже не могла по сути изменить. Предполагать, что происходил вынос находок из слоя без перемешивания части из них в пределах

самого слоя, явно абсурдно. Этот вывод подтверждает и фото 3, где изображены очажные пятна. На нем очень хорошо видны не только ходы землеройных животных в слое и вокруг очагов, но и то, что периметр пятен остался «не добрая», что позволяет сделать однозначный вывод: мезолитические находки на стоянке Мирное были смешаны и переотложены как вне мезолитического слоя, так и внутри него.

Вывод о смешении материалов кукрекской и гребениковской культур, вопреки мнению В.Н. Станко, подтверждает и приведенный в монографии планиграфический анализ инвентаря. Всего исследователем в раскопе выделено 4 «чистых» скопления каменных изделий и 14 – со «смазанными» микроструктурами. В.Н. Станко считает присутствие разных видов скоплений доказательством «надежности планиграфической структуры поселения и признаком четкого обособления разных общин по территории поселения», а факт совместного залегания разнокультурного инвентаря – свидетельством «локализации разнотнических семей, местом их совместного проживания» (Станко 1982: 66, 117-131). С таким утверждением В.Н. Станко можно было бы согласиться, если бы кроме т.н. «смазанных» скоплений были найдены «вещи-маркеры», но именно их на памятнике как раз и нет. Если бы хоть одна находка с бикультурными признаками была, В.Н. Станко, при его скрупулезности, не мог бы пройти мимо такого факта. Нет и гибридных технологий. Следовательно, нельзя признать факт совместного залегания в Мирном разнокультурных вещей за свидетельство контакта населения, их оставившего. Особенно, если это относится к памятнику, на котором самим исследователем отмечены четкие признаки нарушения слоя в результате фаунотурбации. Более того, в тексте монографии написано: «Чрезвычайно интересные и в какой-то мере неожиданные результаты были получены при морфологическом анализе каменного инвентаря отдельных скоплений и их групп. Выяснилось, что кремневый инвентарь неоднороден и четко делится на две группы как по технике первичной обработки камня, так и по набору изделий со вторичной обработкой. Обе технологические традиции изготовления каменного инвентаря прослежены как в изолированных скоплениях, так и в «смазанных» зонах. Кукрекские изделия встречаются только с «кукрекским набором», гребениковские – с «гребениковским набором»» (Станко 1982: 78, 79). Комментарии, как говорится, излишни.

Исходя из этого, нет сомнения, что гребениковские и кукрекские материалы оказались

механически смешаны в результате фаунотурбации, которая привела к образованию 14 бикультурных «комплексов». Случайная «чистота» четырех скоплений объясняется их планиграфическим несовпадением друг с другом.

Все изложенные факты позволяют считать, что в Мирном из-за активного растаскивания землеройными животными произошло механическое смешение разных слоев и находок, детально зафиксированное и описанное, но так и не понятое автором полевых работ. Следовательно, Мирное можно интерпретировать как остатки нескольких разновременных сезонных стоянок разных групп кукрекского и гребениковского населения, которые непосредственно не взаимодействовали между собой. Коллекция с бикультурными признаками образовалась в результате натурации. Подтверждением данного вывода служит и ремарка самого В.Н. Станко о том, что «тип поселения в Мирном не имеет близких аналогий среди памятников гребениковской и кукрекской культур» (Станко 1982: 80). Вероятно, малочисленность населения обеих культур и подвижный образ жизни позволили создать «эффект наложения разнокультурных стоянок» только в одном, исследованном к 1982 г., месте – стоянке Мирное. Ибо Мирное, в отличие от других северо-причерноморских стоянок, занимает наиболее выгодное географическое положение в устье р. Дракули. Следовательно, реконструкцию В.Н. Станко экономического и социального устройства в мезолите степей Северного Причерноморья нельзя признать достоверной.

Выводы. Характер отложений, в которых залегают слои большинства мезолитических стоянок Восточной Европы, непосредственным образом сказывается на состоянии изучаемого археологами источника. Естественное возникновение поликультурных комплексов – это объективная сторона источника по мезолиту Восточной Европы. Культурное многообразие, которое мы наблюдаем на примере полесских стоянок, сплошь и рядом бывает мнимым, сугубо источникедческим, а никак не культурно-историческим. Главный парадокс источниковедения состоит в том, что археологические источники образуются не только и даже не столько при жизни человека, сколько тогда, когда культурный слой памятника уже сформировался. Момент «прижизненного формирования источника», безусловно, важен, так как он определяет тип памятника. Однако, это лишь начальное звено в цепочке метаморфоз, происходящих с источником. Главным движущим механизмом метаморфоз, действующим на «потенциальный источник», являются почвенные процессы.

Археологическая фиксация «поликультурного комплекса», возникшего в результате натурации, вещь вполне обыденная. Вместе с тем, это и есть главный шаг в создании неадекватной исторической картины. Другой, не менее важный, механизм образования «поликультурных комплексов» – это методика полевых исследований. И сборы подъемного материала, и «научные» раскопки по штыкам, условным или литологическим горизонтам – это формирование такого источника, которого нет в природе. Разрушение пространственной структуры памятника, происходящее при использовании названных полевых методик, – основной субъективный фактор в создании искаженного «источника». Менее существенно на метаморфозы с источником влияют условия хранения материалов, но и о них не следует забывать. Еще один способ создания многочисленных археологических мифов – неразборчивость в выборе коллекций для анализа. Любая попытка глобального охвата материалов без оценки их достоверности и надежности – это самый простой способ создания очередного историко-культурного мифа. Этнокультурная история, написанная на основе достоверных источников, всегда будет отличаться от интуитивных историй каменного века. Да, без интуиции науки не бывает, но точно также ее не бывает на одной интуиции, без фактов. Фактов достоверных, а не мнимых.

Для установления природы поликультурности (аккультурации или натурации) могут быть использованы пространственное распределение материалов, ремонтаж, оценка геоморфологической приуроченности памятников, генезис, состав и механизм разрушения слоев, изменения в пространственной структуре памятника и непременная источниковедческая критика. Только всесторонний учет специфики памятников и доказательство их источниковедческой надежности могут служить основой для этнокультурных построений в археологии.

Источниковедческая критика позволяет отказаться от идеи образования культур в результате «сложения» их признаков (Кольцов 1978), а также утверждать об источниковедческой несостоятельности днепро-деснинской культуры Белоруссии, неманской культуры Литвы, елиноворской культуры Волго-Окского междуруечья и многочисленных «реконструкций древней истории» вроде кундско-бутовской общности, кукрекско-гребениковского симбиоза или генезиса неолита с ямочно-гребенчатой керамикой Украины на основе индустрии типа Студенок. Факты показывают необходимость критического отношения к источнику. Критика ис-

точника дает возможность по-новому взглянуть на старые привычные материалы и проблемы, с ними связанные. Во всяком случае, значительно видоизменить всю, уже ставшую привычной, картину.

«Взвешивание» признаков контактных зон показывает недостаточность аргументации в пользу процессов аккультурации в мезолите Восточной Европы. Вопрос о признании полесья Восточной Европы «контактными зонами», верный в плане теоретической постановки, не находит практического подтверждения в археологических материалах. Это со всей очевидностью приводит к необходимости разработки археологических признаков понятий «контактных зон», аккультурации и метисации.

Для выводов о культурном взаимодействии свидерского и аренсбургского, свидерского и яниславицкого, свидерского и маглемозского, кукрекского и гребениковского населения строгих оснований нет. А есть лишь метаморфозы и специфика самого источника. Поэтому только всесторонний учет характера памятников и доказательство их источниковедческой надежности могут служить основой для этнокультурных построений в археологии.

Теперь следует вернуться к проблеме бутовско-иеневского взаимодействия. В результате источниковедческой критики было установлено, что девять из 12 т.н. «памятников смешанной традиции» (Брагино, Высокино 6, Дмитровское 1, Журавец 1, Иенево 2, Коприно, Крапивец, Староконстантиновская IV и Тростенская 3С) вообще не пригодны для источниковедческого анализа из-за неудовлетворительной методики полевого исследования, состояния коллекций и документации. Поэтому те единичные находки-маркеры, которые в некоторых из них встречаются, не могут быть исключительно «индикаторами контакта». Требованиям критики отвечают всего лишь три мещерских стоянки – Беливо 4А, Шильцева Заводь 5 и Исток 1. В Беливо 4А «вертикальная слоистость» не установлена. Нанесение на план «культуро-определяющих» орудий обеих культур показало, что они никак не группируются. Планиграфически выделено несколько микроскоплений, но ни в одном из них нет совместного залегания бутовских и иеневских изделий. Учитывая значительный разброс дат и исходя из планиграфии находок, Е.В. Леонова приходит в выводу о том, что памятник представляет собой «совокупность нескольких отдельных стоянок», бытавших в разное время (Леонова 1998). С этим можно согласиться, но интересно другое: в Беливо 4А есть иеневский наконечник с боковой выемкой, брюшко которого подправлено плос-

кой ретушью, и другой экземпляр, черешок которого обработан на спинке плоской ретушью. Если первый наконечник еще может рассматриваться в качестве «метисного» изделия, то на втором плоская ретушь использована исключительно в утилитарных целях. Следовательно, единичность метисного изделия на фоне отсутствия сочетаемости разнокультурных находок в микроскоплениях скорее свидетельствует в пользу образования бикультурного «комплекса» в результате натурации или, иначе говоря, механического смешения, чем в итоге аккультурации.

В Шильцевой Заводи 5 мощность слоя достигает до 1 м. Все находки по глубинам залегания не разносились, но сделано интересное наблюдение по пространственному распределению наконечников. Из 10 иеневских наконечников с боковой выемкой глубина залегания установлена для девяти: -41, -71, -71, -80, -86, -90, -93, -98, и -106 см, т.е. «разброс» по вертикали составляет 65 см. На памятнике имеются четкие признаки фаунотурбации. Поэтому, исключив первый из наконечников, можно заметить, что все остальные происходят с отметок от -71 до -106, т.е. мощность слоя в 35 см вполне осозаема и конкретна. Из семи постсвидерских наконечников глубина установлена для пяти, она равна -35, -39, -43, -50 и -60 см, т.е. их «разброс» по вертикали составляет 25 см. Сравнение данных показывает, что бутовские наконечники залегают выше иеневских и фактически не пересекаются с ними по глубинам, причем между ними, вероятно, имеется стерильная прослойка мощностью не менее 11 см. Отсутствие в коллекции «находок-маркеров» на фоне четкого деления бутовских и иеневских наконечников по глубинам залегания позволяет утверждать, что в Шильцевой Заводи 5 мы имеем дело с разновременными стоянками двух разных культур. Косвенно это подтверждают и палинологические данные, по которым устанавливается перерыв в осадконакоплении между образцами из низа слоя с иеневскими материалами и образцами из верха слоя с бутовскими материалами. Таким образом, источниковедческий анализ дает основание утверждать, что бутовские и иеневские находки в Шильцевой Заводи 5 не смешаны друг с другом и рассмотрение их в качестве единой коллекции приведет к искусственному смешению материалов, т.е. к возникновению эффекта бикультурного «комплекса».

Во время камеральной обработки материалов стоянки Исток 1 были составлены графы пространственного распределения находок всего раскопа. Они подтвердили полевые наблюдения о присутствии на памятнике двух уров-

ней залегания находок, как правило, разделенных стерильной прослойкой мощность от 0,1 до 0,45 м. В тех случаях, когда стерильной прослойки нет, ее отсутствие можно объяснить фактами фауно- и флоротурбации. Для чистоты эксперимента при камеральной обработке материал верхнего слоя был разделен на два комплекса, в первый, названный Исток 1А, были отнесены находки из стратиграфически «чистых» квадратов, во второй, названный Исток 1Б, – из квадратов без стерильной прослойки, где находки верхнего и нижнего слоев могли быть смешаны. Типологический состав коллекций верхнего (Исток 1А и 1Б) и нижнего слоев, в которых представлены все категории охотниччьего вооружения и обрабатывающих орудий, является поселенческим, а число орудий в них достаточно для выводов, поэтому сравнение одинаковых по характеру, но разных по объему выборок вполне корректно. Коллекция нижнего слоя отнесена к поздним памятникам аренсбургской культуры или раннему этапу иеневской культуры, так как объединяет признаки обеих. Фрагментарность предметов охотниччьего вооружения не дает основания для однозначного вывода об их культурной принадлежности. Возраст нижнего слоя стоянки Исток 1 определяется рубежом плейстоцена – голоценом. Материал Истока 1А относится к бутовской культуре и датируется началом бореального времени. В нем не содержится никаких инокультурных примесей, кроме единственного срединного резца, в качестве заготовки для которого использован черешок иеневского наконечника с боковой выемкой. Коллекции Истока 1А и Истока 1Б практически идентичны, но во второй имеются два признака, которые могут быть расценены как свидетельство попадания изделий из нижнего слоя. В частности, в Истоке 1Б немного ниже показатель пластинчатости (48% против 58% в Истоке 1А) и присутствует постсвидерский наконечник стрелы с асимметричным черепком, который может рассматриваться как подражание наконечнику с боковой выемкой.

Нижний слой памятника лишен каких-либо бутовских признаков и является «чистым» комплексом. Верхний культурный слой также «не выпадает» из общих представлений о бутовской культуре. Обе своеобразные находки, найденные в нем, не могут однозначно расцениваться как метисные формы. Так, резцовый скол мог возникнуть при ударе или быть нанесен на случайно подобранный сломанный наконечник с боковой выемкой, а асимметрия бутовского наконечника может объясняться браком. Показатель пластинчатости также не является постоянной величиной, он варьирует в разных ком-

плексах одного памятника и, следовательно, не может однозначно интерпретироваться как доказательство заимствования или влияния, тем более, что он не выходит из средних показателей бутовской культуры. Таким образом, и Исток 1 не дает неопровергимых доказательств бутовско-иеневского взаимодействия. Следует отметить, что при раскопках по условным горизонтам было бы нарушено пространственное распределение артефактов и материал превратился бы в бикультурный.

Проведенный источниковедческий анализ свидетельствует: 1) в Шильцевой Заводи 5 и Истоке 1 бутовские и иеневские находки, несмотря на возможную частичную смешанность, залигают в разных культурных слоях и довольно надежно разделены на отдельные комплексы. Их «бикультурность» может быть только источником, но никак не культурной. В Беливо 4А бутовские и иеневские изделия планиграфически на разные комплексы не разделяются, но сочетаемость разнокультурных элементов в микроскоплениях отсутствует, что не позволяет рассматривать эти материалы как культурно единые. 2) «Метисных» изделий нет в Шильцевой Заводи 5, а в Беливо 4А и Истоке 1 они единичны, причем сам факт их «метисности» сомнителен, и его можно объяснить иными причинами. 3) Девять из 12 памятников «смешанной традиции» не пригодны для источниковедческого анализа. В свою очередь, три мещерских стоянки не дают бесспорных доказательств взаимодействия бутовского и иеневского населения. 4) Отсутствие массового числа метисных изделий, присутствие на памятниках признаков фауно- и флоротурбации и высокая вероятность, в силу этого, механического смешения находок из-за случайного планиграфического совпадения разнокультурных находок позволяют утверждать, что данных для вывода об образовании бутовско-иеневских памятников «смешанной традиции» в результате аккультурации недостаточно, напротив, их генезис в результате натурации представляется достаточно очевидным. К таким же выводам, как видно выше, удалось прийти и при анализе памятников других культур и регионов главного пояса полесий Восточной Европы.

Напротив, М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов всерьез полагают, что «... лезвие шлифованного тесла в Сельце 3 говорит о влиянии бутовской культуры на иеневскую» (Кольцов, Жилин 1999: 66), а картина взаимоотношений в мезолите, которую они рисуют, – это эпическое полотно с батальными элементами. Цитирую: «Бутовская культура... существовала в раннем голоцене, захватывая вторую половину преобреального,

весь бореальный и начало атлантического периода...» (Кольцов, Жилин 1999: 84); «На поздних ступенях развития бутовская культура захватывает нижнее течение Оки...» (Кольцов, Жилин 1999: 91); «исследуемая культура входит в круг постсвидерских мезолитических культур, который захватывает значительную часть северной половины Европы» (Кольцов, Жилин 1999: 77). «Бутовская культура существовала в окружении существующих с ней мезолитических культур» (Кольцов, Жилин 1999: 76); «... следует признать мощные контакты на этой ступени кундской и бутовской культур...» (Кольцов, Жилин 1999: 91); «Постсвидерское население в Верхнем Поволжье и Поочье столкнулось с потомками наследников Усть-Тудовки – иеневской культурой» (Кольцов, Жилин 1999: 90); «... с усть-камской культурой у «бутовцев» не было никаких контактов» (Кольцов, Жилин 1999: 78); «сухонская культура или отделилась от бутовской на поздних ступенях развития последней или находилась с ней в постоянной и прочной связи, как с родственной группой населения» (Кольцов, Жилин 1999: 78), и т. д., и т. п. Чем же объясняется промискуитет или его отсутствие? Ответ авторов несколько туманен: «в этой миграции ... участвовало население не только бутовской культуры, но и родственной ей валдайской культуры и, возможно, других культур или механизм возникновения подобных памятников был более сложным, чем просто миграция» (Кольцов, Жилин 1999: 77). Увы, авторы действительно не видят, что генезис синкретизма весьма прост, – это элементарное механическое смешение разнокультурных материалов, причем Л.В. Кольцов, сам того не подозревая, однажды уже описал этот «механизм». Выявленная им «закономерность сложения мезолитических культур Северной Европы» (Кольцов 1979) и есть процедура образования смешанных материалов, а никак не археологических культур.

Следовательно, изученные материалы позволяют не просто выяснить отдельные факты, которые традиционно интерпретировались как свидетельство контактов бутовского и иеневского населения, но и оценить их. 1) В настоящее время нет данных, свидетельствующих о враждебных отношениях между населением бутовской и иеневской культур, да и о какой «враждебности» по каменным комплексам можно говорить вообще? 2) Метисация разнокультурных материалов происходит сама по себе в результате действия объективных почвенных процессов. Разрушение культурных слоев мезолитических стоянок под воздействием почвенных процессов происходит объективно и свидетель-

ством тому служит подъемный материал, который присутствует на современной дневной поверхности почти любого памятника. Вот почему любое население, оказавшееся вторым на конкретном месте, поневоле «запускает механизм» смешения материала или «естественной поликультурности». Как это ни печально, но натурация объективна и неучет этого феномена приводит лишь к открытиям, подобных сделанному М.Г. Жилиным: «Этот могильник отражает процесс смешения пришлого населения с кремневым инвентарем, .., и местного населения с кварцево-сланцевым инвентарем» (Жилин 1999: 7). 3) Никаких бесспорных данных о бутовско-иеневском взаимодействии в настоящее время нет, а заключение об их контактах сделано на недостоверных источниках.

В этой связи не могу оставить без внимания замечание А.Е. Кравцова, который полагает, что фактов, говорящих о бутовско-иеневском взаимодействии, «вряд ли достаточно для обоснования научной гипотезы» (Кравцов 1999: 105). Действительно, если, как А.Е. Кравцов, говорить лишь об «единичных иеневских наконечниках с плоской центральной ретушью» или «единственной трапеции в Микулино» (Кравцов 1999: 105), таких данных недостаточно. Однако, если рассмотреть всю изложенную выше совокупность сведений и определить закономерности в формировании мезолитических источников (Сорокин, 2000а; Сорокин, 2000б), говорить о том, что такого взаимодействия не было, можно вполне обоснованно.

Вопрос о судьбе иеневского населения остается до сих пор открытым. В порядке рабочей гипотезы можно предположить, что иеневская культура на своем заключительном этапе из Сельцо 3 и Иенево 2 трансформируется в памятники типа Кирицы 1 (Кравцов, Сорокин 1991), весьма сходные со средневолжскими, относящимися к усть-камской культуре (Галимова 1998) и памятникам Марийского Поволжья (Никитин 1996; Ластовский 1993), между которыми, по моему мнению, нет непроходимых различий и которые, видимо, являются лишь разными хронологическими этапами единой культуры. Во всяком случае, сходство с наиболее ранним из них – Сюкеевским Взвозом (Галимова 1990; 1991; 1992; 1994) у Кириц 1 (Сорокин 1991; 1997) очень велико. А палеолитический возраст, на котором настаивают некоторые исследователи (Бутаков, Галимова, Мозжерин 1988; Галимова 1995 1999) Сюкеевского Взвоза не бесспорен. Полагаю, что, скорее всего, он преобразельный. Если это так, то хронологически все становится на свои места. Без сомнения, иеневские черты (чтобы не сказать – при-

надлежность) в еще большей мере, чем в Сюкеевском Взвозе, присутствуют и в Тетюшской 3 стоянке, которая сопоставима с памятниками среднего этапа иеневской культуры (Галимова 1996; 1999). Противоречия в сказанном нет, так как в отношении названных стоянок, при отсутствии независимых дат, логично исходить из тех представлений, которые связывают всю совокупность данных, а не отдельные ее звенья.

В самом деле, в Тетюшской 3 имеются и асимметричные наконечники с боковой выемкой, ничуть не отличающиеся от иеневских, и черешковые аренсбургские наконечники, и многочисленные, «абсолютно иеневские» трапеции и, наконец, такая хорошо известная в иеневских материалах форма, как топор с перехватом. Сходство иеневских и усть-камских материалов столь существенно, что следует говорить, вероятно, даже о большей их близости, чем просто единая генетическая основа. Учитывая, что на верхнепалеолитических стоянках региона Лобач 2 и Камское Устье 2 имеются прямые, правда, немногочисленные, аналогии охотничьему вооружению культур Лингби и Федермессер, а в Сюкеевском Взвозе, помимо этих культур, еще аренсбургской и иеневской культурам, полагаю, что материалы усть-камской культуры не выходят из общеевропейского контекста. Мне представляется, что иеневская (Кольцов 1989; Сорокин 1991), песчаноровская (Неприна, Зализняк, Кротова 1986; Зализняк 1989; Зализняк 1996) усть-камская (Косменко 1977; Галимова 1999) и зимовниковская (Зализняк 1996; Зализняк, Гавриленко 1996; Гавриленко 1999) культуры составляют на территории Восточной Европы единую историко-культурную область, которая вместе со скандинавскими культурами Фосна и Комса (Clark 1975; Koslowski.. 1975) входят в постаренсбургскую общность. И именно в этой связке следует рассматривать характеристику, хронологию и историческую судьбу всех вышеназванных культур. Впрочем, исследование постаренсбургской общности шире задач данной работы и должно быть предметом специального исследования. Единственное, что здесь следует отметить, так это то, что исследование проблем, с нею связанных, должно вестись исключительно на основании источниковедчески надежных материалов.

Хорошо осознавая всю необъятность затронутого ранее вопроса о судьбе иеневского и усть-камского населения, высажу лишь предположение, что она может быть связана с традицией населения, известного нам по ранненеолитическим коллекциям, собранным Л.Л. Конинской на территории Республики Коми (Археология ... Коми 1997), разумеется, при условии

вии «чистоты» последних. Ведь именно в них встречаются многочисленные иеневские трапеции, но сильно уменьшившиеся в размерах, которые идут уже в комплексах с накольчатой керамикой и, следовательно, историческая судьба иеневского и усть-камского населения могла развиваться именно в этом направлении.

Что касается связи песочноровской культуры с памятниками типа Вырчище или неолитом ямочно-гребенчатой керамики (Неприна 1976; Неприна, Зализняк, Кротова 1986; Зализняк 1991), то вывод этот сделан на недостоверном в источниковедческом отношении материале и не может быть в настоящее время принят (Сорокин 2000а; Сорокин 2000б).

Пургасовская культура

Пургасовская культура выделена автором в 1985 г. (Сорокин 1987в; Сорокин 1987г; Смирнов, Сорокин 1989). Эпонимный памятник – стоянка Пургасово 3 – располагается, как отмечалось выше, на правобережье р. Мокши на востоке Рязанской области. Его индустрия характеризуется развитой пластинчатой и отщеповой техникой. Нуклеусы представлены одноплощадочными коническими, карандашевидными или призматическими экземплярами, предназначенными для снятия пластин и микропластин.

Среди орудий доминируют резцы, а в них преобладают изделия с неподработанной площадкой скола, более трети из которых нуклевидные. Двутранных и ретушных резцов поровну, присутствуют комбинированные, однако, в совокупности число их невелико. Весьма характерны плоские сколы. На втором месте по численности стоят вкладыши из фрагментированных пластин, на третьем – скребки. Среди скребков превалируют концевые, их дополняют двойные концевые, боковые, концевые-боковые, подокруглые, скробачи и стрельчатые. Скобели, как правило, с дугообразными, узкими, мелкими выемками. Сверла бывают с невыделенным концом или плечиковые. Разнообразны комбинированные орудия, наиболее часты сочетания резцов с ножами или скребками. Встречены пластины с регулярной приостряющей или, реже, притупляющей ретушью, тесла подтрегулярной или подтрапециевидной формы, выполненные из отщепов или желваков в технике оббивки, двустороннего ретуширования или шлифовки. Многочисленны косые острия, а также микролиты с поперечно срезанным ретушью концом и микролиты с выемкой на конце. Последние часто имеют подтеску плоской ретушью на брюшке. Этот прием является культуроопределющим для пургасовских памятников. В верхнем палеолите он представлен в Авдеево, в мезолите – присутствует в Веретье 1. Симметричные острия, напротив, устойчивых серий не образуют. Весьма выразительны абразивы, «выпрямители древков стрел» и каменные грузила с пазами для подвешивания или круглыми сверлинами. Сверление широко представлено в

культуре Веретье. Среди наконечников стрел, помимо традиционных постсовидерских, очень характерны изделия с выемкой на конце двух разновидностей: первая – массивные поперечно-лезвийные черешковые наконечники, боевой конец которых оформлен двусторонней крутой или пологой в сочетании с плоской ретушью прямо или в виде выемки, и вторая – крупные острия с пильчатой ретушью на боевом конце и выемкой в основании. Специфику пургасовской культуры составляют: прием подтески и двустороннего ретуширования, предметы охотничье-го вооружения, комбинированные орудия, а также каменные грузила.

Территория пургасовской культуры, учитывая состояние ее источниковедческой базы, может быть очерчена в самом предварительном виде. Она охватывает Среднее и Нижнее Примокшанье (Пургасово 3, Имерка 4, Шаверки 5) в пределах Окско-Мокшинской низины, Мещерскую низменность (Шагара 4, Борисово 1), Верхне-Волжскую низменность (Дорки 4) и, вероятно, выходит на Великий водораздел (Круглое озеро).

Несмотря на то, что с 1985 г. существенного увеличения источниковедческой базы пургасовской культуры не произошло, мне не кажется ее выделение неоправданным. Во-первых, эпонимная стоянка настолько выразительна и своеобразна, что сама по себе может служить эталоном. Во-вторых, понятие «археологическая культура» предпочтительней термина «памятники типа ...» своюю краткостью и большей понятийной разработанностью. В-третьих, термин «памятники типа ...» страдает меньшей определенностью. Наконец, помимо Пургасово 3 имеется еще один территориально удаленный, исследованный путем раскопок памятник – Шагара 4, давший не менее выразительный материал. Конечно, двух раскопанных памятников не так уж много, тем не менее, их культурная специфика настолько очевидна, а орудийный материал настолько разнообразен, что пургасовская культура, как мне представляется, имеет право на существование. Естественно, что и ее характеристика, и проблемы генезиса,

и исторических судеб могут быть в настоящее время определены лишь в самом предварительном виде или вообще только сформулированы. Надеюсь, что эффект «постановки проблемы» уже в ближайшее время приведет к расширению ее источниковедческой базы.

Несколько слов о генезисе пургасовской культуры. Прием плоского ретуширования в Восточной Европе с некоторых пор связывают с наследием свидерской культуры. Насколько это справедливо, судить не берусь. Не исключаю, что это положение может быть скорректировано, если появятся массовые даты для всех т.н. постсвидерских культур. Во всяком случае, генезис самой свидерской культуры и ее хронология еще не достаточны ясны, что не прибавляет ясности и вопросу о времени сложения постсвидера. Как и тому обстоятельству, а ведь ли «постсвидер» наследовал свидерские традиции? Ведь, несмотря на значительную хронологическую разницу в возрасте Пургасово 3 и верхне-палеолитической стоянки Авдеево, сходство многих изделий и технических приемов просто разительное. Логичнее, однако, проводить параллели пургасовской культуры с синхронными ей культурами. Так, не вызывают сомнения параллели с бутовской культурой. Сходство в оформлении бутовских и пургасовских наконечников достаточно велико и может свидетельствовать о связи населения этих культур, возможно, даже указывает на их генетическое родство. Однако прием плоского ретуширования не является исключительно бутовским, и считать

плоскую ретушь бутовской лишь на том основании, что эта культура лучше других в Волго-Окском бассейне исследована на настоящее время, было бы, очевидно, неправильно. Конечно, этот вариант возможный, но на нынешнем уровне знаний вряд ли его следует рассматривать как единственный или главный. Уже хотя бы потому, что абсолютно аналогичные постсвидерские наконечники есть и в кундской, и в донецкой культурах, и в культуре Веретье, и в ряде других. Вероятнее, правильней говорить, что пургасовская культура входит в круг постсвидерских, отдавая себе при этом отчет в нечеткости самого этого термина.

С некоторых пор принято считать, что на основе свидерской и аренсбургской культур складываются постсвидерская и постаренсбургская общности, распространенные на территории Восточной Европы. При этом полагают, что каменная индустрия свидерской культуры получила свое развитие в кундской, бутовской, сухонской, парчевской и пургасовской культурах, а лингби, аренсбург и, возможно, культуры федермессер – в исеневской, песочноровской, зимовниковской и усть-камской культурах, а также культурах фосна и комса. Возможно, это так, но известное противоречие заключается в том, что исконные территории культур федермессер, лингби, гамбургской, аренсбургской и свидерской не входят в ареал постсвидерской и постаренсбургской общин. Значит, этот факт требует своего логического объяснения, которого пока нет.

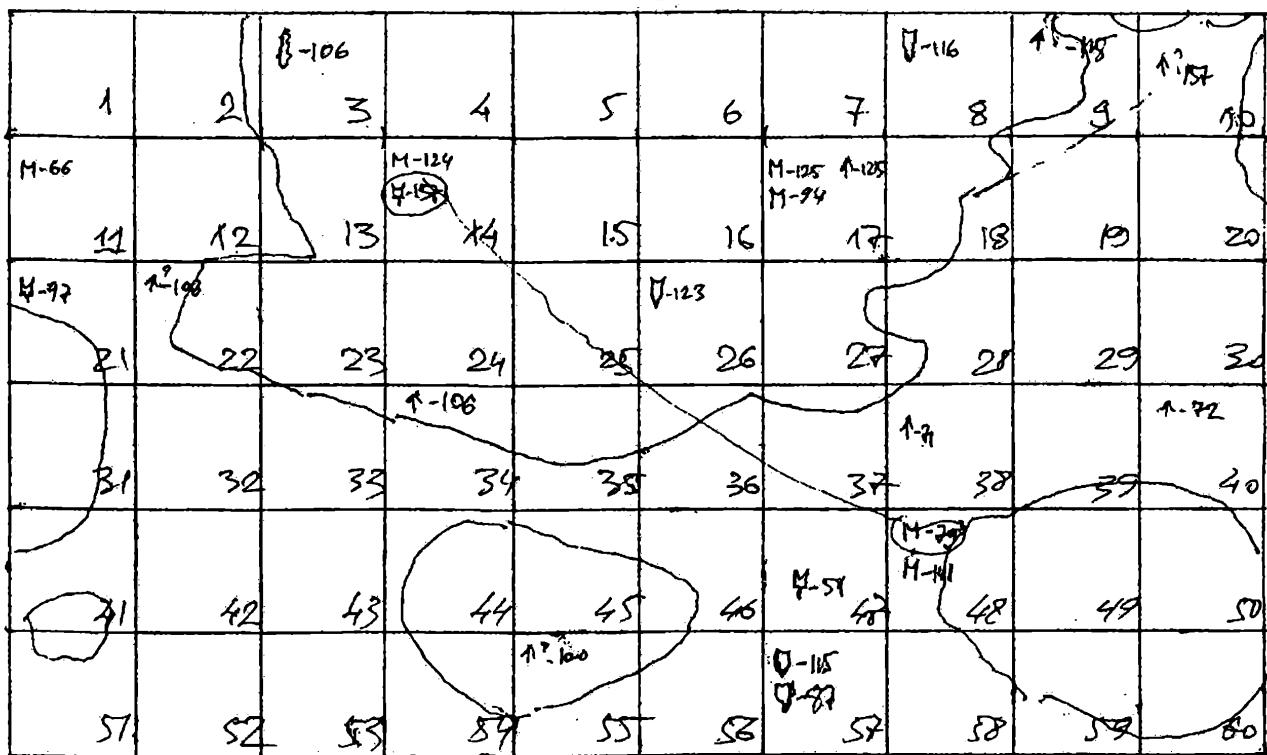

Рис. 30. Пургасово 3. Схема распределения наконечников стрел.

В последние годы в связи с резким расширением источниковедческой базы и общим изменением подхода к источникам многие очевидные раньше положения подвергаются пересмотру. Например, даже такой, казалось бы, очевидный вопрос о роли свидерской культуры в генезисе «постсвидерских» культур. Ареал свидерской культуры на территории Европейской части СССР не выходит из границ Полесья (в широком значении термина). Единственным исключением являются памятники Литвы, но эта территория фактически не имеет геоморфологической границы с Полесьем, как, впрочем, и с Польской низменностью. Фактически ни в Волго-Окском бассейне, ни к северу от него нет членовидных свидерских нуклеусов, а значит, нельзя говорить и о присутствии здесь свидерской индустрии как таковой, хотя формальное сходство по отдельным категориям изделий присутствует. В самом деле, ни Тихоново 1, ни Лотову Гору, ни Лукашенки нельзя назвать свидерскими стоянками, хотя формально в них имеются наконечники, подобные свидерским. То ли трансформация индустрии зашла чрезвычайно далеко, то ли это были не прямые потомки (или совсем не потомки) свидерского населения. Как не пытаются некоторые исследователи доказать связь бутовской культуры со свидерской (Кольцов, Жилин 1999), но остается непреложным факт, что в бутовской культуре нет полного набора свидерских признаков (Сорокин 1989б; 1989в). В этой связи уместно вспомнить, что и сопоставление такой «традиционно постсвидерской» культуры, как кундская, со свидерской, выполненное польской исследовательницей С. Сульгостовской (Sulgostowska 1999), ставит под сомнение наличие между этими культурами существенной связи. По мнению С. Сульгостовской (Sulgostowska 1999: 91) различия между свидерской и кундской культурами столь значительны, что их родство не представляется столь очевидным, как это казалось ранее (Кольцов 1977; Янитс 1991). Фактически, единственный признак, который может расцениваться в качестве свидерского наследия – это плоская ретушь на наконечниках (Sulgostowska 1999: 91). Но, замечу кстати, плоская ретушь не является атрибутом исключительно свидерской культуры.

Не отрицая в принципе саму идею сложения постсвидерских культур на основе свидерской культуры Польской и Полесской низменностей, тем не менее, хочу подчеркнуть, что она требует своего обоснования с учетом всего накопленного к настоящему времени материала и должна быть предметом не декларации, а

специального исследования и критического анализа. Во всяком случае этот переход, если он был, не может быть объяснен только как результат адаптации свидерского населения в раннем голоцене к условиям лесной зоны, ибо во всех исконных свидерских землях – и на территории Польши, и в Полесье, которые в мезолите также входили в лесную зону, никакого «постсвидера» нет. Напротив, здесь развиваются коморницкая и яниславицкая культуры, генетически не имеющие никакого отношения к свидеру. Правда, в некоторых стоянках этих культур присутствуют наконечники с плоской ретушью на брюшке (т.н. постсвидерские), но причины их появления в этих комплексах никем не обсуждались и не объяснялись. Прояснению ситуации не способствует и практически полное отсутствие независимых дат. В вопросе о роли свидерской культуры в генезисе т. н. «постсвидерских» культур немаловажно и то обстоятельство, что содержание самого этого термина достаточно неопределенно и что до сих пор никем не было произведено корректное сравнение культур, относимых к постсвидерским.

В этой связи уместно вспомнить и еще один факт. В верхнем палеолите Русской равнины наконечник с плоской ретушью на брюшке представлен в таких памятниках, как Авдеево и Костенки 1 (Ефименко 1958; Амирханов 1998; Анисович 1998; Гвоздовер 1998). Есть плоская ретушь также на наконечниках из Хотылево 2 и Гагарино (Заверняев 1974; Тарасов 1965; 1979; 1986). В литературе даже не исключается, что генезис самой свидерской культуры мог быть связан с какими-то из перечисленных индустрий. Именно поэтому нельзя абсолютно исключить и того, что материалы, объединяемые термином «восточный граветт», могут иметь непосредственное отношение к генезису «постсвидера». Во всяком случае, линия развития от Хотылево 2 и Гагарино к рессетинской, кундской и бутовской культурам представляется вполне осозаемой (Сорокин 1999). Следует отметить и тот факт, что классические постсвидерские наконечники есть в неолитических стоянках Аравийского полуострова, синхронных по времени ранним кундским и бутовским памятникам (Амирханов 1997), но вряд ли можно всерьез говорить о какой-либо связи населения Аравийского полуострова и Европейских равнин друг с другом или обмене между этими территориями. По этой причине содержание понятия «постсвидер» и генезис этого явления, бесспорно, заслуживают специального исследования.

Для решения вопроса о соотношении бутовской и пургасовской культур известное значение должны иметь наблюдения над распреде-

лением бутовских и пургасовских наконечников. Имеются три памятника, исследованные с помощью пространственной фиксации, на которых сочетаются пургасовские и традиционные постсвидерские наконечники – это Пургасово 3, Борисово 1 и Шагара 4¹⁵. Анализ показывает, что пургасовское и бутовское охотниче вооружение в жилище стоянки Пургасово 3 залегает совместно. Ибо глубины шести пургасовских (-94, -106, -116, -123, -124 и -125 см) и четырех постсвидерских наконечников (-106, -108, -115 и -125 см от условного нуля) практически совпадают. Вероятно, это свидетельствует об их существовании и единстве всего комплекса. К этой же мысли приводит и относительная четкость стратиграфии раскопа данного памятника. Тем не менее, это наблюдение не обязательно говорит о прямой зависимости между двумя этими культурами, в частности, о генезисе пургасовской индустрии на основе бутовской. Не свидетельствует уже хотя бы потому, что единственная пургасовская радиокарбоновая дата ничуть не моложе ранних бутовских, а также потому, что и другие постсвидерские культуры имеют достаточно общих черт с пургасовскими материалами.

В бутовской стоянке Борисово 1 два микролита, абсолютно идентичных по форме пургасовским наконечникам, встречены в жилище 1 в 1983 г. Из этого же жилища происходит сломанный постсвидерский наконечник, у которого торец подретуширован двумя фасетками круглой ретуши. Глубины залегания этих изделий равны -95, -100 и -107 см (от условного нуля). Глубины, установленные для бутовских наконечников этого же жилища, составляют -80, -86, -86, -95 и -100 см. Таким образом, интервалы глубин, без сомнения, пересекаются, но не абсолютно, что не позволяет строго говорить о гомогенности или, напротив, гетерогенности комплекса.

Как известно, принципиальное отличие пургасовских наконечников от бутовских заключается в наличии на боевых частях первых из них выемки или поперечного лезвия. Насады, напротив, в ряде случаев бывают сходны и сложны для различения – это, прежде всего, относится к изделиям, черешок которых подработан лишь на спинке или противолежащей ретушью. Как представляется, плоская ретушь на брюшке в Шагаре 4 характерна лишь для черешков бутовских наконечников и отсутствует на пургасовских наконечниках типа А. Вместе

с тем, это наблюдение может и не соответствовать полностью действительности или относиться исключительно к Шагаре 4, так как в Пургасово 3 плоская ретушь есть на черешках многих пургасовских наконечников. Поэтому для сравнительного анализа изделий Шагары 4 пригодны лишь целые предметы или такие фрагменты, культурная атрибуция которых не вызывает сомнения. Это резко суживает сравнительную базу. В жилище 1 1987 г. Шагары 4 глубины залегания пяти бутовских предметов составляют: -57, -68, -72, -86 и -111 см (от условного нуля), трех пургасовских – -95, -109 и -115. Эти цифры свидетельствуют о компактном залегании пургасовских изделий и, по-видимому, о предшествовании пургасовских наконечников бутовским. Кроме того, в двух квадратах имеются случаи сочетания фрагментов боевых частей бутовских (54 В -68, 74 В -57) и пургасовских наконечников (54 Г -86, 74 А -91), которые тоже, как будто, подтверждают высказанное предположение. Косвенным свидетельством этим стратиграфическим данным служит распределение неолитических наконечников, тоже найденных на площади мезолитического жилища, глубины залегания которых составляют -48, -53 и -54 см, т. е., в целом, выше бутовских. Тем не менее, распределение изделий в заполнении жилища могут иметь свои особенности, не обязательно совпадающие с хронологическим положением артефактов. В частности, для наконечников жилища 2 1994 г. сравнительные данные не столь очевидны: глубины залегания пургасовских наконечников равны -27, -43, -43, -53 и -54 см (от условного нуля), а бутовских – -31, -33, -42 и -63, правда, оба неолитических наконечника залегали на отметке -24 см.

На этом основании, источниковедческий анализ не дает однозначного ответа о соотношении бутовской и пургасовской индустрий. Поэтому гипотезы об их родстве и взаимосвязи, подобно и вариантам независимого сложения обеих культур, возможно, на единой основе, как и механического смешения материалов, должны рассматриваться как равновероятные.

Прочее охотниче вооружение пургасовской культуры менее очевидно. Например, в Шагаре 4 довольно многочисленны микролиты с затупленным краем, которые в Волго-Оксском бассейне служат отличительным признаком для бутовской и рессетинской культур. В Пургасово 3, напротив, они отсутствуют. С чем мы в конкретном случае имеем дело, развитием традиций, заимствованием или новацией? Здесь, вероятно, уместно вспомнить, что в Шагаре 4, помимо выразительных и представительных пургасовских, есть еще и бутовские материа-

¹⁵ Все прочие стоянки, где имеются пургасовские и постсвидерские наконечники, представлены либо подъемным материалом, либо раскопаны по условным горизонтам, поэтому не пригодны для пространственного анализа.

лы, а также единичные изделия других культур. Поэтому к какому культурному компоненту этого памятника отнести микролиты с затупленным краем, гадать бессмысленно.

Говоря о генезисе пургасовской индустрии нельзя также исключить ее связи с индустрией культуры Веретье. В Веретье 1, помимо постсвидерских наконечников, аналогичных пургасовским, широко распространено сверление камня, а на одном из косых острый имеется не только оформленный подобно пургасовским боевой конец, но и пильчатая ретушь на черешке (Ошибкина 1997, рис. 32, 18). Кроме того, на этом памятнике при обработке площадок резцов эпизодически использована плоская подтеска. Заслуживает внимание и присутствие пильчатой ретуши на охотничье вооружении кундской культуры. Хотя здесь сходство, в отличие от культуры Веретье, гораздо более опосредованное и менее уловимое.

Хронология пургасовской культуры может быть предложена лишь предварительно. Возраст стоянки Борисово 1 (шлейф с находками в пойме) определен палинологическим методом не позднее начала бореала. Для стоянки Шагара 4 получена радиоуглеродная дата 9350 ± 200 (ГИН 5417), помещающая этот памятник в конец преобреального – начало бореального времени. Других естественнонаучных дат для пургасовских стоянок в настоящее время нет. Исходя из этих данных, а также размеров каменных изделий и известнойrudиментарности микролитов пургасовского типа в Борисово 1, можно предположить, что Пургасово 3 является наиболее ранним из известных памятников. Если же допустить, что наиболее ранним является материал Шагары 4, то обратная последовательность – от Борисово 1 к Пургасово 3 – вряд ли возможна в силу психологической невыводимости из микролитов изделий крупных размеров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование зоны Окско-Мокшинской низины крайне далеко от идеального. Фактически, пока в наличии всего две полноценные коллекции, поэтому решение многих ключевых вопросов источниковедения вряд ли возможно лишь на их основе. Анализ имеющихся комплексов, без сомнения, показывает, что Пургасово 3 и Барашево 1 относятся к разным археологическим культурам. Если Барашево 1 представляется «чистым» гомогенным комплексом, то Пургасово 3 производит впечатление синкретического комплекса. Однако генезис этого синкретизма пока не ясен.

В любом случае, однако, на основе имеющихся данных вряд ли возможен единственный вариант решения вопроса. Надеюсь, что последующие исследования внесут и в эту проблему большую ясность.

Территория Примокшанья и Мещерская низменность – это фактически единая геоморфологическая зона, не имеющая внутренних границ. Поэтому она может рассматриваться лишь как зона освоения пургасовского населения, его «кормовая территория». Возможно, это наиболее обжитая часть ареала обитания рассматриваемой популяции. Может быть, такое впечатление складывается из-за историографического момента – сравнительно лучшей обследованности Примокшанья и Мещеры по сравнению с территорией Великого водораздела. Если исходить из гипотетической реконструкции ХКТ населения лесной зоны преобреального и бореального времени как охотников-собирателей лесной зоны, то вероятность именно таких перемещений или миграций в пределах единого географического ареала и одного водного бассейна для населения пургасовской культуры представляется вполне естественной.

Таковы, вкратце, культурная ситуация в мезолите бассейна р. Оки и место в ней памятников низовьев р. Мокши. В бассейне Оки, как отмечалось, присутствуют и отдельные памятники, обладающие чертами своеобразия, которые нельзя соотнести в силу разных причин ни с одной из известных культур или такое отнесение является дискуссионным. В первую очередь, это материалы стоянки Красное 1 «Вася», в которых прослеживается «присутствие индустрии» Примокшанской стоянки Барашево 1. Хочется верить, что дальнейшие исследования могут уточнить и дополнить изложенный выше очерк.

Анализ мезолитических источников показывает их сложную природу. Так, генезис синкретизма чаще бывает вызван не взаимодействием групп древнего населения, а исключительно действием природных факторов, в первую очередь, почвенных процессов. Феномен натурации тем и опасен, что генерирует источник, внешне почти неотличимый от того, который может возникать в результате культурного взаимодействия разных этносов. Вот почему синкретизм является атрибутом многих коллекций подъемного материала. Только знание контекста находки, геоморфологических условий образования и жизни слоя, наличие

аппликаций и находок-маркеров может дать основания для выявления происхождения природы синкретизма.

В работе впервые монографически описаны коллекции Баращево 1 и Пургасово 3 – наиболее выразительных стоянок низовьев р. Мокши. Анализ их материалов не только подтверждает гипотезу культурного многообразия мезолита Оксского бассейна, но и позволяет конкретизировать составляющие этого разнообразия. Материал мезолитических стоянок р. Мокши, безусловно, достаточно своеобразен, но это своеобразие показывает, сколько еще неизученных проблем ждет своего решения.

Следует отметить и важную роль матери-

ЛИТЕРАТУРА

- Абатуров А.М. 1968. Полесья Русской равнины в связи с проблемой их освоения. М.: «Мысль».
- Амирханов Х.А. 1997. Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры. М.
- Амирханов Х.А. 1998. Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы? // Восточный граветт. М: «Научный мир». С. 15-34.
- Аникович М.В. 1998. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. М.: «Научный мир». С. 35-66.
- Археология Беларусь 1997. Т. 1. Каменны і бронзавы вякі. Мінск: «Беларуская навука».
- Бадер О.Н., Кольцов Л.В. 1974. Мезолитические стоянки близ города Калинина // СА. №1. С. 124-130.
- Бодунов Е.В. 1976. Отчет о разведках и раскопках, произведенных в 1976 г. в Калининской области в составе Историко-археологической экспедиции Калининского госуниверситета // Архив ИА РАН. Р-1, № 6754.
- Бодунов Е.В., Воробьев В.М., Жилин М.Г. 1983. Мезолитическая стоянка Красново 1 // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин. С. 3-11.
- Борисенко В.И., Бубнов В.Ю., Смирнов А.С. 1996. Программный комплекс сопровождения археологических баз данных и анализа распределения массового материала в культурном слое поселений // Компьютеры в археологии. Материалы конференции «Опыт компьютерной обработки археологических материалов». Москва, апрель 1993 года. М. С. 31-39.
- Бугаков Г.П., Галимова М.Ш., Мозжерин В.И. Геологогеоморфологические условия и палеогеография палеолитических памятников правобережья Средней Волги // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Канз. С. 3-19.
- Вихляев В.И., Ставицкий В.В. 1995. Балахнинские поселения на Средней Мокше Шаверки 2 и Шаверки 5 // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. Йошкар-Ола. С. 35-49.
- Воробьев В.М. 1976. Отчет о разведках в Калининской области в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5819.
- Выборнов А.А., Третьяков В.П. 1988. Неолит Сурского-Мокшанского междуречья. Куйбышев.
- Галимова М.Ш. 1990. Итоги исследования памятников позднего палеолита Верхней и Средней Волги // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Горький. С. 183-191.
- Галимова М.Ш. 1991. Исследования на Сюкеевском Взвозе // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск. С. 106-107.
- Галимова М.Ш. 1992. Исследования на Сюкеевском Взвозе в 1989 – 1990 гг. // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань. С. 5-16.
- Галимова М.Ш. 1993. О территории усть-камской культуры // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург. С. 34-35.
- Галимова М.Ш. 1994. О территории усть-камской культуры // Памятники древнейшей истории Волго-Камья. Казань. С. 6-16.
- Галимова М.Ш. 1994. Охранные раскопки на Сюкеевском Взвозе // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола. С. 38-39.
- Галимова М.Ш. 1995. Тетюшская 3 стоянка // Новые материалы по мезолиту Волго-Уралья. Казань. С. 23-77.
- Галимова М.Ш. 1999. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье Камы. Автореф. дис... канд. ист. наук. М.
- Гвоздовер М.Д. 1998. Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // Восточный граветт. М.: «Научный мир». С. 224-278.
- Гусенцова Т.М. 1993. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета.
- Гурина Н.Н. 1965. Новые данные о каменном веке Северо-Западной Белоруссии // МИА. Вып. 131. М-Л. С. 141-203.
- Гурина Н.Н. 1966. К вопросу о позднепалеолитических и мезолитических памятниках Польши и возможности сопоставления с ними памятников Северо-Западной Белоруссии // МИА. Вып. 126. М. Изд-во «Наука». С. 14-34.
- Жилин М.Г. 1978. Исследование мезолитических стоянок на Верхней Клязьме // АО-1977. С. 61.
- Жилин М.Г. 1980. О работах Окуловского отряда Верхневолжской экспедиции // АО-1979. М. С. 144-145.
- Жилин М.Г. 1985а. Технолого-функциональные исследования мезолитических орудий Волго-Окского бассейна // Автореф. ... дис. канд. ист. наук. М.
- Жилин М.Г. 1985б. Археология № 55. С. 26-32.
- Жилин М.Г. 1999. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы // Автореф. дис... докт. ист. наук. М.
- Жилин М.Г., Кравцов А.Е. 1991. Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка 1 // Археология Верхнего Поволжья. Н. Новгород. С. 3-18.

- Жилин М.Г., Миронос А.А. 1983. О работе Горьковской экспедиции // АО-1982. М.
- Жилин М.Г., Фролов А.С., Крымов Е.Ю. 1996. Мезолитическая стоянка Прислон 1 на верхней Волге // ТАС. Вып. 2. Тверь. С. 126 – 133.
- Заверняев Ф.М. 1974. Новая верхнепалеолитическая стоянка на р. Десне // СА. № 4. С. 142-161.
- Зализняк Л.Л. 1984. Мезолит Юго-Восточного полесья. Киев: «Наукова думка».
- Зализняк Л.Л. 1989. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев: «Наукова думка».
- Зализняк Л.Л. 1991. Население Полесья в мезолите. Киев: «Наукова думка».
- Зализняк Л.Л. 1995. Фінальний палеоліт України // Археологія. Вип. 1. С. 3-21.
- Зализняк Л.Л. 1995. Ранній мезоліт України // Археологія. Вип. 3. С. 3-16.
- Зализняк Л.Л. 1995. Піздній мезоліт України // Археологія. Вип. 4. С. 3-16.
- Зализняк Л.Л. 1999. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи. Київ: «НаУКа».
- Зализняк Л.Л., Гавриленко І.М. 1996. Зимівниківська мезолітична культура Лівобережної України // Археологія. № 1. С. 97-103.
- Зеленеев Ю.А., Шитов В.Н. 1978. Работы в Кадомской Примокшанье // АО-1977. М. С. 61.
- Зубков В.И. 1950 Новые сборы на Борковской мезолитической стоянке // КСИИМК. Вып. XXXI. С. 141 – 150.
- Ефименко П.П. 1958. Костенки 1. М-Л. Изд-во «Академии Наук СССР».
- Квасов Д.Д. 1975. Приледниковые озера и внутренние моря Восточной Европы. Л.
- Кольцов Л.В. 1963. Стоянка Коприно на Верхней Волге // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.: «Наука». С. 7-17.
- Кольцов Л.В. 1966. Новые раскопки стоянки Елин Бор // МИА. Вып. 126. М-Л. С. 178-184.
- Кольцов Л.В. 1976. Культурные различия в раннем мезолите Волго-Окского бассейна // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: «Наука». С. 21-26.
- Кольцов Л.В. 1977. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М.
- Кольцов Л.В. 1989. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. М. С. 68-69.
- Кольцов Л.В. 1989. Мезолит Севера Сибири и Дальнего Востока // Археология СССР. Мезолит СССР. С. 187-194.
- Кольцов Л.В. 1996. Мезолитические культуры Волго-Окского междуречья // ТАС. Вып. 2. Тверь. С. 71-74.
- Кольцов Л.В. 1998. О характере взаимоотношений соседних культур в мезолите Северной Европы // ТАС. Вып. 3. Тверь. С. 75-79.
- Кольцов Л.В., Воробьев В.М., Жилин М.Г. 1979. О работах в Калининской области // АО-1978. М. С. 63.
- Кольцов Л.В., Жилин М.Г. 1987. Мезолитическая стоянка Угольново 1 // СА. № 3. С. 131-135.
- Кольцов Л.В., Жилин М.Г. 1999. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М.
- Кольцов Л.В., Жилин М.Г., Черников В.Ф. 1991. Мезолитическая стоянка Старая Пустынь // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород.
- Кольцов Л.В., Бодунов Е.В., Воробьев В.М., Жилин М.Г., Максимов А.Д., Мирецкий А.В. 1978. Работы в Калининской области // АО-1977. М. С. 64, 65.
- Копытин В.Ф. 1977. Мезолит Юго-Восточной Белоруссии // КСИА. Вып. 149. С. 60-66.
- Копытин В.Ф. 1983. Поздний мезолит Посожья // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л.: «Наука». С. 44-51.
- Копытин В.Ф. 1990. Каменный век на территории Белоруссии. Минск.
- Копытин В.Ф. 1992. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. Могилев.
- Копытин В.Ф. 1999. Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья. // Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International archaeological symposium. April 1993. Lublin. Maria Curie-Sclodowska university press. Р. 256-286.
- Кравцов А.Е., Спиридонова Е.А. 1996. О возрасте и природном окружении иеневской культуры в Тверском Поволжье // ТАС. Вып. 2. Тверь. С. 99-107.
- Кравцов А.Е. 1999. Некоторые результаты изучения мезолитической иеневской культуры в Волго-Окском бассейне (по материалам середины 1980-х – 1990 гг.) // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Труды ГИМ. Вып. 103. С. 79-108.
- Крайнов Д.А. 1964. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья // КСИА. Вып. 97. С. 4-6.
- Крайнов Д.А., Зайцева Г.И., Уткин А.В. 1990. Стратиграфия и абсолютная хронология стоянки Ивановское 3 // СА. № 3. С. 25-31.
- Крайнов Д.А., Кольцов Л.В. 1979. Проблемы первобытной археологии Волго-Окского междуречья (по результатам работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР) // Советская археология в X пятилетке. Всесоюзная конференция. Тезисы пленарных докладов. Л. С. 22-26.
- Крайнов Д.А., Кольцов Л.В. 1983. Крайнов Д.А., Кольцов Л.В. 25 лет (1959-1983) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии наук СССР // СА. № 4. С. 267-271.
- Крайнов Д.А., Лозовский В.М., Костылева Е.Л. 1990. Мезолитическая стоянка Сахтыш 9 // АПВКМ. Иваново. С. 23-31.
- Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. 1977. Верхневолжская ранненеолитическая культура // СА. № 3. С. 42-68.
- Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. 1984. Ивановские стоянки – комплекс мезо- и неолитических озерно-болотных поселений в Волго-Окском междуречье // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М.
- Крылова Т.Б. 1986. Классификация мезолитических наконечников стрел Валдайской возвышенности // Палеолит и неолит Л. С. 142-148.
- Ксензов В.П. 1988. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. Минск: «Наука и техника».
- Ксензов В.П. 1993. Мезолитические культуры Белорусского Подвінья и Поднепров'я // Автореф. дис... докт. ист. наук. Минск.
- Ксензов В.П. 1994. Мезолитическая днепро-деснинская культура // Гістарычна археалагічны зборнік. Вып. 5. Мінск. С. 61-86.
- Ксензов В.П. 1996. Мезолит Белорусского Подвінья // РА. № 3. С. 5-22.
- Ксензов В.П. 1997. Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси // РА. № 1. С. 5-20.
- Ксензов В.П. 1999. Новые памятники гренской культуры в Белорусском Поднепровье // Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International archaeological symposium. April 1993. Lublin. Maria Curie-Sclodowska university press. Р. 229-239.
- Ларичева И.Б. 1986. Мезоиндейские культуры Северной Америки. Культура плано. Новосибирск.
- Ластовский А.А. 1993. Мезолит Среднего Поволжья и Приуралья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Тезисы. Екатеринбург.
- Мирецкий А.В. 1994. Новый памятник эпохи первобытности в бассейне р. Шоши // ТАС. Тверь. С. 70-74.

- Мирецкий А.В., Фролов А.С. 1991. Мезолитическая стоянка-мастерская Дорки 4 на Верхней Волге // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород. С. 19-29.
- Нейштадт М.И., Завельский Ф.С., Микляев А.М., Хотинский Н.А. 1969. Комплексы стоянок мезолита и неолита на болотах Берендеево и Ивановское в Ярославской области // Голоцен. М.
- Некоторые итоги.. 1998. Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново.
- Неприна В.И. 1976. Неолит ямочно-гребенчатой керамики на территории Украины. Киев: «Наукова думка».
- Неприна В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А. 1986. Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев: «Наукова думка».
- Никитин В.В. 1996. Каменный век Мариийского края. Труды Мариинской археологической экспедиции. Йошкар-Ола. Том 4.
- Ошибкина С.В. 1997. Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: «Наука».
- Палеогеография Европы за последние 100 тысяч лет. Атлас-монография. М. 1982
- Палеолит. 1982. Палеолит Костенковско-Боршевского района. Л.: «Наука».
- Попова Т.Б. 1962. Археологические коллекции Моршанского краеведческого музея // СА. № 4. С. 210-214.
- Сейбутис А.А. 1980. Проблема этногенеза балтов и славян в свете палеогеографии // Природа. № 11. С. 78-85.
- Сидоров В.В., Сорокин А.Н. 1997. Многослойное поселение Замостье 5 // Древности Залесского края. Материалы к Международной конференции «Каменный век Европейских равнин». Сергиев-Посад. С. 144-163.
- Сидоров В.В., Сорокин А.Н. 1998. Раскопки многослойного поселения Замостье 5 // ТАС. Тверь. Вып. 3. С. 226-237.
- Смирнов А.С., Сорокин А.Н. 1989. Деснинская экспедиция в 1984 – 1985 гг. // КСИА. Вып. 196. С. 12-19.
- Сорокин А.Н. Отчет об исследованиях в Рязанской области в 1985 г. Р – 1. № 11155.
- Сорокин А.Н. 1989б. К проблеме происхождения бутовской культуры // СА. № 2. С. 24-34.
- Сорокин А.Н. 1989в. Бутовская мезолитическая культура в Мещерском и Жиздринском полесьях // Автореферат дис... канд. ист. наук. М.
- Сорокин А.Н. 1985. Работы мезолитического отряда Деснинской экспедиции в 1983 г. // АО-1983. М. С. 84, 85.
- Сорокин А.Н. 1987. Бутовская мезолитическая культура // ВАИВП. Калуга. С. 9-11.
- Сорокин А.Н. 1987б. О происхождении кундской культуры // Вопросы археологии и истории Верхнего Поволжья. Вып. 2. Калуга. С. 11-14.
- Сорокин А.Н. 1987в. Исследования на объектах мелиорации в Рязанской области // АО-1985. М. С. 104-105.
- Сорокин А.Н. 1987г. Культурные различия в мезолите бассейна р. Ока // КСИА. Вып. 189. С. 41-46.
- Сорокин А.Н. 1987д. Опыт исследования мезолитических стоянок с неокрашенным культурным слоем // Задачи Советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. М. С. 238-239.
- Сорокин А.Н. 1989а. Исследования на новостройках и сохранность археологических памятниках // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. Тезисы научно-практического семинара. Сузdal. 13-17 февраля 1989. М. С. 40-41.
- Сорокин А.Н. 1989. К проблеме происхождения бутовской культуры // СА. № 2. С. 24-34.
- Сорокин А.Н. 1989. Бутовская мезолитическая культура // Автореф. ... дис. канд. ист. наук. М.
- Сорокин А.Н. 1990. Бутовская мезолитическая культура (по материалам Деснинской экспедиции). М.
- Сорокин А.Н. 1994. Еще раз о происхождении кундской культуры // Международная конференция к 100-летию В.И. Равдоникаса. Тезисы докладов. СПб. С. 66-68.
- Сорокин А.Н. 2000а. Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы // Автореф. ... докт. ист. наук. М.
- Сорокин А.Н. 2000б. Метаморфизы источника по мезолиту Восточной Европы // ТАС. Тверь. Вып. 4. Т. 1. С. 48-69.
- Спиридонова Е.А. 1999. Заключение по результатам палинологического анализа разреза на стоянке Куково 1// Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М. Труды музея истории города Москвы. Выпуск 10. Часть 3. С. 15-18.
- Ставицкий В.В. 1999. Каменный век Примокшанья и Верхнего Пусурья. Пенза.
- Станко В.Н. 1982. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. Киев: «Наукова думка».
- Тарасов Л.М. 1965. Палеолитическая стоянка Гагарино (по раскопкам 1962 г.) // МИА. Вып. 131. М-Л. С. 111-140.
- Тарасов Л.М. 1979. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л. 168 с.
- Тарасов Л.М. 1986. Новые исследования Гагаринской стоянки // МИА. Вып. 131.
- Третьяков В.П. 1987. Неолит между реками Суры и Мокши // Древности Среднего Поволжья. Йошкар-Ола.
- Третьяков В.П. 1990. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. Л.
- Трусов А.В. 1999. Куково 1 – новый памятник иеневской культуры на р. Осётре в Зарайском районе Московской области // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М. Труды музея истории города Москвы. Вып. 10. Часть 3. С. 7-14.
- Физико-географическое районирование Нечерноземного Центра. 1963. М.: «Высшая школа».
- Фоломеев Б.А. Отчет о работе Окско-Донской экспедиции ГИМ в 1983 г. Р – 1. № 9663, а, б.
- Фрайсон Дж. 1986. Добыча близонов и анализ каменных орудий на палеоиндийской стоянке Хорнер, Парк Каунти, Вайоминг, США // Исследования четвертичного периода. М. С. 176-183
- Халиков А.Х. 1969. Древняя история Среднего Поволжья. М.: «Наука».
- Хлобыстин Л.П. 1973. Древнейшие памятники Западного Таймыра // КСИА. Вып. 137. М. С. 89-95.
- Хлобыстин Л.П. 1998. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. СПб.
- Шитов В.Н. 1976. Эпоха камня и раннего металла в Приокшанье // Материалы по археологии Мордовии. Саранск. С. 24-87.
- Янитс К.Л. 1991. Кундасская культура. М. Автореф. дис... канд. ист. наук.
- Clare G.D. 1973. Seasonality and the Interpretation of lithic Assemblages // Estudios dedicados al Professor L. Pericot. Barcelona.
- Galinski T. 1997. Mezolit Europy. Szczecin.
- Jaanits K. 1981. Die mesolithischen Siedlungsplätze mit Feuersteininventar in Estland // Mesolithicum in Europa. 2 International Symposium. Potsdam. April 1978. Berlin. P. 389-399.
- Jaanits L., Jaanits K. 1978. Ausgrabungen der frühmesolithischen Siedlung von Pulli // Известия Академии наук Эстонской ССР. Таллин. № 27/1. С. 56-63.
- Jilin M.G. 1995 The Western Part of Russia in the Late Palaeo-

- lithic – early Mesolithic // L. Larson (ed). Earliest Settlement of Scandinavia. Acta Archaeologica Lundensia. 1995 : 80, N 24. P. 273-284.
- Jilin M.G., Koltsov L.V. 1999. Tanged points cultures in the upper Volga Basin // S. Kozłowski (ed.). Tanged Points cultures in Europe. Lublin. P. 295-310.
- Kozłowski S.K. 1972. Pradzieje ziem Polskich od IX do V tysiąclecia p. n. e. Warszawa.
- Kozłowski J.K., Kozłowski S.K. 1975. Pradzieje Europy od XL do IV tysiąclecia p.n.e. Warszawa.
- Ostrauskas T. 1999. Veluvasis paleolitas ir mesolitas Pietu Lietuvoje // Lietuvos archaeologija. T. 16. P. 7-17.
- Ostrauskas T. 2000. Mesolithic Kunda culture. A glimbe from Lithuania // De temporibus antiquissimis ad honorem Lembit Jaanits. Tallinn. P. 167-222.
- Prise T.D. 1981. Redactional Approaches to human Adaptation in Mesolithic of the northern European Plain // Mesolithicum in Europa. Berlin. P. 217-234.
- Sorokin A.N. 1999. On the problem of influence of Volga-Oka Mesolithic to the origine of Kunda culture // L'Europe des derniers chasseurs: épipaleolithique et mésolithique. Actes du 5-e colloque international UISPP, commission XII, Grenoble, 18-23 septembre 1995/ Édite par Andre Trevenin, sous la direction scientifique de Pierre Bints. Paris; Éditions du CTHS. P. 425-428.
- Sulgostowska S. 1999. Final Palaeolithic Masovian Cycle and Mesolithic Kunda culture Relations // Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International archaeological symposium. April 1993. Lublin. Maria Curie-Sclodowska univercity press. P. 85-92.

Монография поступила в номер в ноябре 2001 г.

Stratum plus. №1 (2003–2004)
Культурная антропология • Археология.
Кишинев. Высшая Антропологическая Школа. 2005. — 530 стр.

Подписано к печати 20.12.2005 г.

Высшая Антропологическая Школа.
MD 2024, Республика Молдова, г. Кишинев, ул. Зимбрулуй 10а.
Формат 60×84¹/₈. Бумага офсет №1. Печать офсетная.
Гарнитура «таймс». Тираж 500 экз. Заказ 329.
Отпечатано АО «Бизнес-Элита». Кишинев, ул.Болгарская 24.